Кадетская ПЕРЕКЛИЧКА

№ 53

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 53 Нью-Йорк Декабрь 1993 г.

"CADETS ROLLCALL"

Library of Congress Card No. 79-642319

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets
graduated outside of Russia, Inc.,
New York, USA

Administrator
George I. Shidlovsky
2 Carman Place
Glen Head, NY 11545

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИВАН ИЛЬИН
1883—1954

ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

Монтаж

СЕМЬЯ

Человек родится не только в недрах своей родины, но и в лоне семьи. Семья есть первая родина. Родина есть великая, национальная семья. Как соты пчелиные состоят из запечатанных ячеек с благоухающим медом, так жизнь народа состоит из семей: каждая ячейка отделена и запечатана, и все-таки все они вместе сращены в единство; в каждой ячейке свой мед, но из этих медов состоит единый мед целого улья. Разрушьте ячейки — и вытечет мед, и распавшуюся вощину отдадут на переплавку...

Только в семье любовь *чиста*, верна и органически строительна. Вне семьи она становится распутною и приучает людей к безответственности, измене, анархии и общественному распаду: безответственные и распущенные родители плодят беспризорных людей.

Нам не удастся ни освободить, ни возродить Россию без *чувства национального достоинства, без веры в благие силы своего народа*. Где же научатся этому русские дети, если не в своей родной семье?

Семья есть *родовой* очаг всех *здоровых* традиций. Человечеству нелепо начинать все сначала каждые двадцать лет. Опыт и мудрость накапливаются тысячелетиями. Культура без традиции невозможна; а традиция передается верно и полно только в знак любви и заботы, то есть в семье.

Семья есть *трудовой* очаг, трудовое, наследственное единение людей. Где прочна семья, там народ работает и богатеет, там цветет народное хозяйство.

Вот а каком смысле семья есть хранилище национального духа и здорового правосознания.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное родится именно в лоне *национального опыта, уклада и духа.* Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличение есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор.

Всей своей историей и культурой, всем своим трудом, созерцанием и гением каждый народ служит Богу, как умеет. И для этого служения каждый народ получает свыше *дары Святого Духа и земную среду для жизни и борьбы.* И каждый посвоему приемлет эти дары и по-своему создает свою культуру в данной ему земной среде.

Итак, национальное чувство есть *любовь* к историческому облику и к творческому акту своего народа.

Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание.

Национализм есть *воля* к творческому расцвету моего народа — в земных делах и в небесных свершениях.

Но истинный национализм учит и покаянию, и смирению — при созерцании слабостей и крушений своего народа:

За все, за всякие страданья,
За всякий попранный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, —

Пред Богом благости и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!

(Хомяков)

Истинный национализм открывает человеку глаза и на *национальное своеобразие других народов;* он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство, ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему, как могли.

Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален.

О ЗДОРОВОМ ПРАВОСОЗНАНИИ

Напрасно думают о праве и о государстве, что им есть дело только до «*внешнего* поведения» человека; что если это «внешнее поведение» в порядке, то внутренняя жизнь человека безразлична.

Все, что человек творит, он творит изнутри; и если он хочет сделать что-нибудь хорошее, то он должен сам стать внутренне лучше. В этом нравственная аксиома христианства.

Поэтому мы, русские люди, должны прежде всего обуздать, воспитать и укрепить в добре свои души. Жадные люди создадут общественный строй злобы и террора; продажные люди сведут все к взятке и предательству.

Мы должны утвердить в себе чувство собственного духовного достоинства, уважая в себе подобие Божие и звание русского человека. Только это застрахует нас от всяческой кривизны и низости.

Мы должны чтить в каждом человеке бессмертную душу, *брата пред лицом Божиим и свободного субъекта прав.*

Помышляя о России, мы должны всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов — к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает права и выгоды, но требует от всех служения и жертв. Один за всех, все за одного. Только жертвою и служением восстановим Россию.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Политика требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, а человека настоящего (волевого и духовного) качества. Отсюда в высшем смысле слова *аристократическая* природа государства, значение духовной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки.

После революционной ставки на жадность, на слепоту, на трусость и на бесчестье — Россию спасет только *ставка на качество.* Из хаоса, из разложения, из оскудения — есть только один путь: к сосредоточению благородной воли, к волевой дисциплине, к интенсивному труду, к *отбору и выдвижению лучших* национальных сил. Надо *творчески развязать качественные силы России.*

Россия будет голодать по *знающим* и *способным* людям на всех поприщах: от бухгалтерии до медицины, от профессуры до агрономии, от церкви до армии. И особенно — в политике.

России необходимы *воля* и *талант.* Их нельзя ничем заменить, ибо талант творит новое, а воля строит и держит организацию народной жизни. Революцию скомпрометировал партийный отбор; новый отбор должен быть деловым, *предметным,* а не *партийным.*

Дорогу честности! Дорогу знанию и таланту! Дорогу *русскому гению!* Новая, *качественная эпоха* нужна нашей родине, эпоха, которая довершила бы все упущенное, исцелила бы и зарастила бы все язвы революционного времени.

Только так создадим новую, сильную и национальную власть в России.

О ВЛАСТИ

Власть есть *духовная сила;* она покоится на уважении и доверии, на согласии людей повиноваться авторитету. Это согласие надо беречь, оно драгоценно. Если его разочаровать и растратить, то власть сведется к страху и насилию.

Только тщеславные люди пьянеют от власти; только глупцы впадают в «административный восторг» и в суетню; только неумелые люди начинают возвышать голос и махать руками. Власть есть бремя; надо нести его достойно и спокойно. Всякая власть имеет свои пределы; необходимо их строго соблюдать, не впадая в «превышения». Власть организует и движет жизнь, бездействие власти разрушает живой порядок. Надо, чтобы люди постоянно ощущали, что власть хочет добра, что она неподкупна и справедлива, что она сильна и тверда и что ее дело действительно удается ей.

Власть есть проявление духовного достоинства и воли. Кто вручает власть недостойным людям, тот губит ее. Кто вручает власть безвольному, тот подрывает ее.

Все духовное в жизни зарождается, зреет и творится в самодеятельности человека, по его внутреннему, таинственно-органическому почину (Аристотель выражал это термином «діауту», буквально — «через самого себя»). Безнадежно и вредно подавлять свободный почин людей и в области хозяйства и труда. Жизнь народа подобна не машине, а растению. К ней надо присматриваться и приспособляться, ей можно осторожно помогать и устранять ее болезненные проявления. Но заменить ее нечем; а произвол будет для нее гибелен. И государственная власть всегда должна помнить, что ее настоящее призвание состоит в том, чтобы *служить живому организму* народа, защищать его и оберегать, а не подавлять.

«Манифест русского движения».
София, 1938

Иван Александрович Ильин на историческом фоне русской зарубежной культуры личность выдающаяся и колоритная. Тонкий мыслитель, эрудит, несравненный лектор и оратор, признанный государствовед и правовед, Иван Александрович посвятил большую часть своего многостороннего дарования России; ею жил и болел.

Философом — как его иногда именуют, он, в строгом смысле слова, не стал, хотя и вышел из-под его пера ряд замечательных изысканий, посвященных классикам философии, в числе прочих — Фихте-старшему и Гегелю. Двухтомный труд Ильина о Гегеле получил европейское признание и был поставлен в ряд с двумя самыми авторитетными исследованиями о Гегеле, принадлежащими Стерлингу и Куно Фишеру.

В эмиграции в свое время Ильин «прогремел» своей апологией «Сопротивления злу силой». И хоть в жизни эта идея не упрочилась, его сокрушительная аргументация основательно поколебала укоренившееся в либеральных кругах толстовское «непротивленчество».

Литературное наследие И. А. Ильина внушительно: 30 книг и брошюр, сотни статей и трактатов на все возможные темы — религии, философии, искусства, права, политики. В большинстве его творений легко нащупывается пульс его основного интереса, его беззаветной любви к России.

М.

МЕЛХИСЕДЕК
Архиепископ Екатеринбургский и Курганский

НАРОДОМ НАС ДЕЛАЕТ ПАМЯТЬ

В течение последних двух-трех лет в печати появляются сообщения о предполагаемом строительстве в г. Екатеринбурге так называемого мемориала жертвам сталинских репрессий. Сейчас встал уже вопрос о финансировании этого проекта из городского бюджета. Во всех публикуациях о строительстве о нем говорится, как о деле уже решенном, хотя никакого обсуждения этого проекта в городе не производилось. И вот теперь администрация города просит городской Совет финансировать проект, все последствия воплощения которого не исследовались и даже не обсуждались.

Не о финансовой, а о духовной стороне проекта мне хотелось бы высказаться, поскольку я перед Богом, Церковью и народом ответственен за духовное наставление и духовное здоровье людей, живущих в Екатеринбургской епархии. Забота о мертвых нужна не мертвым, а живым, ныне живущим и будущим поколениям. Именно забота о мертвых и память о них есть одна из тех нерасторжимых нитей, которые связывают поколения в единое соборное целое, делая их единым цельным народом. Памятники мертвым сакральны по своему смыслу более, чем другие предметы духовной культуры, они сосредоточивают в себе духовные, причем именно культовые традиции народа, и настолько специфичны, что для археологов, к примеру, служат надежным отличительным признаком какого-то конкретного народа. Поэтому памятники мертвым являются неотторжимой частью народного духа, а не предметом эстетических изысканий и средством самовыражения художника, а их возведение не может быть дозволено произволу чиновников.

Зададимся вопросом — культурные традиции какого народа и сакральную практику какого народа представляет «дар» художника Неизвестного? Мы не знаем такого народа!

Возведение памятника с такими художническими изысками, не укорененными ни в какой духовной традиции, столь же неуместно и оскорбительно, как, к примеру, празднование фестиваля на кладбище.

Этот памятник равно оскорбляет религиозные чувства любого народа, любой конфессии, которые оказались жертвами тоталитарного геноцида. Особенно кощунственно оскорбляет он память и религиозные чувства православных христиан не только потому, что среди жертв православные составляют абсолютное большинство (никак не менее 90 процентов), но и потому, что среди жертв канонизированные святые новомученики и исповедники Российские во главе со святым благоверным Царем-мучеником Николаем II Александровичем. Святой царь Николай пока не канонизирован Патриаршей Церковью, но он является местночтимым святым как раз в Екатеринбурге, и мы, жители города — свидетели массового церковного почитания Его, Его Августейшей Семьи и сонма всех св. новомучеников Российских.

Единственной канонической традиционной формой памятника убиенным в русской православной традиции является Храм, Часовня и Крест. Городской Совет уже утвердил проект строительства Храма-памятника и уже развернулись работы по его созиданию. Причем на то у города не взято ни копейки. Православные сами, на свои деньги, а не на деньги налогоплательщиков, возводят памятник, согласно своим духовным традициям. Ни сам памятник, ни способ его созидания не может оскорбить чувств верующих иных конфессий.

Памятник, «дарованный» городу, не отвечает духовным традициям, а является частным делом самого художника и тех чиновников, которые хотят нам его навязать, и, может быть размещен на частной территории и построен на частные средства, а не на средства налогоплательщиков.

Другой немаловажный вопрос — это вовпрос названия памятника: «Мемориал жертвам сталинских репрессий». Из посвящения следует, что либо досталинских репрессий не было вообще, либо жертвы досталинских репрессий не заслуживают памяти.

Из истории, из материалов, ныне опубликованных и доступных любому желающему, известно, что в первые годы с 1918-го по 1922-й, относящиеся как раз к «досталинским», репрессии носили несравненно более массовый и жестокий характер, чем в сталинские годы. Такое посвящение памятнику делает его еще более неприемлемым.

«Глагол»
Екатеринбург, март 1993

Редколлегия полностью присоединяется к требованиям, выдвинутым автором обращения. Считаем, однако, своим долгом привести еще одно — большой важности — соображение.

В число жертв коммунистического террора недопустимо включать палачей, уничтоженных своими же собратьями-большевиками. Задуманные повсеместно памятники не имеют никакого отношения ни к троцким, ни к бухариным и рыковым, ни к каменевым и зиновьевым, к ягодам, ежовым, бериям и всем прочим палачам русского и других народов.

Такая оговорка — обязательна!

Редакция

ГЕНОЦИД НАД СЕРБСКИМ НАРОДОМ В ХОРВАТИИ 1941—1944 гг.

Дискриминационные законодательные меры, сами по себе уже попадавшие в разряд культурного геноцида, на практике сопровождались неслыханными преступлениями, совершаемыми прежде всего хорватскими усташами, а также ударными войсками Павелича, подобными немецким Waffen S. S. Однако следует признать, что часто и местное хорватское или мусульманское население участвовало в грабеже и поджогах. Сербов вырезáли или сразу, неожиданно, на месте, или собрав в перевалочных лагерях, обычно под ложными предлогами, или, наконец, в специально для того предназначавшихся концентрационных лагерях. Не дожидаясь постройки этих постоянных лагерей, усташи уже весной 1941 года набросились на сербское население с неслыханной жестокостью.

В августе 1941 г. в Ливне после резни, учиненной над сербами, «несколько дней спустя семьи убитых выведены в лес. Толпа усташей насиловала женщин, отрезала им груди, старикам отрубали руки и ноги, выкалывали глаза, а маленьким детям отрубали головы и бросали их матерям».

В Ливенском районе под руководством доктора Сречко Перича убито в целом около 5000 сербов — мужчин, женщин и детей. В селе Дракуличи «совершено убийство шестидесяти детей, которых застали в школе: им отрубали головы на глазах у учительницы, от перенесенного ужаса впоследствии сошедшей с ума».

Во время одного из набегов усташей Лабурича из Ясеновца за 13—14 января 1942 г. зарезано около 360 сербов в селе Драксенич, близ Босанской Дубицы. Крупнейшая резня женщин и детей совершена была в сербской церкви: девушек насиловали в алтаре, у матерей отрезали груди и запихивали их в рот детям. Затем всех присутствующих изрубили на куски, но все же осталось несколько выживших свидетелей (Атанасиjе Јевтић, «Великомученический Ясеновац», в «Ясеновац — вечная память», изд. Св. Арх. Синода С.П.Ц., Белград, 1990).

В одном сообщении ОК КПХ по Карловцу 20 января 1942 г. значится: «Усташи систематически сжигали целые села. Многие сотни домов (1500—2000) сожжены, продукты разграблены, скот угнан, а население, попавшее в руки усташей, вырезано».

Сербское население, пришедшее в ужас от этого совершенно неожиданного геноцида, было вынуждено искать помощи у первых попавшихся вооруженных групп и ставило себя под защиту четников генерала Михайловича или партизан Тито.

Это помогло усташам провозгласить всех этих гражданских беженцев «повстанцами» или «коммунистами» и безжалостно уничтожать их. Такая судьба постигла сербское население после боя на Петровой горе: «...мусульмане, вооруженные топорами и ножами, ранее работавшие в лесах на Петровой горе, лучше всего послужили врагам для этого дела. Массы мужчин, женщин и детей бродили по лесу вместе с партизанами в надежде совместно с ними вырваться из окружения.

Больше всего мужчин, женщин и детей усташи и мусульмане зарезали в оврагах неподалеку от Перны... в селе Перна усташи и мусульмане зарезали 1000 человек».

Обращение с женщинами не было гуманнее тех пыток, которым подвергали мужчин, хуже всего оно было, видимо, в концлагерях.

Один выживший узник известного своими злодействами лагеря в Ясеновце свидетельствует:

«...Каждый день в лагерь доставлялись девушки, хорошо одетые, на вид студентки, а сразу после них приходили усташеские офицеры, среди которых всегда был фра Филипович, усташеский ст. поручик. Они приходили назад окровавленные и возбужденные, а девушки никогда не возвращались». Драго Н. Чолакович, проведший несколько месяцев в Ясеновце, записал: «...Привезены 42 сербки из Градишки — из тюрьмы. Двадцать две были удушены и сожжены».

Несомненно, многие свидетельства о злодеяниях усташей приходили из партизанских источников, чья ценность может показаться сомнительной. Здесь достаточно будет попутно напомнить, что на эти документы стоит обратить внимание, если они подтверждаются сообщениями, которым можно верить. Так, отец Атанасие Евтич, выдающийся теолог Сербской Православной Церкви, недавно возведенный в сан владыки, предпринял паломничество по тем краям, где сербы более всего пострадали от албанцев и усташей во время Второй мировой войны. Он затем опубликовал свои впечатления и собранные сведения в книге под заголовком «От Косова до Ядовна».

В путешественнике по областям Кордун и Лика, по терри-тории бывшей «державы Павелича», каждый городок и каждое село вызывают к жизни воспоминания. Здесь нет ни одного квадратного метра, который не был бы пропитан кровью мучеников. Здесь некогда проходили длинные колонны страдальцев, среди которых всегда были сельские священники.

Седьмого мая 1941 г. в Валюне было 520 сербских крестьян, и они не увидели больше солнца. А потом, в тот же месяц, 700 — в Слуне и 500 — в Войниче. Никогда мы уже не узнаем, сколько было мертвых

20 мая 1941 года в Йосипдоле. Их было столько, что усташи, уставшие после целого дня «работы», заталкивали в ямы и живых и мертвых, перед тем как полить их известью.

В Приебое, люди помнят, за 28 и 29 июня 1941 г. смерть встретили 400 сербов; 2500 сербов из окрестностей Плитвиц были согнаны в лагеря.

Первого июля 1941 г. подошла очередь 300 сербов из Суваи.

На следующий день село Осредак было стерто с лица земли вместе со всеми его жителями. Не осталось никого в живых, чтобы сосчитать жертвы.

Неделю спустя та же судьба постигнет село Бубань, а затем Петрово село, где будет 900 убитых, Смиляны — 650 мертвых, в большинстве своем они были сожжены живыми; Дивосело — 700 мертвых, которые все были зарезаны.

В Верховинах, Полачах и Папучах больше никто не знает числа пострадавших: они лежат в ямах, которые никто не хочет раскапывать.

С течением времени подробности забываются, но навек запомнили в селе Бубань, что усташи убили двенадцать сербских девушек, работавших в кукурузном поле. Поля с тех пор много раз расцветали, но этих девушек никто не забыл. И если вы когда-нибудь посетите Лику, то все еще сможете услышать сельскую песню, похожую скорее на какой-то вопль:

Девятого июля это было,
Двенадцать сербских дев тогда погибло...

Но цель паломничества отца Евтича — Ядовно, которое носит предопределяющее судьбу имя («яд» означает по-сербски тоску и боль). Ядовно, наряду с Ясеновцем и Градишкой, было самым кровавым концлагерем Павелича. Для десятков тысяч сербов оно являло собой последний, предсмертный этап.

Энциклопедия Лексикографического Завода (Загреб, 1958, т. 3, с. 620) оценивает число умерщвленных там в 35000. Сербы из этого края утверждают, что жертв было 80000. При выходе из Ядовна осужденные страдальцы в больших массах сбрасывались в глубокие пещеры горы Велебит. По мнению спелеологов пещера Саранова Яма насчитывает 42,5 м в глубину до первых скелетов, но она тянется еще на 40 метров дальше, и возможно, даже более, если в ней есть коридоры и подземные воды. Гргина Яма имеет схожие размеры. Но и другие пещеры служили усташам для их злодеяний. У подножья горы Велебит, отмечает также о. Евтич, выстроена в древнейшие времена католическая церковь Семи Болей Пресвятой Богородицы, а над этой церковью пролегает путь крестного страдания, совсем неподалеку от дороги на Ядовно. Могли ли найтись более судьбоносные предзнаменования?

Серб. ж. «Лазарица», № 136,
Бирмингем, февраль 1993 г.

П. М.

МОГУЧИЙ И ПРАВДИВЫЙ...

Это наше несчастье, что Ломоносовы и Карамзины не стоят ныне у кормила русской словесности.

Н. Ульянов

Культура — не только память истории, она и окно в будущее. По ней, сегодняшней, судим, что ждет нас завтра. В основе каждой культуры лежит язык. Ее сохранность или возрождение немыслимы без бережного отношения к языку. Язык — это почва, без ухода она дает плевелы, а не благодатные всходы.

«Человек мыслит словами», — писал Достоевский. «В начале бе слово...» — читаем в Евангелии от Иоанна. «И как пчелы в улье запустелом, дурно пахнут мертвые слова», — это у Гумилева. И не в «могучем» ли и «правдивом» искал себе опоры Тургенев в своем душевном ненастье?

Когда встречаешь такие, к примеру, безблагодатные образчики, как «Этот пример работает на мой тезис...» или «Эти негативные имиджи представлены в параметре...», или еще лучше — «Если к этому феномену приплюссовать суисидальные тенденции...» и так далее и тому подобное, всплывают в памяти видения булгаковского бредового маскарада, где сам Воланд правит бал.

Невольно испытываешь смущение перед тенями «великих».

Пока русский язык не захирел, не превратился из великого и правдивого в одну из разновидностей карликовых диалектов, рассчитанных на иванов не помнящих родства, пока он не стал кладбищем загубленных слов, попытаемся осмыслить призрак надвигающейся беды:

Еще с карамзинских времен ведется спор о роли иностранных слов в русском языке; не только об употреблении их, но и, подчеркнем — злоупотреблении ими. Из тех, что приобрели права гражданства, многие незаменимы, главным образом, в областях науки, техники, философии; приток их неизбежен и в будущем. А вот заимствование большинства других нерусских слов, особенно в художественной литературе и публицистике, чаще не вызвано необходимостью; их при-

сутствие там вообще бессмысленно, если не вызвано исключительными обстоятельствами. Таким, увы, «несть числа»; приведем лишь немногие характерные примеры:

позитивный — положительный
параметр — рамки, границы
негативный — отрицательный
тестирующий — подопытный
феномен — явление
моральный — нравственный
экспозиция — выставка
идентифицировать — установить, определить
симптом — признак
декларация — заявление
реализовать — осуществить, продать
прогноз — предвидение предсказание
прогнозировать — предсказать, предвидеть, представить себе
ситуация — обстоятельства, положение, условия
травма — ранение, повреждение, ушиб, перелом, вывих...
инициация — посвящение
легитимность — законность
имидж — образ, облик
истаблишмент — общ. учреждения, институты
деперсонализация — обезличивание
лидировать — вести, идти впереди
респонденты — опрошенные... и т. д., и т. п.

Как и почему усилился этот процесс денационализации языка за последние годы?

Психологически это, возможно, объясняется тем, что на протяжении десятилетий коммунистического владычества в Советском Союзе искусственно внедрялся «орвелловский» — кондовый, ограничивающий всякие мыслительные способности — язык.

И вот теперь пишущие, изголодавшись по свободе, видят выход не в дальнейшем творческом развитии живого русского языка, а в легком и бесконтрольном пополнении его словарного запаса из чуждых источников.

Возможно и другое объяснение — авторское честолюбие, жажда «смелого» новаторства и оригинальности! Увы, потуги эти чаще происходят на уровне чеховского лакея, который, вернувшись с барином из Парижа, щеголяет перед дворней французскими словами, смысла которых и сам хорошенько не понимает.

Все это относится не только к иноземным «вторженцам», но и к русским, например, к такому слову, как «однозначный», совершенно незаконно вытеснившему из обихода прекрасное слово «односторонний», а также к придурковатым гибридам вроде «прореагировать», «приплюсовать» и им подобным.

Как остановить этот процесс обезличивания и порчи языка, происходящий, между прочим, не только на родине, но и в русскоязычной печати зарубежья, причем в куда бóльшей мере? Ведь то, что еще поправимо сегодня, может надолго остаться незаживающими ранами на теле нашей многострадальной словесности!

С чего, с кого начать? С пишущих или с редакторов? Ответ: и с тех, и с других! Не о гениальности идет здесь речь и не о талантах, а всего лишь о чувстве меры и качества, о сознании, что с исковерканным и обесцененным языком мы и сами окажемся среди пигмеев культурной части человечества.

Поверим, что этого не случится!

Нью-Йорк

СЕРГЕЙ ЧЕКАЛИН*

А ТАМ ВДАЛИ...

(Публикуется впервые)

Светлой памяти моих родителей посвящается

Удивительная вещь память. Возвращая нас в ближайшее и далекое прошлое, она объединяет всех живущих на Земле. Этот очерк я писал в Ессентуках, куда приехал отдохнуть после затяжной московской зимы с ее снежными заносами, морозами, чередующимися с неожиданными оттепелями и грязью. Остановился у товарища моего отца — старого инже-

* Сергей Васильевич (в послесловии к его этюду «Николаевское кавалерийское» в № 52 «КП» неверно дано его отчество).

нера на пенсии, проживающего с женой в небольшом домике с садом, на окраине города. Почему влечет меня в эти места?!

«Вероятно, у каждого человека есть на земле тайное и любимое пространство, которое он редко навещает, но помнит всегда и часто видит во сне. Человек живет дома, на родине, там, где ему следует жить; занимается своим делом, устает и ночью, перед тем как заснуть, улыбается в темноте и думает: «Сейчас это невозможно, но когда-нибудь я снова поеду туда...» — так пишет Б. Ахмадулина, вспоминая о Грузии. Так думаю и я о Кавказских Минеральных Водах, где прошло мое детство.

Многие воспоминания связывают меня с родным городом. Чаще он видится мне весной, когда зацветают сирень, белая акация и невозможно усидеть дома. Воздух дурманит и пьянит, голубое небо кружит голову. Заманчиво белеют на горизонте снежные вершины гор. Прежде это время совпадало с экзаменационной порой в школе, а потом наступали долгожданные летние каникулы.

Помню старый дом на Парковой улице, где жил наш школьный товарищ, парадную дверь, покрытую мелкими трещинами рассохшейся краски, крыльцо из серых плит известняка и железный козырек навеса с остатками когда-то красивой ажурной решетки, сплошь увитой плющом. Дом этот стоит и поныне. Мы любили собираться здесь вечерами. Играли в шахматы, слушали патефон, в основном танго и фокстроты довоенных лет, делились впечатлениями от просмотренных фильмов. Кино тогда было особым культом, волшебной страной грез. Помню, как мальчишками, затаив дыхание, мы смотрели «Тарзана» и «Индийскую гробницу», а в старших классах увлекались музыкальными фильмами с участием Лолиты Торрес. До сих пор звучит в памяти ее голос, низкий хрипловатый контральто, исполнявший знаменитую «Коимбру».

Другие воспоминания и воображение переносят меня в более давние времена, когда наш городок был казачьей станицей, одной из тех, что возникли в прошлом веке вдоль Кавказской линии на местах сторожевых постов и укреплений. Терское казачество всегда близко соприкасалось с горцами. Когда же жизнь на Кавказе вошла в мирную колею, горцы стали приезжать в станицы на базары, а казаки — в аулы к своим кунакам, с которыми в знак дружбы обменивались оружием и конями.

Каждый казак мечтал иметь настоящую кавказскую шашку — гирлу или волчек, да и в покрое одежды, удобной и практичной, многое заимствовали у горца. Вот почему форма, учрежденная для терских казаков, мало чем отличалась от одежды горца: серого каракуля шапка с башлыком, черная, как ночь, бурка, черкеска, синий бешмет, тонкие бесшумные сапоги, на оружии, поясах и газырях — серебро с чернью.

Я уже не застал это воинство и казачью форму увидел впервые, когда у нас на гастролях побывал терский казачий хор. Но в детстве мне довелось встречаться с двумя настоящими казаками-терцами, служившими в Отечественную войну в кавалерийском корпусе генерала Доватора: балагуром и весельчаком Омельченко и всегда серьезным и степенным Сидоренко.

Оба работали вместе с моим отцом в городском управлении «Водосвет»: отец — инженером, они — простыми рабочими. Отца уважали как специалиста и любили за готовность всегда прийти на помощь. Ни одна ликвидация аварии не обходилась без его участия. Чаще всего это случалось по ночам. За отцом заезжали на аварийной машине, и деликатный Сидоренко, чтобы не разбудить всю семью, осторожно стучал в окно и негромко звал: «Кузьмич!» Отец не заставлял долго себя ждать.

Возвращались они утром — уставшие и продрогшие. Мать непременно приглашала всех к завтраку, угощала горячей мамалыгой с чаем. Обычный завтрак в то голодное послевоенное время. Рабочие в ответ делились своими припасами. Сидоренко тонкими ломтиками нарезáл сало, подвигая его ближе к детям, а Омельченко неизвестно откуда доставал бутылку домашнего виноградного вина. После завтрака, по просьбе матери, они пели вполголоса, слаженно и задушевно, старинные казачьи песни.

Одна из них, прощальная, запала в душу вместе с этим воспоминанием:

Ты скачи во станицу, конь вороной,
Передай жене, отцу-матери,
Что женился я на другой жене
И другую себе выбрал матушку:
Заручила меня пуля горская,
Женила меня шашка острая,
Приняла в зятья мать сыра-земля...

Не избежал наш городок и революционных событий в начале века. Правда, февральская революция в городе прошла относительно спокойно, если не считать попытки местных казаков совершить «дворцовый переворот». Старики-казаки направились приветствовать отдыхавшего в военном госпитале дядю царя, командующего Кавказским фронтом, великого князя Николая Николаевича. Последний выступил перед ними с балкона с речью о необходимости сохранения в России самодержавия. В ответ из толпы последовали выкрики, чтобы Николай Николаевич принял царскую корону. Случай явно напрашивался в историю. Но на этом все и закончилось. Ни князь, ни станичники толком не понимали тогда происходившего. Зато в бурных событиях гражданской войны кого только не видели улицы города: бывших царских министров и генералов, революционных солдат и матросов, казаков атамана Шкуро и деникинских офицеров, красных курсантов и конников легендарного комбрига Ивана Кочубея. В Отечественную войну городок перенес немецкую оккупацию. Многие санатории были взорваны немцами перед отходом. Чудом, в последнюю минуту, жителям удалось спасти от разрушения городскую достопримечательность — грязелечебницу.

Сведениями по истории города я был обязан нашему соседу Николаю Сергеевичу. В доме у него имелась большая библиотека с хорошей подборкой исторической и краеведческой литературы, и я часто пользовался ею. Работал Николай Сергеевич инженером-строителем. Войну провел на фронте, вернулся домой капитаном с наградами и ранениями. В 50-е годы, когда я учился в школе, он мне казался уже пожилым, хотя в сущности ему не было сорока. После работы он обычно возился в саду, поливал цветы, окапывал деревья, а вечером отдыхал на крыльце дома. Иногда читал любимые стихи, в том числе и Лермонтова. Говорил он их вполголоса, речитативом, слегка подыгрывая себе на гитаре:

Как небеса, твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
Твой голос молодой...

Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услыхал твой голос нежный
И встретил милый взор.

Подозреваю, что читал он эти стихи для своей жены, красивой украинки, работавшей медсестрой в санатории.

Теперь и Николай Сергеевич, и его жена давно на пенсии. Когда я останавливаюсь у них погостить и наблюдаю их в быту, они во многом напоминают моих родителей. Тот же размеренный ритм провинциальной жизни: ранний завтрак, хождение на базар и работа в саду, в положенное время обед, вечерний чай и обязательное чтение перед сном. Уютно тикают на кухне ходики, в открытые окна льется запах цветов и вечерняя прохлада.

Я люблю провинцию. Какой-то покой и умиротворение наступают во мне вдали от шума и толкотни больших городов. По утрам хожу в Нижний парк пить воду, днем навещаю своих друзей и знакомых, а вечером пристрастился читать старые мемуары из библиотеки Николая Сергеевича.

Чего я только не находил у него в книжных шкафах: разрозненные тома дореволюционных журналов «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», книжки «Кавказского сборника», издававшегося в прошлом веке в Тифлисе по указанию главнокомаанадующего Кавказской армией, и даже маленькую брошюру под названием «Памятка I Волжского полка Терского казачьего войска», составленную в 1899 году полковником Ржевуским и сотником Фисенко. Полк этот комплектовался казаками из окрестных станиц и во времена Лермонтова офицеры полка квартировали в Пятигорске.

Мне нравились в мемуарах неторопливая и обстоятельная манера повествования, искренность и особая доверительность к читателю.

Иногда я зачитывался ими до утра, наслаждаясь несколько старомодным, но простым, чистым языком, совсем как в стихах: «...и ночь прошла, и гаснут свечи, и нежный вкус родимой речи так чисто губы холодит». Особый интерес для меня представляла кавказская тематика.

Мемуары рассказывали о путешествии молодых офицеров на Кавказ, знакомили с бытом казачьих станиц на Тереке, жизнью губернского города Ставрополя, описывали прием у главнокомандующего в Тифлисе, сборы и отъезд офицеров в экспедицию. Зримо вставали передо мной картины и эпизоды Кавказской войны, жестокой и трагичной по своей сути: тревожные ночные бивуаки экспедиционных войск, сожженные, разоренные аулы и вытоптанные поля, кровопролитная резня в лесных завалах, медленно передвигающиеся под прикры-

тием артиллерии и казаков транспорты с ранеными. Землей обетованной после всех этих ужасов казался офицерам маленький и уютный Пятигорск, куда их отправляли на излечение или в краткосрочный отпуск.

В мемуарах упоминались имена товарищей и сослуживцев Лермонтова по Кавказу, моего любимого с детства поэта. Если бы не роковая дуэль, Лермонтов разделил бы их судьбу. И мне захотелось пройти по этому кругу, взглянуть на все глазами очевидца, почувствовать атмосферу и живое дыхание того времени. Так появились строки этого очерка.

С ПОДОРОЖНОЙ ПО КАЗЕННОЙ НАДОБНОСТИ

Во времена Лермонтова, по словам одного из его друзей, «существовали только две дороги в России: первая, доступная единственно для весьма немногих привилегированных лиц, шла их Петербурга в Париж, вторая, открытая для всех остальных, вела на Кавказ...» Многим офицерам, в том числе и Лермонтову, довелось проезжать по этой дороге. Чтобы узнать путевые подробности и впечатления, отправимся и мы вслед за ними.

С этой целью воспользуемся воспоминаниями В. А. Полторацкого, где описывается начало такого путешествия. Полторацкий окончил в 1846 году Пажеский корпус и был выпущен прапорщиком в Куринский егерский полк, расположенный на Кавказе. Вот как он рассказывает о своих чувствах в первые дни после производства в офицеры: «В новеньком с иголочки мундире я пошел по Невскому. Все кругом улыбалось мне; казалось, что все встречные смотрели на меня с почтением и завистью. Лишний раз прошел я мимо Аничкова дворца, там часовой делал мне караул, не догадываясь, конечно, что он в русской армии первый оказал мне эту воинскую почесть...»

А потом сборы и прощание с родными и знакомыми.

«Получив в штабе казенную подорожную до крепости Грозной и по выданному мне талону из казначейства 92 р. 60 к. прогонных денег, я забрал все заказанные вещи у портного и сапожника и поехал с прощальным визитом к дяде...» От дяди Полторацкий отправился на Васильевский остров к Дмитрию Милютину. Пообедал у него («обед был простой, но очень радушный»), вернулся домой, где «застал Булгакова и Соллогуба. Последний привез несколько писем и

две книги своего сочинения с поручением передать их в Тифлисе княгине Воронцовой, а письма молодому князю, ее сыну, и Мишке Глебову».

Все упомянутые лица — товарищи и знакомые Лермонтова. Михаил Глебов — секундант Лермонтова на последней дуэли, Соллогуб — знакомый по Петербургу. С Дмитрием Малютиным поэт принимал участие в выпусках рукописного журнала «Улей» в Московском благородном пансионе, а с Костей Булгаковым их связывали милые шутки и розыгрыши во время учебы в юнкерской школе и в первые годы службы в Петербурге.

Об одном из таких розыгрышей, случившемся при первом отъезде Лермонтова на Кавказ, куда он был переведен в Нижегородский драгунский полк за стихи на смерть Пушкина, хочется рассказать подробнее. Костя Булгаков, не застав поэта дома, увидел новую кавказскую форму, только что принесенную Лермонтову от портного, и решил примерить ее на себя. Пользуясь отсутствием хозяина и оставаясь глухим к убеждениям его камердинера, он в форме нижегородского драгуна в бараньей шапке отправился прокатиться на лихаче по Невскому. В это время Лермонтов по делам ездил в городе и попался на глаза великому князю Михаилу Павловичу — командиру гвардейского корпуса, отличавшемуся большой строгостью. Последний сделал Лермонтову замечание, что он должен быть одет по форме, так как уже давно был приказ о его переводе в новый полк. Сославшись на медлительность портного, поэт обещал его высочеству в тот же день показаться в городе кавказцем.

Каково же было удивление великого князя, когда, проехав несколько кварталов, он повстречал промчавшегося мимо в санях нижегородского драгуна. Зная, что в городе, кроме Лермонтова, не должно быть никого из кавказских драгун, и удивляясь быстроте, с какой поэт переменил форму, его высочество устремился в погоню. Но куда там! Баранья шапка мигом скрылась из глаз. Когда же посланный за выяснением обстоятельств прибыл на квартиру Лермонтова, Костя Булгаков с хохотом рассказывал вернувшемуся поэту, как он дал утечку от великого князя. Вследствие этого было доложено его высочеству, что Лермонтов, выполняя свое обещание, мигом заехал к портному и, напугав его именем великого князя, забрал все, что было готово, и уже в бараньей шапке и драгунской шинели продолжил свою деловую поездку по городу. Великий князь остался доволен

исполнительностью Лермонтова, не подозревая, что на самом деле он видел шалуна Булгакова.

Но вернемся к мемуарам Полторацкого. После обедни и напутственного молебна, которые заказала мать, он отправился из Петербурга в полк. Дорога на юг проходила через Москву, Воронеж, область Войска Донского, и далее на Ставрополь. «От Воронежа до Новочеркасска, — пишет Полторацкий, — 533 версты я осилил за трое суток. Около Аксая встретил лихую тройку в санях с седоком в адъютантской форме.. Казак — ямщик мой, обернувшись, пояснил мне, что «это кульер, вишь как гонит».

Аксай — казачья станица, около которой проходила переправа через Дон. По свидетельствам проезжих, в Аксае, в довольно порядочном (по месту) трактире «можно полакомиться отличными сливками, называемыми каймаком, который так искусно умеют приготовить прекрасные казачки; тут же покушаете золотистой ухи из свежей стерляди, привольной питомицы Дона, вкуснее которой не представит вам ни Нева, ни Волга».

Остается только удивляться прежним рыбным богатствам наших рек. На третий день пути после переправы через Дон путники подъезжали к столице Кавказской области — Ставрополю.

Город мало чем отличался по своему внешнему виду от прочих губернских городов России: те же огромные площади и непомерно широкие улицы, тощие бульвары, нечто вроде триумфальных ворот при въезде, огромный собор, здание военного госпиталя, тюрьма, гостиный двор, на главной улице вывески вроде «Иванов — портной из Парижа» и проч. Тем не менее здесь не чувствовалось провинциальной обстановки с обычными губернскими сплетнями, личными мелкими интересами и узким взглядом на людей и события. Большую часть посетителей в гостиницах, трактирах составляли военные: возвратившиеся или отправлявшиеся в экспедицию офицеры, полковые приемщики, прибывшие из штаб-квартир в комиссариатскую комиссию и т. п.

Разговор, в основном, касался военных действий на Кавказе. Даже форма военных отличалась своей особенностью: мундир без эполет, широкие шаровары верблюжьего сукна, заправленные в высокие походные сапоги, папаха и непременные спутники кавказских офицеров — пистолет и кинжал — дополняли оригинальный вид того общества.

В дороге Полторацкий познакомился с милейшим, по его словам, добродушнейшим инженер-полковником Эггером, старым кавказским служакой, и вместе с ним продолжил путь. Отъехав от Ставрополя верст на сорок, они увидели казачий пост. Эггер рассказал, как три года назад на этом месте был взят в плен закубанскими абреками Глебов, посланный курьером из Тифлиса в Петербург, тот самый Глебов, которому Полторацкий вез в чемодане письмо от графа Соллогуба. Полтора месяца Глебов томился в плену у горцев, был закован в цепи и испытывал всевозможные лишения. Все это делалось горцами для того, чтобы разжалобленное начальство и родные предоставили наибольший выкуп за пленного. Но требования горцев были чрезмерны. Тогда, при содействии мирных князей, подкупленных начальством, Глебова выкрали из плена и измученного доставили на линию.

Но вот, наконец, на горизонте появились кавказские горы. «Утром, в ясный ноябрьский день, — пишет Полторацкий, — дивная панорама представилась глазам моим! Я увидел отчетливо перед собой весь Кавказский хребет с высокою белою шапкою Казбека, а на западе величественный Эльбрус. Освещение самых вершин основного снежного хребта красными лучами восходящего солнца было чудно-неподражаемо. Я разинул рот и от восторга не мог вымолвить слова. «А как вы думаете, юноша, близко от нас эти горы?» — спросил меня Эггер. «Версты три или четыре», — с убеждением отвечал я. «До Казбека, который как будто висит над нами, около ста пятидесяти верст, а до Эльбруса гораздо более», — с улыбкой осадил мнея Эггер. Я не верил словам его, но двое суток пути нашего по прямому направлению к горам поневоле убедили меня в истине его слов».

«24-го ноября, — продолжает свое повествование Полторацкий, — в третьем часу пополудни, торжественно въехали мы, наконец, в град Тифлис и остановились на Головинском проспекте, в лучшей гостинице Крылова... На другой день, с утра, надев парадную форму, мы вместе с Эггером явились в комендантское управление, откуда старик-комендант повел нас всех, к нему явившихся, во дворец главнокомандующего. Представляющихся наместнику было два генерала, кажется, пять штаб-офицеров и до двадцати обер-офицеров. Нас выстроили всех в большой приемной зале, и, конечно, меня с левого фланга.

После нескольких минут ожидания, вошел с дежурным адъютантом и несколькими лицами своей свиты главнокомандующий, князь Михаил Семенович Воронцов...»

Представляю себе взволнованное состояние молодого прапорщика Полторацкого перед встречей с главнокомандующим, физиономию которого он внимательно изучал по литографированным портретам на всех почтовых станциях, после того как въехал в пределы Кавказа. По всей видимости, в этом зале осенью 1837 года таким же образом представлялся главнокомандующему (в то время генералу Головину) и прапорщик М. Ю. Лермонтов. Впрочем, может быть, сосланные офицеры не удостаивались такой чести?

Далее Полторацкий сообщает: «После обеда (у главнокомандующего — С. Ч.) я познакомился с ротмистром и адъютантом князя Глебовым и, передав ему письмо Соллогуба, тут же получил приглашение непременно переехать к нему из гостиницы... Следующая за тем неделя прошла крайне беспорядочно, но быстро. Перебравшись к милейшему Глебову, я в несколько дней познакомился с массой личностей, частных и по службе...»

И опять мы встречаем здесь людей, близко знавших поэта или имевших к нему какое-либо отношение. Это художник Григорий Гагарин, знакомый поэту по экспедиции и Пятигорску, делавший с ним совместные зарисовки из кавказской жизни; Колюбакин, послуживший Лермонтову прототипом Грушницкого в «Герое нашего времени»; офицер Лисаневич, которого недоброжелатели поэта подбивали в Пятигорске вызвать Лермонтова на дуэль — проучить, на что Лисаневич отвечал: «Что вы! Чтобы у меня поднялась рука на такого человека!»; Сергей Васильчиков, брат князя Александра Васильчикова — секунданта Мартынова. Безотносительно к Лермонтову упомяну в этом кругу адъютанта главнокомандующего А. М. Дондукова-Корсакова, товарища Глебова по службе. Он оставил воспоминания, которыми я воспользуюсь в дальнейшем, но один эпизод из них, рисующий пример служебных взаимоотношений в кавказской армии, приведу сразу по ходу повествования.

Рассказ относится к моменту, когда в 1845 году наместником Кавказа был назначен князь Воронцов, сменивший на этом посту генерала А. И. Нейдгарта. Дондуков-Корсаков и Глебов, служившие адъютантами у Нейдгарта, спросили у Воронцова разрешения проводить бывшего своего начальника из Тифлиса на линию через Кав-

казский хребет. «На первой станции Горцискар, — пишет Дондуков-Корсаков, — старик, видимо, был тронут нашим вниманием, но нисколько не изменил холодных и тяжелых своих отношений к подчиненным; он резко приказал нам скакать вперед на тройке для заготовления лошадей и ожидать его приезда на станцию, разговаривая с нами только служебным тоном и в виде приказаний.

Так мы доехали до подножия гор на станцию Квишет, где был назначен ночлег у управляющего тогда Осетинским округом полковника кн. Авалова.

После позднего обеда мы с Глебовым удалились в соседний флигель, где в маленькой комнате на двух изломанных кроватях, лежа на принесенной соломе, совсем раздевшись, закурили трубки и потребовали из духана кахетинского вина.

Комнату освещала сальная свеча, воткнутая в какую-то бутылку, и мы дружески беседовали между собой. Каково же было наше удивление, когда через несколько времени отворяется дверь и входит Ал. Ив. Нейдгарт в сером штатском пальто, с фуляром на шее, ермолкой на голове и с цигаркой в зубах.

Мы вскочили, оторопевши от страха. Нейдгарт, садясь на нашу койку, не позволил нам одеться и сказал: «Теперь перед вами не корпусной командир, а старик Нейдгарт, который пришел благодарить вас за участие и за сыновнюю вашу к нему заботливость, которую он никогда не забудет; я теперь, как частный человек, пришел посидеть с вами».

Затем приказал своему дворецкому принести отличного кахетинского вина и провел целый час с нами, веселый, добродушный, каким мы никогда его не подозревали. Прощаясь, он обнимал нас, видимо расстроенный. Мне эта сцена осталась весьма памятна».

Но возвратимся обратно в Тифлис, чтобы представить себе, каким он был в то время. По воспоминаниям современников, Тифлис с его восточной оригинальной обстановкой и живописным расположением по берегам Куры очаровывал всякого, впервые приехавшего в этот город. Та примесь европейского элемента, которая еще не успела вполне стереть местные обычаи и предания, придавала «новую прелесть и разнообразие тогдашнему очаровательному Тифлису».

Как цитадель высился на крутой скале, на левом берегу Куры Метехский замок с великолепной, древней архитектуры, церковью.

Живописный вид являл тифлисский базар, на котором постоянно толпились караваны верблюдов и лошадей, привозивших товары из разных мест Персии и Закавказья. Шла торговля коврами, шелком, украшениями. В открытых на улицу лавках встречались все производства от серебряных дел до портняжничества.

В зеленых рядах продавались фрукты и всякая живность. Узкая улица базара оглашалась криками продавцов, муши (носильщики), с огромными тюками на мускулистых плечах, беспрестанно сбивали с ног прохожих, тулугджи (торговцы водой) на мулах доставляли из Куры в курдюках воду. «Все это кипело движением и жизнью, на крышах караван-сараев и лавок раздавался звук зурны, пели и плясали лезгинку...»

Но недолго наслаждался мирной тифлисской жизнью Полторацкий. Вскоре поступило распоряжение о назначении его в экспедицию. «Глебов от души меня благословил и напутствовал самыми искренними советами... В тот день, 3-го декабря, на солнце было 26 градусов тепла, и на Головинском проспекте все барыни гуляли в одних кисейных платьях, а там за северным склоном, куда я отправлялся, мороз и снег, но Глебов уверял, что и там может быть жарко, смотря по ходу экспедиции».

И Полторацкий отправляется обратно, на перекладных, по маршруту, так хорошо нам знакомому по «Герою нашего времени». «Обратное путешествие мое из Тифлиса по Военно-Грузинской дороге до Екатеринодара, а затем по Терской линии до станицы Червленной, совершилось благополучно. На перекладной от Тифлиса до Квишета, на шести парах волов в Койшаурскую анафемскую гору, с Койшаура до Ларса на санях и опять на перекладных до Владикавказа — провезли меня без всяких приключений в тридцатичасовой путь».

Дорога на Червленную проходила по левому берегу Терека через казачьи станицы, которые составляли в то время нашу передовую заселенную линию. Горский, Моздокский, Гребенский и Кизлярский полки занимали эту линию. Станицы, находясь одна от другой на расстоянии 15—25 верст, соединялись между собой укреплениями и постами. Промежуточные посты обычно устраивали на курганах или других возвышенных местах. Они состояли из довольно высокого плетня, обмазанного глиной, с бойницами. Над воротами, на высоких столбах размещалась крытая вышка для часового. Посреди двора была казарма для казаков и навес

для лошадей. Около постов и на пикетах ставили для ночных сигналов длинные шесты, обвитые соломой и обмазанные смолой, которые зажигались при появлении неприятеля.

Терские казаки составляли особый тип на Кавказе, лица как мужчин, так и женщин носили отпечаток смешения части русского типа с азиатским типом кавказских горцев. Мужчины были лихими наездниками-джигитами, а женщины отличались необыкновенною красотой и стройностью, которая еще больше выделялась особенным костюмом терских казачек. Поверх длинной рубахи они носили азиатский архалук, стянутый на талии серебряными застежками, на голове в виде повязки — шелковый платок, на ногах — сафьяновые сапоги. Богатые ожерелья из янтаря, кораллов и монет дополняли наряд.

Наконец, Полторацкий добрался до крепости Грозной. 10 декабря, отдохнув в первой попавшейся хате и облачившись в парадную форму, он предстал перед комендантом крепости. На этом закончим и мы первый этап своего путешествия на Кавказ с подорожной по казенной надобности.

ОДНАЖДЫ В ЭКСПЕДИЦИИ

Второй этап пребывания молодого офицера на Кавказе был связан с участием в экспедиции. Здесь мы поведем рассказ от имени Дондукова-Корсакова, который к моменту прибытия Полторацкого на Кавказ уже имел боевой опыт, вместе с товарищами и сослуживцами Лермонтова участвовал в печально знаменитой Даргинской экспедиции и мог поделиться своими наблюдениями и впечатлениями от военной службы на Кавказе.

Обычно в состав сводного отряда, посылавшегося в экспедицию, назначались по одному, по два батальона от каждого полка, рота саперов, артиллерия и несколько конных сотен. Сюда же прикомандировали офицеров, присланных из гвардии и армейских частей, для участия в военных действиях отряда.

Прибывших из России поражали в кавказских войсках самостоятельность ротных и батальонных командиров, хорошая подготовка унтер-офицеров, сметливость и незадерганность солдата. Этому способствовали постоянная боевая служба и те лишения и опасности, которые сплачивали солдат и

офицеров, выдвигая из их рядов в командиры наиболее достойных, пользующихся общим доверием. На вооружении в войсках были старые кремневые ружья, которые и на сто шагов стреляли неверно. Поэтому боевые стычки с горцами часто решались рукопашным боем, штыком.

Вступив во владения немирных горцев, отряд продвигался с возможными предосторожностями. Авангард и арьергард вместе с боковыми прикрытиями образовывали как бы живую крепость, внутри которой находились остальные войска и обоз. Дороги были плохие, местность пересеченная, покрытая лесом.

Войска двигались по долине или ущелью, а боковые прикрытия по склонам гор на таком расстоянии, чтобы пули горцев не могли бить в колонны. Чтобы поддерживать связь с боковым прикрытием и сохранять неразрывными цепи стрелков, их часто окликали сигнальными рожками. Таким образом, по заранее условленным сигналам передавались все приказания при движении отряда.

Живописную картину представлял лагерь ночью. Обычно он располагался в том же порядке, как двигался отряд, — в виде растянутого четырехугольника. Перед ночлегом тщательно проверялись аванпосты и цепи. Зажигались большие костры, которые поддерживались всю ночь, указывая расположение войск. Выходить за черту лагеря было опасно и запрещалось начальством. Расплатой за пренебрежение этим могли быть плен или смерть от руки неприятеля.

Сослуживцы Лермонтова рассказывали, как однажды в экспедиции поэт, любивший опасность и приключения, предложил своим друзьям, в их числе Глебову и Льву Пушкину, вечером во время стоянки пойти поужинать за черту лагеря. Компания отправилась туда вместе с денщиками, припасами и расположилась в ложбинке за холмом.

Осторожно развели огонь, особенно стараясь сделать его незаметным со стороны лагеря. Лермонтов уверял всех, что он заранее выбрал место и даже предосторожности ради выставил часовых. И при этом указывал на фигуру казака, видневшуюся сквозь вечерний туман на некотором отдалении. Все шутили, смеялись, пили и закусывали, обсуждая события последних дней и возможность нападения горцев. Особенно в ударе был Лермонтов, который вместе со Львом Пушкиным сыпал остротами и забавлял компанию комическими рассказами.

Эта мирная вылазка, к счастью, обошлась без происшествий. А под утро, когда компания отправилась обратно в лагерь, Лермонтов признался, что видневшийся впереди часовой не что иное как поставленное на скорую руку чучело, прикрытое старой рваной буркой.

Но такое времяпрепровождение в экспедиции случалось не часто.

Обычно поход сопровождался постоянными стычками с горцами, которые устраивали засады на пути следования отряда, и дело не обходилось без многочисленных жерт с обеих сторон.

«Между кавказскими солдатами и казаками, — вспоминает Дондуков-Корсаков, — существовал обычай, заимствованный из горских нравов: считать самым большим позором оставлять в руках у горцев тела убитых товарищей (я не говорю уже о начальниках и офицерах). Благодаря этому обычаю, в делах наших, в лесах чеченских и в горах Дагестана, мы теряли всегда значительное число лишних людей. Для того чтобы вынести раненого или труп убитого, которых оспаривали горцы, мы всегда теряли без нужды несколько своих. Выходя из дела при значительной потере, солдаты говорили: «Зато ни одного из своих ему (Шамилю) не оставили».

И с каким укором встречали они части, не выручившие своих убитых или раненых. Я помню, как молоденький офицер Маслов, первый раз бывший в деле, прикомандированный к линейным казакам, спросил у старого урядника перед атакой, что тут делать? Урядник отвечал: «Только смело идите с нами, ваше благородие, а насчет того будьте покойны: коли убьют, тело приставим маменьке, куда прикажете; такого примера в сотне нашей не было, чтобы оставляли тела у горцев».

Дело, однако же, обошлось совершенно благополучно для Маслова».

Необычайно теплые, близкие отношения складывались на Кавказе между старослуживыми солдатами и офицерами, которым приходилось много лет вместе тянуть армейскую лямку. Ведь тогда солдаты служили по 25 лет. И для них командир и собственная рота становились вскоре родной военной семьей.

Чтобы охарактеризовать то время, Дондуков-Корсаков упоминает случай, происшедший с командиром 1-й карабинерной роты Мингрельского полка капитаном В.

Это был старый офицер, оставшийся на Кавказе, не сделавший, как видно, карьеры, но горячо любимый солдатами за храбрость и доброе сердце. Вместе с тем он любил выпить и имел слабость к картежной игре. В то время он находился вместе с ротою в штаб-квартире полка — в Карабахе. Там же стояла артиллерийская бригада.

(Окончание в следующем номере)

Е. П. ИСАКОВ

О СУВОРОВЦАХ

Так назывались и называются воспитанники Суворовских военных училищ, сформированных по приказу Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР осенью 1943-го и осенью же 1944 годов. Их было 16, но нами найден в архивах документ, свидетельствующий, что в последующем число СВУ предполагалось довести до 32. Другими словами — столько, сколько было в дореволюционной России кадетских корпусов.

Очевидно Сталин, этот тиран и азиат, возомнивший себя императором России, в послевоенное время намеревался комплектовать офицерский корпус Армии, в основном, выпускниками Суворовских военных училищ, которые, по замыслу, должны быть преданы лично ему. Вполне осознав ту великую роль, которую играли в борьбе с иноземцами традиции русского воинства, Сталин сделал все, чтобы возродить их уже в ходе войны. Учреждение орденов Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, введение офицерских званий для командного состава и погон для всех чинов Армии и Флота, широчайшая пропаганда традиций русского офицерского корпуса, наконец, известная здравица русскому народу на приеме участников парада Победы в Кремле — все это звенья одной цепи. Не приходится удивляться, что и Суворовские училища создавались, как говорилось в приказе Верховного Главнокомандующего, по подобию дореволюционных кадетских корпусов.

Те люди, которым была поручена реализация сталинской идеи, особенно не мудрствовали. И положения о новых для Вооруженных Сил СССР военно-учебных заведениях закрытого типа для детей и подростков, и их штаты, и принципы воспитания один к одному были «сдуты» с соответствующих документов, относившихся к Российским кадетским корпусам.

Но самое главное — начальниками большинства Суворовских училищ (по-вашему — директорами) были назначены генералы, которые сами еще до революции окончили курс Кадетского корпуса. Именно от них мы усвоили и старозаветные кадетские традиции, и само имя «кадет», под которым нас знали и знают в армейском фронте.

Главной задачей Суворовских училищ была подготовка высокообразованных, физически закаленных и морально безупречных кадров для Вооруженных Сил Отечества. С целью ее решения собрали лучших военных педагогов, создали наиблагоприятнейшие бытовые условия, возвели в культ научное знание, нравственную чистоту, физическую культуру.

За непродолжительное время в каждом, без преувеличения, училище трудами и заботами наших талантливых воспитателей и учителей была создана такая обстановка, которая отвергала вранье, воровство, лицемерие, заискиванья перед сильными, трусость, предательство и активно утверждала братскую взаимопомощь, бескорыстие, единство слова и дела, самоотвержение и отвагу. На базе углубленного изучения военной истории и отечественных воинских традиций в наших душах бережно взращивались патриотизм и чувство достоинства. Основной нашей заповедью стал девиз, исповедуемый и вами: «Жизнь — Родине, честь — никому!» Ему мы верны до гроба.

Сейчас, когда мы объединились в своем Клубе, нам особенно отчетливо видно, что Суворовские училища с семилетним курсом обучения давали совершенно ничтожный процент брака.

Большинство их выпускников — без различий в национальности — достойно прошли и идут по жизни, не изменяя идеалам российского воинства. Результаты нашего служения Отечеству (но не Сталину, не Горбачеву и не партии!) обнаруживаются в любой сфере приложения интеллектуально-творческой энергии.

Что же касается главной — военного строительства, то из кадет-суворовцев вышли многие сегодняшние военачальники, в том числе генерал-полковник Борис Громов и Альберт Макашов. Единственно, где мы не преуспели, так это в политике. Если среди высшего военно-политического состава и есть выходцы из кадетской среды, то этот факт надобно рассматривать как исключение из правила, ибо с детства нас держали подальше от политики.

Ну а теперь позвольте мне перейти к более конкретным вещам. Итак, к осени 1944 года было сформировано 16 суворовских училищ. В каждом по 500 воспитанников (как правило, дети погибших на фронте) в возрасте от 8 до 14 лет. Были, разумеется, и переростки — в основном, сыны полков, почти все с боевыми наградами.

Училище делилось на пять рот, по четыре взвода в каждой. Пятая рота — это младший и старший приготовительные классы, остальные роты — соответственно 1, 2, 3 и 4-й.

Дальше мне удобнее было бы писать о Казанском Суворовском военном училище, в котором я воспитывался с 1947-го по 1954 год. По мере прибавления лет и перехода кадет из низших классов в высшие, оно к 1948 году вышло на систему семилетнего курса обучения — с 1-го по 7-й (старший) класс. То есть с 1949 года, после 1 выпуска, в училище стали принимать мальчиков, уже окончивших три класса начальной школы. Однако впервые такой прием был осуществлен в 1947 году — после конкурсных письменных испытаний по русскому языку и арифметике в 1-й класс приняли, в восполнение «естественного отсева», 25 новых воспитанников, среди которых оказался и ваш покорный слуга.

По окончании СВУ выпускники без вступительных экзаменов зачислялись в военные училища: пехотные, танковые, артиллерийские, инженерных войск, войск связи. Редко — в авиационные. И то только те, кому удалось совместить учебу в Суворовском с занятиями в аэроклубе. По состоянию здоровья непригодные для строя юноши шли в Военно-медицинскую академию, Военный институт иностранных языков, в интендантское и финансовое военные училища. Некоторые выпускники увольнялись для поступления в статские высшие учебные заведения.

О наших офицерах. Все они, начиная с доктора и кончая начальником училища, имели боевой опыт — их специально отбирали только в действующей армии.

Основные критерии отбора — стаж педагогической деятельности, сильный характер, порядочность и желание работать с детьми. Разумеется, ошибки в подборе офицерского состава были, но абсолютное большинство наших воспитателей пришлись нам по душе, и мы их искренне уважали, а некоторых, как например, начальника училища светлой памяти генерал-майора Болознева Василия Васильевича, офицера-воспитателя (командир взвода тоже) майора Гугнина Льва Алексеевича, ротного командира полковника Князева Петра Глебовича, преподавателей: русского языка и литературы майора Бурмистрова Василия Ильича (тоже светлая память ему!), математики — майора Ляпина Михаила Петровича, географии — Игнатьева Виктора Петровича, французского языка — капитана Герна Юрия Алексеевича, мы просто боготворили. У них даже не было прозвищ, если не считать, что троих последних между собой мы называли по именам — Мишель, Витечка, Юра.

Размещались Суворовские училища в лучших городских зданиях старинной постройки, некоторые, кому особенно повезло, в зданиях бывших Кадетских корпусов, как это было, скажем, во Владикавказе, Тамбове, Оренбурге. Нашему Казанскому училищу досталось здание бывшего Родионовсского института благородных девиц, утопавшее в зелени 25-гектарного, старинного же, парка с тенистыми аллеями вековых лип.

В первом этаже размещались столовые залы, библиотека, учебные кабинеты русского языка и литературы, математики, химии, биологии, истории, иностранных языков; спортивные залы, карцер, комната дежурного офицера-воспитателя; во втором — учебные классы, кабинет физики и актовый зал. (Говорят, в зале этом когда-то танцевал с институтками студент Императорского Казанского университета граф Лев Николаевич Толстой, и события, описанные им в рассказе «После бала», будто бы обязаны своей завязкой именно этому помещению Родионовского института). Третий этаж — взводные дортуары.

У нас было три формы одежды:

а) парадная — черный однобортный суконный мундир о пяти латунных пуговицах, такие же брюки с однопрогонными лампасами алого цвета, черные хромовые ботинки, черный кожаный ремень с латунной бляхой, белые нитяные перчатки. Воротник мундира стоячий с галуном золотистого цвета на алом сукне;

б) повседневная зимняя — вместо мундира солдатская гимнастерка черного сукна, вместо ботинок юфтевые сапоги; черный ремень;

в) повседневная летняя — вместо черной белая холщовая гимнастерка, вместо сапог ботинки, черный ремень.

Зимой и с парадной, и с повседневной формой одежды носили под ремень черную солдатского покроя шинель, застегивающуюся справа на крючки. Но посередине груди все равно шел ряд из пяти латунных пуговиц. Повседневно полагалось носить коричневые шерстяные перчатки, в торжественных случаях, с мундиром, — те же нитяные белые. Черная каракулевая шапка-ушанка по суконному верху имела перекрестие из узкого алого галуна. Весной и осенью носили черную суконную фуражку с алым околышем, летом — белую холщевую, околыш тоже алый.

Погоны на мундире, гимнастерках и шинели были одинаковые — из алого сукна с белым кантом по обводу. Трафаретно, краской на них наносилось установленное для каждого училища сокращенное наименование (для нашего — «Каз»). У командиров отделений, имевших звание «вице-сержант», по периметру погона нашивался золотистый галун, а у вице-старшины еще и посередине погона, вдоль него.

Белье нательное было солдатское, холщовое. Летом вместо него выдавались майка и трусы. Все это менялось, как и постельное белье, по субботам, когда мы ходили в баню. На зиму для занятий физкультурой выдавали свитер из верблюжьей шерсти. Башлыков не водилось.

Кормили нас четыре раза в день — первый и второй завтраки, обед, ужин. Разносолами не баловали, но вся пища была здоровой и вкусной (и это при том, что страна в войну и после войны голодала). Противным был только рыбий жир, столовую ложку которого ежедневно перед обедом должен был проглотить каждый из тех, кому еще не исполнилось 15 лет. Очень любили пончики с брусничным вареньем. Этим лакомством объедались те, кто за какую-то провинность сидел на хлебе и воде в карцере — арестанту относил пончики весь взвод. Начальство знало, но закрывало на это глаза.

О распорядке дня. Поднимались в шесть часов — и без гимнастерок в парк. Бег, гимнастические упражнения, борьба — 40 минут. (В сильные морозы все это заменялось прогулкой в шинелях строем..) Потом туалет, строевой осмотр, завтрак и три часа занятий в классах. После второго завтрака — получасовая большая перемена. Ее тоже проводили вне помеще-

ний, на воздухе. Опять три часа занятий и обед. Послеобеденный сон — час. Полтора часа «личного времени» — чтение, спевки, занятия в спортивных секциях. Секций, помнится, было много. И условия отличные: мы имели пистолетный тир, футбольное поле (оно же для игры в лапту), несколько баскетбольных и волейбольных площадок, теннисный корт с земляным покрытием, четыре спортивных зала, фехтовальный зал, бассейн. У каждого были лыжи, на троих — одна пара коньков, на десять человек — велосипед. Спортом увлекались почти все. Кому что по душе. Но существовал перечень навыков физической культуры, которые каждый суворовец должен был выработать у себя в обязательном порядке: лыжный бег и легкоатлетический кросс, спортивная гимнастика, плавание, стрельба, бокс, штыковой бой, верховая езда. Самое сладостное воспоминание — держали конюшню из 30 верховых лошадей. Занятия по верховой езде шли весь год в 6 классе. А в 5-м, тоже весь год, с энтузиазмом чистили денники и холили самих животных, каждодневно балуя их приносимым в карманах сахаром. Преподаватель конного дела майор А. казался зверем — очень часто норовил достать кнутом не коня, а всадника. Но теперь встречаешь его (мы каждые пять лет съезжаемся в училище) — вполне симпатичный человек, хотя и помнит тебя только по той лошади, на которой ты когда-то хлюпал учебной рысью.

После «личного времени» — три часа самоподготовки: два до ужина и один сразу вслед за ним. Мы много читали. В основном, русская классика и западные приключенческие романы. Кумиром был, конечно, Печорин. Так вот, чтобы почитать во время самоподготовки, нужно было показать офицеру-воспитателю все выполненные письменные работы. Хитрили: кто-то один (по очереди) решал задачи по математике, другой по физике, третий по химии и т. д. На это отпускался час, пока остальные готовят устные задания. Потом решения переписывались на огромную доску — «для сверки», и все на втором часу самоподготовки «сдували» их в свои тетради.

Казалось бы, такая «метода» должна была способствовать поголовному выпуску недоучек. Однако, каждый суворовец по образованности был на голову выше выпускника обычной средней школы. Хотя бы такой пример: из 25 кадет моего класса 11 человек окончили курс с золотыми и серебряными медалями.

Сейчас не то. (Не старею ли?) Принимают в училище после восьмого класса. Человек сформировался, к охоте за знаниями его уже не приучишь, а офицеры хотят, чтобы он учился так же, как когда-то учились мы. И усаживают его за стол на целый день. Сплошная зубрежка, некогда почитать, позаниматься спортом, некогда просто победокурить. Да и к фронту приучены слабо, подтянутость — стыдно смотреть. Жалко нынешних кадет. Поэтому наш Клуб борется за то, чтобы, во-первых, восстановили расформированные в 60-е годы 9 Суворовских училищ и, во-вторых, снова ввели семилетний курс обучения.

Однако это так, в скобках.

Итак, пока очередники потели над задачами, остальные готовили устные уроки. Прежде всего — по французскому языку, им занимались ежедневно. Много мороки было с географией. Витечка заставлял нас не рассказывать, а рисовать.

— Суворовец Исаков!

Встаю.

— Франция.

Это значит, что я должен выйти к доске и красным мелком начертить контур границ названной страны, а синим — еще и показать ее морские побережья.

— Суворовец Ромасловский! Реки...

И так — до гор, городов, полезных ископаемых, промышленных центров. За урок опрашивалось человек до пятнадцати...

Как бы то ни было, последний час самоподготовки мы читали не из-под крышки парты, но открыто, «на законном основании». За исключением тех, кто в этот день трудился над задачами, и за исключением того дня, когда в третий час самоподготовки мы получали уроки хореографии. Танцам учились самозабвенно. Особой удачей считалось, когда наша «Пышка», миниатюрная, но заметно пополневшая отставная танцовщица Казанского балета, учившая нас хореографии, выбирала тебя на весь урок в качестве своего кавалера. Избранник чуть не падал в обморок от волнения, которое неизбежно рождается в молодой неопытной душе, когда дрожащими пальцами на упругой талии вдруг ощутишь ток горячей женской крови и почувствуешь терпкий запах взволнованной танцем плоти. Зато после этого полуобморочного состояния счастливчик дерет нос целую неделю, до следующего урока.

Но самое главное — бал! Ты уже не станешь подпирать стены, но едва на хорах музыканты начинают прилаживать к губам мундштуки своих горящих солнцем труб — отважно бросаешься через всю залу на приступ самой красивой пятнадцатилетней дамы, и уже не дрожит твоя рука, и твоя богиня, найдя в руке твоей опору, летит, невесомая, счастливая, смеющаяся, вместе с тобой и вместе со всем вихрем над старинным паркетом. Краковяк, па-де-катр, полонез, мазурка, вальс... Иногда разрешалось станцевать танго или фокстрот, которые у начальства были не в чести.

Проводы дам почти всегда кончались приключениями. Казанская шпана не жаловала нас, и если на ночной улице встречала суворовца-одиночку, возвращавшегося от дома своей дульцинеи в училище, хорошо поколачивала его. Когда же кавалеров сходилось несколько, шпаки непременно показывали нам свои тылы.

Впрочем, синяки не считались чем-то позорным ни у товарищей, ни у воспитателей. Наоборот, они свидетельствовали, что ты не струсил. Трусость не совмещалась со званием кадета.

Однажды два суворовца оказались на городском катке. К одному пристала группка молодцов, и в ход пошли кулаки. Второй сбежал. К нему было применено самое жесткое наказание — перед всем училищем срезали погоны и поставили в хвосте пятой, младшей роты, в пяти шагах от левофлангового малыша. Это место он занимал на всех училищных построениях в течение месяца.

Однако бойкот, который ему объявили в роте, не сняли и тогда, когда погоны снова легли на плечи этого кадета. Сколь ни уговаривали офицеры суворовцев простить человеку мимолетную, быть может, трусость, кадеты стояли на своем — предательство! У отвергнутого не было родителей, и отчислить его из Суворовского не представлялось возможным. Тогда решили перевести его в другое училище. Что с ним было дальше, никто из нас не знает и до сей поры...

Сколь мы любили уроки танцев, столь же не переваривали уроки игры на фортепьяно. Начали было учить тоже всех. Но многие сильно противились этому и делали все, чтобы не ходить на занятия к «Мандолине». Специально не мыли рук, что выводило ее из себя, резали или просто бинтовали пальцы, безбожно перевирали то, что она уже не раз втемяшивала нам, приносили на урок то ежа, то белую крысу... Уф! Обязаловку отменили. А теперь жалеем...

Хорошо еще, что не бойкотировали театр! И в драматический, и в оперный ходили часто. Опера была посредственная, хотя пели почти весь классический репертуар. А вот драма — куда как хороша. Играли, в основном, русскую классику. Ярошенко в «Нахлебнике» и теперь стоит перед глазами. Цирк обожали потому, что вторым отделением всегда была французская борьба. нашим кумиром стал Иван (?) Богун — хоть ваяй с него Антея. Нас охватывал невообрази-мый восторг, когда Богун припечатывал к ковру жирную, пузатую глыбу Алибурхана.

Чтобы закончить с распорядком дня, нужно сказать, что после самоподготовки ходили на прогулку — строем и с песнями. Певали и «Бородино» и «Взвейтесь, соколы, орлами». Раз в месяц проводилась торжественная заря. После прогулки или зари, в 22 часа, отход ко сну. Бодрствовать оставались кадеты, несущие службу в наряде, и те, кто за мелкие провинности (курение, неопрятный внешний вид и т. п.) «заработал» наряд вне очереди. Таких набиралось до четырех десятков человек. Помощники офицеров-воспитателей — старшины-сверхсрочники — имели точный счет: в коридоре 11 линий паркета, на трех этажах 33, плюс вестибюль. И вот провинившемуся задавали урок — одну паркетную линейку вычистить и натереть воском до зеркального блеска. На это уходила почти вся ночь.

Туалетные комнаты убирались составом внутреннего наряда. Аллеи парка подметали и посыпали свежим песочком сами. Так же, как мыли стекла окон, ходили за лошадьми, ремонтировали стрельбище и спортивный городок, расчищали территорию училища от снега. Хотя садовника в штате не было, сад с огородом существовали. Всеми работами в них руководили преподаватели биологии. Каждый кадет имел во владении или дерево, или куст, или грядку. Плоды трудов наших шли на общий стол. Я в земле копаться не любил, и младший лейтенант административной службы М. П. Л., совсем старичок, которого мы почему-то звали Рыбий Глаз, нашел для меня овощ, не требовавший особого ухода, — ревень. Когда из моего ревеня на кухне делали довольно вкусный напиток, он с легкой руки Рыбьего Глаза шел у нас как «ленивый компот».

Еще нам преподавали столярное дело. Каждый должен был сдать экзамен — сделать табурет, который не только ровно стоит, но и не развалится, если им как следует шарахнуть о пол.

А вообще-то экзаменов разных было, пожалуй, и много. Каждый год — переводные из класса в класс по всем предметам обучения, выпускные — по одиннадцати. После экзаменов училище поротно отправлялось в летние лагеря. Марш совершали в пешем порядке. Каждую роту в лагере Василий Васильевич Болознев встречал с оркестром. Заслышишь музыку, и усталости как не бывало, хотя пропылил по жаре 25 километров.

В лагерях — тактические игры, походы по азимутам, стрельбы, смотры. И, конечно, спорт. Нагрузку нам давали хорошую — на каникулы (один месяц, август) приезжали изрядно похудевшими, и родительницы не знали, чем бы откормить свое дитя.

В лагерях же выпускной класс получал назначения в военные училища (распределение по среднему баллу аттестата зрелости), перед самым отъездом на каникулы переодевался в зеленую курсантскую форму и перед лицом всего кадетского братства присягал на службу Отечеству. В этот день был торжественный обед, в котором участвовали и воспитатели, и многочисленные гости. А потом все разбредались по лесу небольшими группами — один-два друга-выпускника и с ними стайка младших. Воспоминания, наставления, покаяния в грехах. На ужин никто не ходил, к палаткам собирались к самому началу фейерверка, уже в темноте.

Дня через два все училище во главе с Василием Васильевичем под знаменем и с музыкой провожало своих питомцев на вокзал. Мы шли четким кадетским строем по улицам города, и это было, наверное, красивое зрелище — с тротуаров на нас смотрела вся Казань.

Смотрит и теперь, когда, собравшись один раз в пять лет в родном доме, мы снова идем знакомыми маршрутами, смыкая свои поредевшие ряды...

На этом я, пожалуй, и закончу, господа. В письме всего не скажешь, и нужны встречи. Как сказал перед кончиной покойный Николай Васильевич Козякин, одна встреча заменит десяток писем.

Храни вас Господь, наши старшие братья!

Искренне Ваш Евгений Исаков.

Евгений Исаков,
Казанское СВУ, VI выпуск, 1954 года

В. Е. АНИКАНОВ

* * *

В Суворовском Союзе все равны!
Здесь каждый бережет святое братство,
А это наше главное богатство!
В Суворовском Союзе все равны!

В Суворовском Союзе все равны!
В нем нет ни рядовых, ни генералов,
Кадеты мы, а это ведь немало,
В Суворовском Союзе все равны!

В Суворовском Союзе все равны!
Суворовскую честь всех выше ставим!
В любой беде кадета не оставим!
В Суворовском Союзе все равны!

В Суворовском Союзе все равны!
Вовек погон мы алых не забудем!
За Родину всегда мы станем грудью!
Суворовскому братству мы верны!

ВСТРЕЧА В РОССИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло более девяти месяцев со дня исторической встречи зарубежных кадет с суворовцами и нахимовцами в Москве. В предыдущем номере «Кадетской переклички» мы поместили краткие сведения о суворовцах и о первых контактах с ними. В этом номере мы помещаем статью полк. Е. П. Исакова, описывающую историю Суворовских училищ со дня их основания, с семилетним курсом обучения.

Отметим, что до 1991 года у нас имелись весьма скудные сведения о сувороцах; помнится, в одном из журналов, издающихся за границей, появилась статья, представившая суворовцев как своего рода «янычар» советского режима, с детства подготовляемых к службе на защиту коммунисти-0ческой родины и ее вождей.

Несмотря на это, многие из кадет считали, что перемены в России, начиная с 1985—1986 гг., приведут к значительным идеологическим переменам как в армии, так и в суворовских училищах.

Считаясь с тем, что наше поколение уходит и ка-детские ряды быстро редеют, необходимо было войти в кон-такт с суворовцами и через них с армией, чтобы передать им дух, традиции и те основы, на которых воспитывалась Императорская армия, а также кадеты и юнкера, как в России, так и за границей.

Эта возможность нам представилась, когда председатель Обще-Кадетского Объединения в Париже А. Д. Шмеман прислал свою переписку с представителем Суворовских клубов на обсуждении XII съезда в г. Санта-Роза.

После Съезда, в мае месяце 1991 года, состоялась первая встреча члена правления Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов в Нью-Йорке А. Б. Иордан с представителем Суворовских клубов в Москве полк. Е. П. Исаковым.

Встреча не была официальной, но на ней обсуждались идеологические и организационные вопросы, связанные с возможной встречей кадет и суворовцев. Уточним, — первые встречи были с представителями Суворовских клубов, т. е. офицеров, закончивших Суворовские училища и находящихся в отставке или в действующей армии.

Мы с Е. П. Исаковым посетили руины церкви Св. Федора Студита, в которой крестили будущего генералиссимуса А. В. Суворова, особняк, где он жил, ныне занимаемый посольством Республики Нигерии, побывали в Елоховском Соборе.

По возвращении в Нью-Йорк я сделал подробный доклад о поездке, а копию доклада послал председателю последнего XII съезда — А. И. Козлову.

Затем в июле последовала поездка в Россию А. М. Ермакова, председателя Центра связи, о которой было сообщено в кадетских изданиях.

В сентябре полк. Исаков приехал на «Трехдневную встречу» Сан-Фрнцисского объединения кадет в г. Санта-Роза, а затем был в Нью-Йорке гостем Нью-Йоркского объединения. В Наяке была устроена встреча, в которой участвовало 34 кадета. Е. П. Исаков сделал короткий доклад о суворовских клубах и их деятельности.

В течение его пребывания в Нью-Йорке его возили в имение Толстовского фонда с его старческими домами и больницей для престарелых, а также — на кладбище при монастыре Новое Дивеево, с кадетским участком.

Затем его пригласили на пикник общества «Родина». Он был гостем в нескольких домах, где познакомился с кадетами и их семьями. Велись переговоры, намечалась встреча в Москве.

В ноябре И. А. Козлов и А. Писарев полетели в Москву и Санкт-Петербург на суворовские торжества. Эта поездка была описана в «Кадетской перекличке», а видеофильмы поездки были показаны на XIII Съезде кадет в Каракасе, Венесуэла, где опять обсуждался вопрос о встрече с суворовцами в августе-сентябре 1992 года и о нашем сотрудничестве.

Подготовкой этой «Встречи» занялись представители Сан-Францисского объединения и председатель Центра связи. «Встреча» продолжалась с 29 августа по 18 сентября, сначала в Москве, затем в Санкт-Петербурге.

О самой поездке было много написано в кадетских бюллетенях Сан-Францисского и Каракасского объединений, в дружественной прессе — в «Нашей стране» (Аргентина), «Русской жизни» (Сан-Франциско), а также в России («Гардемарин», «Ратоборец», «Кадеты, Юнкера» и т. д.).

Много было получено писем как редакцией, так и отдельными кадетами, а наше прибытие в здание Санкт-Петербургского Суворовского военного училища (СВУ) было показано в телевизионной программе в Питере. Председатель Центра связи в Сан-Франциско выпустил видеофильм поездки, а многие кадеты засняли поездку для себя и показывали ее друзьям и знакомым.

Редакция решила напечатать выдержки из статей, докладов, речей и переписки с суворовцами и нахимовцами с тем, чтобы лучше ознакомить читателей, не побывавших на съезде и «Встрече» и не получающих кадетских изданий.

А. Б. Иордан

ИГОРЬ КОЗЛОВ

ПОЕЗДКА ЗАРУБЕЖНЫХ КАДЕТ В РОССИЮ
(29 авг. — 18 сент. 1992)

«Рассеяны, но не расторгнуты»

Недавно в жизни кадетских объединений за рубежом, в частности в жизни Сан-Францисского объединения, произошло действительно историческое событие: русские кадеты встретились в России с бывшими воспитанниками Суворовских и Нахимовских училищ. Историческим это событие надо считать потому, что после 70 с лишком лет идеологического и физического разделения, Россия призвала своих верных сынов по обеим линиям фронта встретиться, обдумать и серьезно, в дружеской обстановке обсудить способы и меры для общей работы на благо родины, на ее восстановление.

Разговоры и планы о будущем России, несомненно, сыграли важную роль в этой поездке сорока шести кадет со всех концов мира, и двадцати шести членов семейств, друзей и единомышлен-ников, прибывших в Москву, чтобы принять участие в духовном единении с суворовцами и нахимовцами, выразившими еще задолго до встречи твердое пожелание совместной работы и объединения с нами.

Для Сан-Францисского объединения, как сказано выше, это было весьма важным событием, так как судьба выделила нам особую, нелегкую, но почетную задачу — возглавить эту дружескую «Встречу». 18 августа Преосвященный Антоний, архиепископ Сан-Францисский и Западноамериканский отслужили напутственный молебен. «С Богом пойдешь — добрый путь найдешь», гласит старая русская пословица. С этими мыслями и при всесторонней поддержке остающихся членов объединения, членов Общества ветеранов и многочисленных наших друзей и доброжелателей, укрепивших в нас веру в правильность наших действий, мы 29 августа прилетели в Москву, соединившись там с кадетами, прибывшими из других мест зарубежья.Организатором и вдохновителем поездки был Центр Кадетской связи во главе со своим председателем Алексеем Ермаковым, совершившим несколько поездок в Россию для обсуждения намечавшейся «Встречи» и руководивший деталями общекадетской работы вплоть до отъезда участников в Россию.

Дельными помощниками ему были наш неутомимый казначей Алексей Истомин, Владимир Власовский, Николай Протопопов и Святослав Забелин. В наше время, когда все сильнее чувствуется недостаток в общественных работниках, их помощь заслуживает нашей общей благодарности.

И еще об одном кадете.

Оказавшийся неожиданно на работе в американской фирме в Москве, наш однокашник Вадим Мозговой оказал нам громадную помощь в переговорах с суворовцами и нахимовцами, в подыскании вместе с ними подходящих помещений и в руководстве финансовыми делами всего нашего пребывания в России. Спасибо, дорогой Вадим, и многая тебе лета!

Встретили нас поистине тепло и радушно. Отметили наш приезд в своей газете:

«Встреча российских кадет — это встреча выпускников российских кадетских корпусов с суворовцами и нахимовцами, происходящая в Москве и Санкт-Петербурге с 29 августа по 18 сентября 1992 г. Гости приехали с разных концов земли: из США и Канады, Аргентины и Венесуэлы, Австралии, Чили, Египта и Югославии. Так на практике воплотился их главный девиз: «Рассеяны, но не расторгнуты».

Сегодня у всех нас великий праздник: наконец-то состоялась встреча суворовцев и нахимовцев с их братьями-кадетами, волею судьбы оказавшимися за рубежом России. Будем откровенны, еще несколько лет назад о такой встрече мы не только не мечтали, но даже представить себе ее не могли. И вот зарубежные кадеты на земле общей для всех нас Матери-России. От всей души приветствуем наших гостей: добро пожаловать! Давайте дружить! Давайте общими силами возрождать и развивать славные традиции наших предшественников — российских кадет. Будем всегда помнить о том, что все мы, кадеты, одной крови. Вы и мы».

Такие искренние, дружеские приветствия высказывались суворовцами и нахимовцами в течение всего нашего там пребывания; они укрепили нашу веру в сохраненную ими преемственность поколений и верность воинскому братству. Генерал-лейтенант А. Р. Чувакин, возглавитель «Встречи» от суворовских и нахимовских объединений, не раз говорил, что руководители *«преследовали благородную цель: восстановить связь времен, преемственность поколений, найти пути к объединению кадет-суворовцев, нахимовцев и зарубежных — во имя духовного и культурного возрождения России, ее величия и авторитета»* А известный летчик-космонавт В. Джанибеков, герой России,

суворовец, прославившийя международными полетами, участник суворовско-нахимовского движения, произнес услышанные по всей России слова:

«Российские кадеты, в которых мы видим духовных наследников Белого движения, и выпускники суворовских и нахимовских училищ, созданных по типу кадетских корпусов, перешагнули через идеологические баарьеры и сказали самые верные слова: кадет кадету — друг и брат».

Подобные речи мы слышали очень часто. И как бы общий ответ на все это дал наш однокашник, кадет Княже-Константиновец Алексей Иордан: «Мы шли к одной цели — славе России, но разными путями. Слава Богу, теперь эти пути сошлись».

И все мы испытывали огромную радость от возможности быть на родине, быть с суворовцами и нахимовцами и совместно чувствовать нашу общую принадлежность России. Мы видели и пережили очень многое.

Цель нашей поездки была четко сформулирована организаторами: ближе познакомиться с бывшими воспитанниками суворовских и нахимовских училищ — теперешними членами С/Н клубов и объединений, для того чтобы наметить пути общей работы в деле возрождения национальной России.

Многие из кадет прибыли в Россию впервые. О суворовско-нахимовских училищах они знали лишь по докладам и сообщениям тех нескольких кадет, которые побывали в Росии за последние два года, или по личному знакомству с посетившим два наших объединения в США полк. Е. П. Исаковым. Поэтому личное знакомство и повседневные встречи в течение трех недель оказались весьма полезными и плодотворными в установлении наших взаимных связей. Я убедился, что все побывавшие в России зарубежные кадеты поняли сегодняшнюю Россию, верят в ее восстановление и желают принять посильное участие в процессе ее возрождения. Повторяю слова, сказанные мною на одной из встреч:

«Наши идеи вышли за рамки чисто кадетской организации и уже имеют широкую общественную поддержку патриотических сил зарубежья. Каким образом нам удастся применить эти идеи на практике, сказать в данный момент невозможно, но известен главный результат нашей встречи: это наше общее духовное обновление, которое укрепляет надежду, прибавляет силы и продлевает жизнь».

О Донском корпусе. Донской, императора Александра III кадетский корпус в 1919 году был вынужден покинуть Новочеркасск. Впоследствии он продолжил свое существование в Югославии, но через 14 лет ы 1933 году закрылся. Судьба донцов и их корпуса хорошо известна зарубежным кадетам. В России же дело обстоит иначе — о корпусе, его жизни и его славном прошлом не известно почти ничего.

Поэтому необходимо собирать, печатать и перепечатывать данные об этом корпусе. Ведь мы ныне являемся свидетелями совершенно исключительного явления — возрождения Донского, императора Александра III кадетского корпуса в Новочеркасске! Вот там-то и необходимы сведения о родном корпусе.

Встретились мы с юными кадетами-донцами 30 августа у ворот Донского монастыря в Москве. Еще в 1950 году донец Н. Воробьев написал стихотворение «Кадету» и закончил его следующими пророческими словами:

Снова в прошлое мне приоткрыта дверца,
Мы с тобой опять в краю родном,
И кадетское, как раньше, бьется сердце
Под обычным штатским сюртуком.

Молодые кадеты, среди которых находились и два вице-урядника, были построены директором есаулом Георгием Писаревым для официальной встречи зарубежных кадет. Эту встречу, эту радость трудно описать. Надо лично пережить, прочувствовать и осознать все ее значение.

После более чем 70 лет духовного преследования, моральных и физических тяжелых испытаний свершилось чудо: возрождается Донской кадетский корпус! Торжествуйте, зарубежные донцы, ибо исполнилась ваша заветная мечта — открывается родной корпус. И все остальные кадеты радуются вместе с вами, ибо положено начало возрождению кадетских корпусов в России. Мы понимаем, что много еще трудностей впереди. Но начало положено, Бог в помощь!

В дальнейшем наша деятельность проходила в присутствии донских кадет. Нас это радовало, а они этим гордились...

Уже позже, в Санкт-Петрбурге, произошла церемония передачи подарков Донскому корпусу. Кадеты-донцы вновь построились в зале, заполненном нами, суворовцами и нахимовцами, нашими семьями и друзьями.

Председатель Сан-Францисского объединения от лица донцов, состоящих в объединении, передал ценные подарки: погон Донского императора Александра III кадетского корпуса (сохраненный за все годы изгнания кадетом-донцом Павликом Житловым), жетон и значок Корпуса. Все это было искусно вложено в красивую рамку под стеклом (работы кадета Р. Фолькерта) с соответствующей надписью. Также были переданы: финансовая помощь, две памятки Донского кадетского корпуса и две книги «Кадетские корпуса за рубежом».

Все вышеупомянутые подарки были собраны среди местных донцов трудами Александра Амочаева, кадета Донского корпуса, еще задолго до отбытия кадет на дружескую «Встречу». Шура просил председателя Объединения выразить директору Корпуса есаулу Писареву искренние пожелания успеха, а молодым кадетам передал пожелание стать достойными преемниками традиций славных донских кадет. Обещал и в будущем оказывать Донскому корпусу посильную помощь. Были также переданы подарки от отдельных кадет и наших друзей. Кадет-донец А. Алферов принимал деятельное участие во всех встречах с молодыми кадетами и передал им свои личные подарки.

Кроме наших родных и близких присутствовали семьи суворовцев и десятки гостей. Молитву читал кадет-крымец Владимир Бодиско. Торжественно прозвучало пение «Наш полк» на слова К. Р., и пение «Песни Дворянского полка» времен Матушки Екатерины — «Братья, все в одно моленье». Глубоко эмоционально, многие со слезами на глазах реагировали на это небывалое в их жизни торжество. «*Такие встречи,* — сказал один из офицеров,— *создают возможность крупица по крупице восстанавливать традиции русского офицерства, любовь к отечеству и святое хранение офицерской чести*». А один увечный воин со слезами на глазах вымолвил: *«Пора, давно пора...»*

Так исполнили свой долг перед Россией и возрождающимся российским воинством зарубежные кадеты.

О «Заре с церемонией» закончу словами, с которыми обратился ко мне генерал-лейтенант А. Чувакин: *«Необъяснимую внутреннюю духовную радость я пережил от участия в этом торжестве. Спасибо, большое спасибо!..»*

*

ИЗ МОСКОВСКИХ ГАЗЕТ

В Москве гостили выпускники русских кадетских корпусов, приглашенные на встречу с воспитанниками суворовских и нахимовских училищ. О своих впечатлениях и планах рассказывают зарубежные гости.

МЫ ЛУЧШЕ УЗНАЛИ ДРУГ ДРУГА

Мы приехали, чтобы лучше узнать друг друга. Проведя всю жизнь за пределами России, мы всегда оставались ее искренними приверженцами и не колебались в вере. Я приезжаю сюда уже шестой раз, и с каждым приездом вижу, что люди становятся более свободными, искренними, открытыми. Это означает, что Россию теперь можно понять, в нее можно не только верить. А понять, значит найти общий путь для ее возрождения. Мы к этому готовы.

Сергей Муравьев,
вице-председатель Нью-Йоркского объединения кадет

ПЕРЕДАТЬ ЭСТАФЕТУ ПАТРИОТИЗМА ДЕТЯМ

Свой факел любви к Росии и верности кадетскому братству мы несли всю жизнь, несмотря на искусственную отторгнутость от нашей великой родины. Мы должны передать светоч этой эстафеты новым поколениям, вливающимся в наше братство суворовцам, нахимовцам и питомцам возрождающихся кадетских корпусов в России.

Верим, что наша встреча здесь поможет следовать вековой традиции: прививать молодежи идеи патриотизма, государственной мудрости, служения народу. Это вполне реально в таких учебных заведениях, как кадетские корпуса, которые Екатерина II называла «рассадниками великих людей в России».

Игорь Андрушкевич,
председатель Аргентинского объединения кадет

У НАС МНОГО ПЛАНОВ

Инициатор нынешней встречи — Центр кадетской связи в Сан-Франциско, возглавляемый Алексеем Ермаковым. Мы готовились к ней два года, а мечтали всю жизнь.

Наши цели — развитие и упрочение дружеских связей с суворовско-нахимовским движением во имя России, ради ее возрождения. У каждой стороны довольно своих грехов, но мы не хотим ни судить, ни быть судимыми. Есть нечто большее, что заставляет нас забыть взаимные обиды: Россия — наша общая мать, которая нуждается в помощи своих сыновей.

У нас много замыслов и намерений на этот счет. Они получили широкую общественную поддержку, что укрепляет нашу уверенность в их нужности. Впрочем, независимо от того, насколько успешным будет их воплощение на практике, итоги нашей встречи уже ощутимы и отрадны: налицо наше сближение и духовное обновление. Это обнадеживает, прибавляя сил для осуществления наших идей.

Игорь Козлов, руководитель делегации,
председатель Сан-Францисского объединения кадет

В. БОДИСКО

КАДЕТЫ

(Доклад, прочитанный на «Встрече»)

К началу революции в России насчитывалось двадцать девять кадетских корпусов, к которым иногда ошибочно прибавляют еще два корпуса: Морской и привилегированный Пажеский, которые не были кадетскими, ибо выпускали своих воспитанников в офицерском чине.

Что же это были за училища? Почему их воспитанники так ценят свое прошлое и именуют себя кадетами до самой смерти? Об этом уже написаны целые сочинения. Пересказывать их содержание нет времени, но коротко рассказать о кадетских корпусах можно и, пожалуй, нужно.

Не будем углубляться в далекое прошлое нашей родины и ее армии. Скажем только, что старая русская армия была на огромной высоте в организационном, моральном и боевом отношениях. Блестящие победы были не только во времена Суворова и Кутузова, но и на всем протяжении нашей истории. Были и поражения, как в войне с Наполеоном до его похода на Россию, в героическую Крымскую войну, против Японии уже в этом веке, но никогда русская армия не теряла свой дух, в душе своей не сдавалась, не капитулировала.Даже в проигранных сражениях проявлялись примеры геройства. Русский воин оставался предметом зависти иностранных полководцев, твердо помнивших слова Фридриха Великого о том, что «русского солдата мало убить, а нужно еще и повалить».

Кто же принес в русскую армию этот особый дух, откуда стойкость, доблесть русского солдата? Ответ один — от офицеров. Так называемая прогрессивная интеллигенция, старавшаяся расшатать монолит империи, делала все возможное, чтобы дискредитировать главный оплот армии — офицерский корпус. В этом ей помог, увы, бывший кадет, юнкер и офицер, писатель Куприн, опубликовавший клеветнический роман «Поединок», в котором оболгал офицерскую среду.

Провалившись на экзамене в Академию Генерального штаба и поняв, что военную карьеру не сделает, Куприн вышел в отставку, чтобы стать писателем. Чтобы обрести благосклонность «прогрессивной интеллигенции», он написал свой лживый роман, встреченный «левыми» с восторгом.

Но никакие нападки не могли сломить дух русских офицеров. Скромные, ненавязчивые, добросовестные служаки, друзья своих солдат, но без панибратства, они создавали русскую армию.

Где же было это офицерство и воспитанные им части, когда произошла революция? Как они допустили свою родину и ее армию до распада, до ужаса советского строя?

Ответ однозначен: кадровой армии и ее команадиров тогда уже почти не было. Они давно полегли на полях битв, а те, кто пришел им на смену, уже не были русскими солдатами и офицерами, а были вооруженной толпой, никем не воспитанной, не подготовленной, а, наоборот, распропагандированной. Офицеров заменили новоиспеченные прапорщики. А ведь тогда уже ходила поговорка, что «курица не птица, а прапорщик не офицер».

Вот что писал о тех страшных днях Максимилиан Волошин:

С Россией кончено... Напоследях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, руспублик да свобод,
Гражданских прав... И родину народ
Сам выволок на улицу, как падаль!

Что же могла сделать тогда горстка уцелевших офицеров, которых толпа в военной форме преследовала, унижала, изгоняла и убивала? Потом пришло время гражданской войны и Белого дела. Но это уже другая тема.

В мирное время русское офицерство почти сплошь состояло из людей, принадлежавших к дворянскому служивому сословию. Закон не препятствовал вступлению в военные училища представителеям других сословий — духовного, купеческого, мещанского, крестьянского и даже инородцам. Но недворяне избегали вступления в военные училища, чтобы не оказаться персонами «нон грата» среди юнкеров, а потом и офицеров. На особом положении были казаки, для которых были свои казачьи училища и особая казачья сотня при самом именитом Николаевском кавалерийском училище в Петербурге. Казаки, желавшие служить в артиллерии, саперных частях и даже пехоте, принимались в соответствующие училища без ограничений.

Жизнь русского офицерства при всем ее кажущемся блеске была далеко не легкой. Жалование было маленькое, а расходы — большие. Офицерам надлежало одеваться безукоризненно, а форм было несколько. Участие в жизни офицерского собрания было обязательным, даже если офицер столовался на стороне. Это отражалось чувствительно на его бюджете. В собрании устраивались приемы, праздники, балы. В гвардии, например, не тольуко все жалованье молодого офицера уходило на этого рода расходы, но приходилось и доплачивать из своего кармана.

Гвардия — это, конечно, исключение, но и в армейских частях сводить концы с концами было нелегко. Особенно, когда офицер обзаводился семьей, появлялись дети, родители старели и нуждались в помощи.

Правительство знало, что офицерский корпус был оплотом монархии, и старалось ему помочь. Одной из таких возможностей были кадетские корпуса, куда принимались сыновья офицеров на полное иждивение. Этим достигались две цели: с офицера снималась забота о воспитании сыновей и одновременно устанавливалась система прямой передачи из поколения в поколение идейных установок, которыми жил офицерский корпус русской армии. Установки эти сводились к короткому девизу: «За Веру, Царя и Отечество». В те годы девиз этот принимался безоговорочно. Православие было государственной религией. Церковью правил святейший Синод, чьи решения были неоспоримы. Возможно, что не все офицеры разбирались в догматах православной церкви и в них верили. Но разговоров на эту тему в офицерской среде не бывало, это почиталось плохим тоном.

Православие было не только официальной верой, но и традицией. Ежедневные молитвы, посещение церкви, рождественская кутья или пасхальные яйца настолько вошли в жизнь русских людей, что без них она потеряла бы очень много. Недаром диакон Ахилла из «Соборян» Лескова говорил, что он легко все догматы отдаст, а обрядностью никак не поступится... Жан-Жак Руссо сказал, что он верит лишь в то, что понимает, но к верованиям других людей он относится с уважением и их не оспаривает. Думается мне, что и многие офицеры, отцы и деды наши, могли бы повторить эту фразу. Главное то, что вера православная была одной из составных частей России, что изъять ее — значило бы расшатать все здание, что вера в единого Творца мироздания и тогда, как и теперь, жила и живет в душах всех мыслящих людей, а та форма, в которую облекает ее православная церковь, вошла в жизнь, стала традицией.

Второй в воинском девизе — Царь. За долгие годы существования русской армии царей на престоле переменилось много. Был среди них гений — Петр Великий, были умнейшие люди, как Екатерина Вторая и Александр Освободитель, были люди среднего ума, но твердой воли — Николай Первый и Александр Третий, были слабые люди, даже настоящие неврастеники, как Петр Третий и его сын Павел. Но все они олицетворяли российскую государственность, вернее, саму Россию, все были «помазанниками Божьими» Земная ипостась как бы соединялась с небесной и личность Царя возносилась над всеми, становилась в понятии многих сверхчеловеческой.

Это в порядке идеологическом, а на практике и в отношении армии в первую очередь, Император был верховным повелителем, который руководил жизнью страны, обеспечивал в ней порядок, охранял от врагов. Служащим же своим Император гарантировал постепенное продвижение, награды, спокойную, обеспеченную старость. Что же мог офицер иметь против Царя?

И, наконец, Отечество. В это слове было слито все родное: свое село или город, семья, та среда, в которой человек жил и развивался с детских лет и до глубокой старости, родная природа, обычаи, училище, церковь, да и сам Царь, как верховный хранитель всех этих ценностей... Девиз «За Веру, Царя и Отечество» русские офицеры принимали «не мудрствуя лукаво», как нечто само собой разумеющееся, тем более, что армия была вне политики, а девиз был не политическим, а только армейским.

Понятно, что и детей своих офицеры воспитывали в этих убеждениях и что юноши росли вне политики, которой чуждались, на которую смотрели как на что-то достойное презрения. Такими они поступали в корпуса.

Это приводило к тому, что кадетская среда с самого начала была однородной в сословном, классовом, культурном и идейном отношении. Корпусному начальству не нужно было внедрять в умы воспитанников лозунг «За Веру, Царя и Отечество», ибо они приходили в корпус в этом лозунге убежденные.

В дальнейшем, когда отроки становились юношами и молодыми людьми, у них, естественно, появлялись свои точки зрения на окружающее, но высказывать их они избегали, зная, что кадеты эти их идеи отвергнут, даже могут предать остракизму изменников общему «кредо».

Мальчики, поступая в корпус, меняли свою маленькую родную семью на большую — кадетскую. Дома они жили, спали, ели, развлекались вместе со своими родителями, братьями и сестрами. В корпусе они вливались в общую жизнь своего отделения, класса, роты, всего корпуса.

Как в семье почти невозможно скрывать свои мысли и поступки, не проявлять свой характер, избавиться от постоянного наблюдения родителей, их поощрения хорошего и осуждения плохого, так и в корпусе среда принимает на себя роль семьи и продолжает воспитывать сотоварищей. Если ты заносчив, скуп, упрям — все это сразу будет замечено.

Товарищи кадеты дадут тебе очень меткое и обидное прозвище, начнут высмеивать твои поступки при всякой твоей оплошности, уличать в неблаговидных действиях, требовать полного подчинения установленным правилам общежития. От этого не уйдешь, этому нужно покориться или признать свою несостоятельность и покинуть корпус и его требовательную кадетскую среду. Те же, кто остается, из года в год сливаются во все более тесную семью, любовь к которой, верность к которой затем хранят всю жизнь.

Важную роль в жизни корпусов играли кадетские традиции. Теоретически воспитанием кадет ведали педагоги, прежде всего отделенные или классные офицеры-воспитатели. Теория, как часто бывает, расходилась с практикой. В каждый из корпусов ежегодно принимали в первый класс по 60—70 мальчиков. Обычно их разделяли на два параллельных отделения, каких могло быть и три, и больше, если в тот год в корпус поступало больше кандидатов. В каждом отделении был свой офицер-воспитатель. Значит, каждый воспитатель имел под своей опекой 30—35 юнцов.

Воспитатели приходили в корпус во время утреннего приготовления уроков, часов в восемь утра, а уходили из корпуса часов в семь-восемь вечера, когда на каждую роту оставался лишь один дежурный.

Все свободное время, утром, днем, вечером, ночью, кадеты оставались без воспитателей. Ясно, что воспитатели могли только диктовать правила поведения и требовать их исполнения, но проследить полностью за жизнью кадет не могли. Эту роль принимали на себя кадетские традиции, которые делились на общие для всех корпусов и на особые для каждого корпуса.

Самой основной, общей для всех корпусов традицией было подчинение младших старшим. Это не было казенным установ-лением, скорее это можно было бы отнести к подсознательному восприятию сентенции «силен свободным повиновением». Никаких физических воздействий на младших и быть не могло. Старшему достаточно было приказать, а проверять исполнение приказания не было нужно. Исполнение приказания по традиционной линии делали вопросом чести для младшего. Но и старшие не могли отдать какой-нибудь необоснованный приказ, в особенности если он затрагивал самолюбие младшего. За этим следили более старшие, а за всеми ими «выпуск», то есть семиклассники, в этом году кончающие корпус.

Любая несправедливость, не говоря уже об издевательстве или оскорблении, каралась и могла даже привести к уходу виновного из корпуса.

Второй общей традицией было нерушимое товарищество и, главное, недоносительство. Такому «фискалу» это первый раз ставилось на вид, во второй разговор сопровождалось угрозой, а в третий уже через день-два виновного родители забирали из корпуса. Начальство назначало расследование, но вели его воспитатели, сами бывшие кадеты, вели спустя рукава, и весь случай кончался лишением отпуска всего отделения на ближайшее воскресение.

Особые традиции в разных корпусах были различными. Возглавлял «выпуск», а следовательно, и весь корпус, «старший». Его помощником и заместителем был «хранитель звериады», на обязанности которого лежало хранение этой книги, в которую, выпуск за выпуском, вписывались посвящения, шутливые наблюдения над персоналом и над самими собой.

В моем, Крымском корпусе, книга была переплетена в бархат, а на русской ленте были расположены серебряные буквы, составлявшие слово «Звериада». Хранилась она под замком, в особой тумбочке у кровати «хранителя». Начальство догадывалось что́ там спрятано, но никогда не пыталось тумбочку открыть. Кроме двух названных лиц в старшинстве выпуска состояли еще два «адъютанта», чьи функции определены не были. Но все решения выносились не старшинством, а всем выпуском в целом, причем голосование избегалось, чтобы не делить выпуск на победителей и побежденных, а выносилось соглашением.

В других корпусах традиции были иными. В некоторых существовали выпускные советы, решавшие все вопросы от имени выпуска. Возглавители выпусков чаще именовались «генералами», в казачьих корпусах — «атаманами», а во Владимирском-Киевском — «патриархами». У нас в Крымском бережно хранились три старых кадетских мундира, вывезенные кадетами из России. Старшие надевали их в парадных случаях. В Русском корпусе в Сараеве, позднее переведенном в Белую Церковь и названном Первым Русским вел. кн. Константина Константиновича, имелся «выпускной совет», члены которого именовали себя «полковниками» и в парадных случаях надевали на левое плечо соответствующий погон, сохраняя на правом кадетский. И «генерал» и «полковники» выходили перед строем при шашках.

У кадет-донцов был «атаман», «полковники», «есаулы», бунчук и булава, как и особый ритуал их хранения и выноса.

Во всех корпусах устраивались традиционные ночные парады без присутствия офицеров, но с разрешения начальства. В некоторых корпусах были приняты кавалерийские традиции, скопированные с военных училищ, прежде всего с Николаевского, где их завел, по преданию, Лермонтов. Там был «цук». Старшие заставляли провинившихся младших делать десятки приседаний или вращаться, но и там не было насилия и издевательств. Правила корпусной жизни были неоспоримы, но подчинение им — не всегда обязательно. Например, запрещалось выходить из корпуса без разрешения. Тех, кто уходил, ждало наказание, если поймают. Но кадетская среда к нарушителям этого правила относилась не только благосклонно, но и поощрительно. Совсем другое дело, если кадета без отпуска оставляли традиционные старшие, что бывало крайне редко. Тут и подумать было нечего этот запрет нарушить, и не из страха наказания, а в порядке самодисциплины.

Традиции формировали нравственный облик кадета. Уже говорилось о карах за доносительство, но бывали и проступки, за которые кадеты сами изгоняли из своей среды виновных или просили начальство исключить их из корпуса, сообщая об их вине. На моей памяти таких случаев было только два: один, связанный с кражей у товарища, а второй — по отношению к политическому агитатору, начавшему проповедовать казачью самостийность.

Особое внимание традиции уделяли чистоплоности, опрятности, щеголеватости кадет. В России кадеты были одеты в красивую, элегантную форму. За границей, где материальные возможности были очень ограничены, форма была скромной, но стильной и типично военной, чем кадеты отличались от гимназистов, реалистов и прочих воспитанников гражданских училищ, называемых «шпаками», отношение к которым было свысока. Чтобы не ронять в глазах публики престиж кадет, старшие неустанно следили за опрятностью младших и безжалостно отправляли их обратно в корпус, если на улице замечали их небрежно одетыми. Не могу удержаться, чтобы не привести здесь стихотворение князя А. В. Сумбатова «Кадет»:

Что але́й — околыш на фуражке
Или щеки в ясный день морозный?
Что яснее — яркий блеск на пряжке
Или взгляд смышленый и серьезный?

Уши надо бы укрыть от стужи,
Но законы и в мороз — законы.
На груди скрещен башлык верблюжий,
Проскользнув под желтые погоны.

Заглянул в зеркальную витрину:
Вид гвардейский, вид отменно бравый.
Все в порядке должном, все по чину —
Не напрасно пишутся уставы!

Вот навстречу три улана рядом,
Офицеры, а идут не в ногу!
Отдал честь, но очень строгим взглядом
Проводил их. Даме дал дорогу.

Локтем ткнул раззяву гимназиста —
Рябчик, шпак, а корчит панибрата!
Отдал честь, по-офицерски чисто,
Повстречав с Георгием солдата.

Впереди завидел генерала,
Отставной и старенький, бедняга!
Взял на глаз дистанцию сначала,
Повернулся за четыре шага,

Стал во фронт, чуть стукнув каблуками,
Вскинул руку, вздернул подбородок,
Генеральский профиль ест глазами —
Знай, мол, наших, я не первогодок.

Мне двенадцать, третий год в погонах!
Третий год, а он уже мечтает
О гусарской форме, шпорном звоне,
И себя корнетом представляет.

Да-с, корнет! А, впрочем, осторожно,
Проглядишь кого и попадешься.
На бурбона напороться можно,
И тогда хлопот не оберешься.

А доложишь в корпусе об этом,
Назовут позором и скандалом!
Хорошо, конечно, быть кадетом,
Но, пожалуй, лучше генералом.

Подавляющее большинство кадет были сыновьями офицеров и потомственными дворянами. Это обусловливало отсутствие сословной или классовой розни. Но и к представителям других сосоловий отношение было совершенно одинаковым. Девиз: «Кадет кадету — друг и брат», относилось ко всем без исключения.

Будучи детьми культурных семей, кадеты в корпус поступали уже хорошо воспитанными. Корпус лишь сохранял и совершенствовал воспитание. Об идеологической подготовке будущих кадет уже говорилось. Родители кадет во многом облегчали работу корпусов, но один основной, и исключительно важный аспект воинского воспитания — товарищество, оставался на ответственности корпуса.

Поэтому вел. кн. Констанатин Константинович, начальник всех учебных заведений, почел нужным выработать и разослать по всем корпусам и училищам следующие «заповеди товарищества», на которых и базировалось кадетское и юнкерское воспитание.

1. Товариществом называются добрые взаимные отношения вместе живущих или работающих, основанные на доверии и самопожертвовании.

2. Военное товарищество доверяет душу, жертвует жизнью.

3. На службе дружба желательна, а товарищество обязательно.

4. Долг дружбы преклоняется перед долгом товарищества.

5. Долг товарищества преклоняется перед долгом службы.

6. Честь непреклонна. Бесчестие во имя товарищества остается бесчестием.

7. Подчиненность не исключает товарищества.

8. Подвод товарища под ответственность за свои поступки — измена товариществу.

9. Товарищество прав собственности не уменьшает.

10. Отношения товарищей должны выражать их взаимное уважение.

11. Честь товарищей нераздельна.

12. Оскорбление своего товарища — оскорбление товарищества.

Большинство заветов не новы для любого воспитанного человека, но их совокупность и направленность на взаимоотношения между военными, и в частности между кадетами, дают облик кадета, который мы вынесли из стен корпуса, который храним всю жизнь.

По этим заветам шла жизнь в кадетских корпусах, по окончании которых почти все кадеты переходили в военные училища, а затем становились членами русского офицерства. Кадетские заветы переходили во все подразделения армии, становились общевоинскими традициями.

Впоследствии, в Югославии, когда семейное воспитание ослабевало, в силу житейских забот родителей, директор одного из корпусов, генерал Адамович, почел нужным преподать кадетам шестьдесят семь своих заветов, основную часть которых мы приводим ниже.

Самое главное. Быть верным старой России и уважать ее прошлое. Быть верным Югославии. Уважать религии. Уважать старые русские обычаи. Охранять нашу национальность. Помнить, чье имя носим. Сохранять русский воинский строй и выправку. Подчинять не как рабы, а доброй волей.

Отношение к корпусу. Любить корпус, как любят старые кадеты. Не грязнить свое гнездо. Оберегать помещение корпуса. Соблюдать дружбу и гостеприимство к старым кадетам. Не набрасывать тень на корпус своим поведением вне его. Соблюдать форменность и опрятность кадетской одежды.

Облик кадета. Быть бодрым, закалять свою волю. «Терпеть безропотно лишенья» — по завету шефа корпуса. Быть всегда и везде с «поднятым забралом». Бестрепетно смотреть людям в глаза. Быть честным во всем и помнить, что честный в большом, честный и в малом. Не обманывать, не лгать, не хвастать, не хамствовать, не быть грубым, не сквернословить, не опускаться, быть скромным, чистоплотным. Знать свои недостатки. Не оправдываться тем, что все «по-волчьи воют», ни тем, что «один в поле не воин». Быть благородным. Быть, а не казаться.

Взаимоотношения. Помогать товарищам, не завидовать, поддерживать выдающихся. Не нарушать прав собственности. Делиться. Не делать бесчестного даже ради товарищества. Уважать молящегося. Охранять младших, как братьев. Если запачкался, не пачкать других. Не образовывать групп, откалывающихся от товарищей. Поссорившись, думать о мире, не доносить, не сплетничать.

Из правил общежития. Не лишать товарищей удобств общежития. Стеснять себя, чтобы не стеснять товарищей. Не бояться быть вежливым. Уважать чужое горе, печаль, радость, веселье, отдых, труд, сон и покой. Не выдавать грубостью и руганью свою ненаходчивость и ограниченность. Не барствовать перед прислугой. Не проявлять брезгливости.

Несколько слов о кадетском «ты». Сейчас все мы, независимо от возраста или положения, обращаемся друг к другу, применяя это местоимение. Раньше это было несколько иначе. В самих корпусах все кадеты всегда говорили на «ты». По окончании же корпуса это правило соблюдалось далеко не всюду. Были корпуса, которые обязывали всех своих бывших воспитанников говорить на «ты», невзирая на разницу лет и чинов. Это правило соблюдали, сколько помню, Первый Кадетский в Санкт-Петербурге, Полоцкий, Симбирский и другие. Журавль Полоцкого корпуса звучал так: «Полочане, как жиды, всегда вместе, все на «ты».

Окончившие эти корпуса носили на груди корпусной знак, что помогало отличать своих совоспитанников. Кадеты же, окончившие другие корпуса, обычно обращались друг к другу на «вы», хотя бы уже потому, что в огромном офицерском корпусе узнать кадета среди офицеров было нелегко.

Обращение всех кадет между собою на «ты» ввел в эмиграции председатель объединения кадет во Франции полковник Приходкин, которому принадлежит и фраза: «Погоны разные, а душа одна».

Повинуясь этим правилам и заветам, жили русские кадеты в своих корпусах вплоть до революции. Первая мировая война нарушила течение этой жизни в некоторых корпусах. Немецкое наступление на Варшаву заставило перевезти Суворовский корпус в Москву. Затем пришла очередь Полоцкого, который был отправлен на юг и поротно размещен в других корпусах.

Начиная с февраля 1917 года Временное правительство стремилось упразднить эти «очаги реакции», и для начала переименовало их в военные гимназии. Но кадеты не сдавались и всемерно противились снятию погон и переходу на штатское положение.

Первые роты всех корпусов считались строевыми, имели винтовки, проходили обучение стрельбе. При первых же стычках между дисциплинированными частями и сторонниками новой власти, сначала «буржуазной», а после октября — коммунистической, юноши шестнадцати-семнадцати лет, кадеты первых рот, немедленно становились на сторону первых, защищая привычный порядок и во всей стране, и в своих гнездах.

Красные начали их преследовать. Всем пришлось снять погоны и запрятать где-то под рубашками. Но с погонами не расставались.

С началом гражданской войны кадеты рвались на юг, в добровольческую армию, которую мы теперь называем Белой. Очень скоро в этой армии не оказалось ни одного подразделения, в котором не было бы кадет. Эмигрантская литература двадцатых годов полна воспоминаниями о стойкости,героизме и жертвенности кадет. Вот как писал об этом лихолетьи кадет-донец Николай Богаевский:

А потом встречал тебя я в ночи черной,
Что страну покрыла пеленой;
Милый мальчик мой, вихрастый, непокорный,
Первый рвался ты в неравный бой.
    В небе заревном пылающей Каховки
    Вижу твой дрожащий силуэт —
    Помню, с папиной «взаправдашней» винтовкой
    Ты шагал тогда, в тринадцать лет.
И желая как-то скрыть фальцет высокий,
Ты нарочно басом говорил...
Как боялся ты, что ненароком
С фронта к мамочке отправят прямо в тыл.
    В сапожищах ноги детские шагали,
    И дорог на них ложилась пыль...
    И Ростов, и Перекоп тебя видали,
    Степи Сальской укрывал ковыль...
О своей семье ты ведал понаслышке,
Или слабо помнил... до того ль?
И все в той же рваной шинелишке
Ты шагал, тая печаль и боль.
    Ты, кто Белое святое дело
    Твердо нес на худеньких плечах,
    Чье замерзшее и скрюченное тело
    Видел я в окопах и во рвах...

Крым — белая Вандея. Великий исход — эвакуация. Не мне писать об этих героических временах... Кадеты оказались за границей, а три корпуса просуществовали два десятка лет в Югославии. По окончании корпусов все мы начинали борьбу за свое будущее. Многие поступали в военные училища этой страны, выходили в офицеры, честно служили своей новой родине. Значительное большинство поступало в университеты, пользуясь очень маленьким пособием, которое предоставляло правительство как знак признательности за помощь, оказанную императорской Россией Сербии.

Далеко не всем удалось закончить университетские курсы, но многие десятки кадет получили дипломы инженеров, докторов, педагогов. Для «убоявшихся бездны премудрости» существовали курсы геодезии и механики.

Топографов правительство сразу же принимало на службу, направляя, правда, в отдаленные и заброшенные края. Многие поступали на работу в различные министерства, городские или сельские управы на роль скромных служащих. Были, конечно, и такие, кто сумел пробиться, занять относительно высокое положение, обеспечить свое будущее.

Разбросанность, житейские заботы, необходимость включаться в жизнь местного населения, отодвигали на второй план тяготение к общению со старыми товарищами, к созданию кадетских ячеек или объединений. Это отнюдь не значило, что мы отходили от своей русскости, забывали кадетский дух. Мы гордились своей национальностью, культурой, которая ставила нас выше местного населения, хотя оно это признавало только в душе. В Белграде и других больших городах создавались объединения каждого из трех заграничных корпусов, помимо одного общекадетского.

Потом разразилась война. В Югославии русские кадеты честно сражались против немцев. Война длилась, пока хватило территории для отступления. Погибших было немного, но среди них были и кадеты. Очень многие офицеры югославской армии, как кадровые, так и призванные из запаса, оказались в плену. Когда же началась война против Советского Союза, и русским эмигрантам было предложено вступить в добровольческие части для борьбы с коммунизмом, многие кадеты почли своим долгом на этот призыв отозваться, считая, что это продолжение Белой борьбы, начатой их отцами.

После войны начался переезд за океан. Тут, в чуждой обстановке, среди людей, говорящих на непонятном языке, кадет, как никогда, потянуло друг к другу. Всюду, где оказывалось несколько кадет, пусть даже и разных корпусов, они объединялись. Объединялись на общности идеологии, на ощущении себя русскими, на гордости прошлым нашей великой родины, на преданности идеям Белой борьбы, на категорическом отрицании коммунизма, поработившего Россию, принесшего столько мук нашему народу. Недаром И. Л. Солоневич писал еще в тридцатых годах: «Ни одна власть не нагромоздила такого количества трупов по дороге к своим целям».

Первые годы с нами были старые императорские кадеты. Мы их берегли как могли, мы старались перенять от них то наследие, без которого мы не смогли бы быть русскими кадетами. Злая смерть год за годом уносила от нас этих учителей и воспитателей. Что ж,

Нам смены нет, и день настанет,
Когда, покинув этот свет,
Пред императором предстанет
Последний строй его кадет... —

писал наш товарищ Константин Бертье де ла Гард, позднее занявший место в этом строю.

Ушли из жизни старые. Им наследовали те, что помоложе. Среди них было много таких, кто родился в России, рос там, был увезен за границу родителями, но хоть что-то помнил о России. Понятно, что они сознавали себя русскими, что им и в голову не приходила мысль отказаться от своей страны, ее истории и культуры, ее прошлого и будущего.

А младшие, те, что уезжали из России в пеленках, и особенно те, что родились за границей? Ответ дал неизвестный мальчик-юноша, родившийся и выросший в Китае:

Меня ласково русское солнце не грело,
Не румянил мне щеки российский мороз,
Колыбельную песню отчизна не пела,
Ветер русских степей мне не путал волос.

Отчего же тогда я, взращенный чужбиной,
Я, из книг и рассказов лишь знающий Русь,
С миллионами прочих о ней, о любимой,
Так мечтаю и к ней своим сердцем стремлюсь?

Оттого, что родился я с русской душою,
Оттого, что течет во мне русская кровь,
Оттого, что и силой нельзя никакою
Погасить в моем сердце к России любовь.

Так чувствовал русский мальчик в Китае. А у будущих кадет в Югославии, помимо таких эмоций, было еще много оснований ощущать себя русскими и не врастать в окружаю-

щую, пусть близкую по языку, духу и религии, среду. Они были сыновьями русских офицеров, тех самых, что еще так недавно в рядах Белой армии боролись за Россию. В их семьях Россия была на первом месте. Как и в старые годы, они воспитывались в той же идеологии, вместе с отцами чувствовали, что

Нам места нет за чуждым очагом,
У нас свой дом, свои волнуют цели,
Мы русские, и русскими умрем,
Как прожили от самой колыбели.

Когда же они поступали в корпус, где даже стены говорили только о России, их русское самосознание и национальная гордость укреплялись в них до самой смерти. Сейчас эти «молодые» являются оплотом наших объединений. Они взяли в свои верные руки хранение наших идеалов, наших надежд и стремлений.

Сейчас за границей существуют двенадцать кадетских объединений. В некоторых из них состоит более сотни кадет, в других десятки и даже единицы. Начиная с 1968 года мы созываем кадетские съезды в разных странах и городах в порядке очереди. До этого года на всех съездах неизменно присутствовала вел. княжна Вера Константиновна, дочь «отца всех кадет» вел. кн. Константина Константиновича, которую все мы чтим как нашу старшую сестру. В этом году, к нашему глубокому сожалению, Ее Высочество не смогла прибыть на съезд по состоянию здоровья. На многих съездах был с нами и наш однокашник, первоиерарх заграничной церкви митрополит Виталий, бывший кадет Крымского корпуса.

Мы — участники или потомки участников белой эмиграции. Всю свою жизнь мы преданно любили родину — Россию. И всю нашу жизнь родина нас отвергала и ненавидела. Нас называли белобандитами, мы и думать не могли посетить родные места, даже наших родных, оставшихся в России. Мы вполне присоединяемся к словам поэта Кленовского, сказавшего о себе:

Между нами двери и засовы,
Но в моей скитальческой судьбе
Я служу тебе правдивым словом,
На чужбине я служу тебе.

Я сейчас не мил тебе, не нужен,
И пускай бездомные года
Все петлю затягивают туже,
Ты со мной везде и навсегда.
Как бы ты меня ни оскорбила,
Ни замучила, ни прокляла,
Напоследок пулей не добила,
Ты себя навек мне отдала.
Душное минует лихолетье,
Милая протянется рука,
Я через года, через столетья
Возвращусь к тебе издалека.
Ничего я не спрошу и не отвечу,
Лишь прильну к любимому плечу.
И за этот миг, за эту встречу,
Задыхаясь, все тебе прощу.

Прав поэт. Очень большой счет могли бы мы представить отвергшей нас отчизне. Но первая же весть о возрождении России заставила нас забыть о прошлом, заставила думать о том, чем можем мы помочь несчастной родине. Приди эта весть раньше, мы, несомненно, с огромной радостью, бросив все, устремились бы в Россию, чтобы помочь ей не только словом, но и делом. Сейчас, увы, почти для всех нас уже поздно.

Мы радостно откликнулись на приглашение встретиться с суворовцами и нахимовцами, отлично сознавая, что мы — Россия прошлого, а вы — будущее России.

Советская власть отняла у вас большой кусок нашей истории, сделала все возможное, чтобы искоренить из русских душ национальное сознание, гордость русской историей, русским именем, превратить русских людей в «хомо советикус». Все, что советская власть старалась изъять из русских душ, отцы наши унесли с собой в изгнание, бережно хранили и передали нам, их детям. Мы, в свою очередь, пронесли это наследие через всю свою жизнь, невзгоды войн, переселений, отчуждения.

Наша идеология все та же, и мы ей неизменно верны. Пусть старый лозунг русской армии «За Веру, Царя и Отечество» обветшал. Вера — дело каждого. Заставить человека верить — невозможно. Царя нет. О монархии, особенно самодержавной, могут быть разные мнения.

Недаром же испанский философ Мигель Увамуно сказал, что только глупцы могут думать все одинаково. Остается — Отечество. От него ни вы, ни мы никогда не откажемся.

Мы были бы рады передать в ваши руки все наши моральные и идейные ценности, надеясь, что вы отнесетесь к ним с тем почтением, с которым мы несли их всю нашу жизнь. Препятствием к этому является лишь то, что еще многие из наших соотечественников хранят и сейчас в своей памяти те идеи, что так настойчиво внушала своим подданным советская власть, старавшаяся превратить русских людей в «иванов, не помнящих родства».

Мы верим, что нашему народу удастся избавиться от этого тлетворного наследия. Мы верим, что близко время, когда все наши соотечественники почувствуют себя окончательно русскими. Тогда мы и сможем со спокойной совестью передать в верные руки наши убеждения и традиции, наш неизменный кадетский дух.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. Р. ЧУВАКИНА

На встрече 31 августа 1992 года в Доме отдыха Министерства обороны «Подмосковье»

Помещая доклад ген. Чувакина, мы прежде всего хотели бы поблагодарить его за присылку нам этого интересного материала. Мы также приносим извинения дорогому Анатолию Романовичу за небольшие сокращения, которые пришлось нам сделать в этом докладе (равно как и в некоторых других работах, печатаемых в этом номере), ввиду крайне ограниченного размера нашего журнала.

Редакция

Уважаемые гости, дамы и господа! Уважаемые друзья суворовцы и нахимовцы!

Прежде всего позвольте сердечно поблагодарить выступавших на нашем собрании кадет Игоря Козлова и Владимира Бодиско за интересные, содержательные доклады, которые по-

зволили всем присутствующим еще раз соприкоснуться со славной историей России, открыть для себя ее новые страницы, узнать интересные подробности из истории российских кадетских корпусов, ближе познакомиться с судьбами их воспитанников.

В каждом выступлении мы почувствовали искренний дух патриотизма кадет, тревогу за судьбу своей Родины, их верность воинскому и гражданскому долгу, умение свято хранить и достойно продолжать славные традиции российской армии, готовность кадет оказать помощь в возрождении России. Сердечно благодарим вас за это.

Со своей стороны мы хотели бы рассказать нашим уважаемым гостям о некоторых наиболее важных и памятных событиях из истории суворовских и нахимовских училищ, их сегодняшнем дне, возникновении и развитии нашего ветеранского суворовско-нахимовского движения, о наших взглядах и проводимой работе по возрождению на территории России кадетских корпусов. Исходя из этого, вашему вниманию будут предложены короткие сообщения по каждой из названных тем.

Символично, что наша первая большая встреча с вами началась в августе. Этот месяц памятен всем нам, ветеранам суворовских и нахимовских училищ. Шел 1943 год, год коренного перелома в Великой Отечественной войне и всей Второй мировой войны в целом.

В августе 1943 года в небе Москвы прогремел первый салют в честь победоносного разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге. И именно в августе этого года было принято решение о создании суворовских и нахимовских училищ. Оно оказалось судьбоносным для многих тысяч детей войны, в том числе и сидящих в этом зале.

В тяжелейшее время руководство страны, проявляя заботу о детях-сиротах дошкольного и школьного возраста, оставшихся без крова, без средств к существованию, а также заботу о подготовке кадров для Вооруженных Сил, приняло 21 августа 1943 года специальное постановление «о неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освбожденных от немецкой оккупации», в котором наряду с задачами по восстановлению народного хозяйства намечались меры, направленные на устройство, обучение и воспитание обездоленных, осиротевших детей. В постановлении, в частности, говорилось об организации в ряде краев и областей девяти суворовских военных училищ, типа старых российских кадетских корпусов,

по 500 человек в каждом, всего 4500 человек со сроком обучения 7 лет, с закрытым пансионом для воспитанников.

Военному ведомству совместно с другими органами предстояло в течение двух месяцев (с октября по ноябрь 1943 г.) сформировать Краснодарское (в Майкопе), Новочеркасское, Сталинградское (в г. Астрахани), Воронежское, Харьковское (в г. Чугуеве), Курское, Орловское (в г. Ельце), Калининское и Ставропольское военные училища. Для детей пограничников были созданы два суворовских военных училища — Ташкентское и Кутаисское, а для детей моряков — Тбилисское, Рыжское и Ленинградское нахимовские военно-морские училища.

Главной целью создаваемых военных училищ ставилось подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании и дать им общее среднее образование. В суворовские училища принимать, как правило, воспитанников с 10-летнего возраста. Вместе с тем при училищах организовать младшие и старшие подготовительные классы с годичным сроком обучения в каждом классе, в которые принимать детей в возрасте 8—10 лет. В целях полного укомплектования одновременно всех суворовских военных училищ в 1943 году, в виде исключения, предусматривалось произвести прием четырех возрастов от 10 до 13 лет включительно.

Для создания необходимых условий жизни и учебы в училищах, ремонта зданий, подготовки помещений, обеспечения продовольствием, обмундированием, другими материальными средствами потребовались огромные усилия. Из различных пунктов страны в училища были направлены строительные материалы, мебель, оборудование, учебные и наглядные пособия. Военкоматы и местные органы власти, несмотря на трудности военного времени, проявили колоссальную энергию в решении многих вопросов и, главное, — в подборе кадров преподавательского состава, в отборе и направлении воспитанников в училища. Над суворовскими военными училищами стали шефствовать различные общественные организации, заводы, фабрики, учебные заведения.

В этот период большую роль в становлении суворовских военных училищ играли начальник Главного управления кадров Наркомата обороны генерал-полковник Ф. И. Голиков и начальник управлени военно-учебных заведений генерал-лейтенант В. И. Морозов. Они непосредственно организовывали и контролировали всю работу по подготовке мест размещения первых училищ, подбору и подготовке командиров суворовских рот, офицеров-воспитателей, преподавателей.

Проведеный в считанные месяцы ремонт учебных корпусов, спален, столовых, складов позволил создать материальную базу для своевременного начала занятий. Вместе с тем, в Воронежском, Курском, Краснодарском, Орловском и Харьковском училищах не хватало топлива, часто отсутствовало электрическое освещение, что вынуждало проводить занятия в холодных помещениях, при керосиновых лампах и стеариновых «плошках». Не везде были в достаточном количестве парты, учебники и учебные пособия.

Важной задачей было организовать в училищах не только обучение, но и нравственное, трудовое, воинское, эстетическое, физическое воспитание суворовцев. Несмотря на острую потребность в офицерских кадрах на фронте, в суворовские военные училища были направлены лучшие офицеры из действующей армии, имеющие педагогическое образование и опыт работы в школе. Но и им, имеющим вынужденный перерыв в работе, требовалось совершенствовать свою воспитательную и методическую работу на педсоветах, методических комиссиях, на теоретических конференциях, семинарах. Были созданы военно-педагогические курсы, где особое внимание уделялось педагогике и психологии.

Несомненно, что «лицо» каждого училища определялось деятельностью начальника училища и его заместителей, как основных организаторов учебно-воспитательной работы. В дни войны и в послевоенные годы в училища направлялись генералы с большим боевым и жизненным опытом, склонные к военно-педагогической деятельности. Большой вклад в становление и дальнейшее совершенствование работы училищ внесли генерал-лейтенанты Баринов И. Ф., Капитохин А. Г., Невский Г. Г., Сиязов М. А., генерал-майоры Алексеев З. Я., Баланцев В. В., Долгов И. А., Томашевский А. М., Шуршин В. Е. и другие. Многие годы жизни, богатый опыт, знания, свое сердце отдали они своим воспитанникам, по-отечески заботясь об их образовании, воспитании, бытовом благополучии.

Несколько слов хотелось бы особо сказать о воспитанниках первых наборов. Ребята прибывали в училища из разных районов страны. Большинство из них были худые, изможденные, в заплатанной одежде, стоптанной обуви. Война оставила в их детских душах тяжелый отпечаток. Они знали, что такое голод, холод, жестокость врага. Все они испытали ужасы войны, некотрые видели смерть своих родителей и родственников. Были и ребята, которые сами принимали участие в

боях за Родину, многие из них имели боевые награды. Вот лишь два примера о воспитанниках первого набора. В Калининское училище было принято 500 мальчиков, из них 236 человек — дети погибших на фронте военнослужащих, 165 человек — дети сражающихся воинов, 19 человек — инвалидов войны, 80 — дети рабочих и служащих и из них 29 сирот.

А суворовец Курского СВУ Архипов так рассказывает об этом: *«В нашем отделении 25 воспитанников и каждый из них пережил большое горе, которое причинили фашисты. У троих они убили отцов и матерей, у 17 — либо отца, либо мать, у четверых убили старших братьев, у пятерых отцы стали калеками, у многих ребят фашисты сожгли дома».*

Примерно такими же цифрами характеризуются первые наборы и в других училищах.

Огромной радостью засветились лица первых суворовцев, когда 1 декабря 1943 года в училищах начались занятия, началась история каждого училища. И невольно вспоминаются слова первой суворовской песни:

В годину боевую и суровую
Отчизна нас под знамя созвала
И именем фельдмаршала Суворова
Она наш юный корпус назвала.

В местных и центральных газетах к началу занятий в суворовских военных училищах были посвящены специальные статьи и сообщения.

В том же декабре первым СВУ торжественно вручалось боевое знамя. День его вручения для каждого училища стал большим праздником. Он считается торжественным днем рождения училища. Для большинства первых училищ этим днем является 19 декабря 1943 года.

Училища начали жить по строго установленным правилам, по распорядку дня, как в воинской части: подъем по сигналу горна, физзарядка, утренний осмотр, завтрак, занятия... И так, до отбоя, все в определенные часы.

Офицерско-преподавательский состав училищ с самого начала основное внимание уделял нашей учебе. Изучались те же предметы, что и в школе, но кроме того с суворовцами проводились занятия по военной подготовке, которые очень нравились ребятам, давали им ощущение прямой принадлежности к вооруженным силам.

А во внеклассное время проводились игры на свежем воздухе, занятия спортом, работали различные кружки, а также проводились дополнительные занятия по общеобразовательным дисциплинам для восполнения пробелов у некоторых суворовцев за предыдущие классы.

Наши командиры и воспитатели понимали, что хотя суворовцы и находились в стенах закрытого учебного заведения, их обучение и воспитание надо проводить в тесной связи с жизнью, нельзя в училище насаждать казарменный дух. Поэтому с первого дня офицеры и преподаватели стремились сочетать воинскую требовательность с отеческой заботой о мальчишках — задушевно беседовали с ними, рассказывали о событиях в стране, читали интересные книги, знакомили с положением на фронтах, организовывали различные экскурсии в музеи, театры, школы. Каждый день до конца войны воспитанники слушали радио, читали в газетах сводки Совинформбюро, толпились у карты, отмечая флажками продвижение наших войск, читали вслух приходящие с фронта письма. Нередко эти письма приносили и печальные вести о гибели родственников.

Должен отметить, что буквально с первых дней учебы стали создаваться и наши суворовские традиции, которые во многом совпадали с традициями российских кадетских корпусов.

Шла война, и суворовцы своим посильным трудом стремились оказать помощь фронту. К примеру, воспитанники Свердловского СВУ (Екатеринбургского, — Ред.) заработали 100 тысяч рублей и внесли их на строительство самолета «Юный суворовец», Орловское СВУ также сдало в фонд обороны страны 100 тысяч рублей, Воронежское — более 68 тысяч, Харьковское — 22 тысячи рублей.

Жизнь в училищах постепенно входила в нормальное русло. Небольшой опыт существования первых суворовских училищ позволил в июне 1944 года принять решение об открытии еще шести СВУ — Горьковского, Казанского, Куйбышевского, Саратовского, Тамбовского и Тульского. Таким образом, уже в 1944 году в стране стало 15 суворовских военных училищ. Замечу, что в архивах имеются документы, в которых излагались предложения открыть в 1946 году еще 6 суворовских военных училищ в городах Одессе, Смоленске, Свердловске, в пригороде Ленинграда, в Московской области и на территории Белоруссии, а в 1946 году — разместить еще 11 суворовских военных училищ в зданиях, ранее принадле-

жавших кадетским корпусам России: Нижегородскому, Полоцкому, Киевскому, Иркутскому, Тифлисскому, Псковскому, Ярославскому, Владикавказскому, Сумскому, Симбирскому и Омскому. Однако в силу различных обстоятельств эти предложения не были реализованы.

Примечательно, что при наборе воспитанников в суворовские училища в 1944 году кандидатов было около 60 тысяч, а принято всего лишь 3 тысячи, то есть пять процентов желающих. Видимо, поэтому в 1945 году бывший заместитель наркома обороны генерал армии Булганин разрешил дополнительно набрать 750 мальчиков в старшие приготовительные классы и в первые классы существующих суворовских военных училищ. В их числе были и 90 мальчиков — югославов, которых распределили в старшие приготовительные классы первых девяти СВУ.

В 50-е годы открываются еще два суворовских военных училища: в 1953 году — в г. Минске, в 1955 году — в г. Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге).

Вот так начиналось становление суворовских военных училищ в нашей стране в далекие 40-е—50-е годы. И по мере этого становления более четко определялось их место в системе подготовки кадров для Вооруженных Сил, конкретизировались задачи, которые они выполняли, совершенствовалась их структура. Конечно, не все выпускники суворовских училищ продолжили обучение в военных училищах, стали офицерами. Но все суворовцы благодаря своей высокой подготовке нашли место в жизни, стали ее активными гражданами, внесли свой вклад в развитие различных сфер жизни нашего общества.

В моем кратком сообщении крайне недостаточно показана история нахимовских училищ. Я как бывший суворовец, конечно, больше внимания уделил истории становления суворовских училищ. Полагаю, что нахимовцы не обидятся на меня и восполнят этот пробел на предстоящем вечере воспоминаний. И кадеты, и суворовцы, и нахимовцы, безусловно, расскажут друг другу много интересного из истории своих корпусов и училищ, вспомнят и о серьезном и о смешном, о своих командирах, преподавателях, воспитателях, друзьях, о чем, естественно, невозможно было рассказать в этом кратком выступлении. Сейчас, да и ранее, среди ряда людей бытовали и бытуют прямо противоположные мнения относительно создания суворовских и нахимовских училищ, методов обучения в них воспитанников.

Вот выдержка из одного письма: «...*Мы обокрали их души... По своей сути суворовские и нахимовские училища с момента своего зарождения были заведениями, противоречащими элементарным требованиям педагогики о недопустимости ранней профессионализации детей. Ранняя профессионализация детей — и интеллектуально и психологически, а военная профессионализация в особенности, — это насилие над ними, это преступление взрослых над детьми*».

Должен заметить, что абсолютное большинство и специалистов и граждан эту точку зрения не разделяет, хотя некоторые из них считают, что какая-то доля истины в этом есть. История показала, что суворовские и нахимовские училища нужны стране. Они сыграли и сыграют положительную роль в обучении и воспитании юношей, в подготовке офицерских кадров. За годы своего существования (почти 50 лет) училища выпустили несколько сотен тысяч высокоподготовленных, эрудированных, творчески мыслящих, энергичных, физически крепких молодых людей, приносящих реальную пользу нашему обществу, и ни в коей мере не искалечили их души. А судить всех по отдельным личностям, составляющим исключение, неправомерно. Именно об этом более подробно будет рассказано в следующем выступлении об итогах деятельности суворовских военных училищ и перспективах на будущее.

Позвольте на этом закончить. Благодарю за внимание.

АЛЕКСЕЙ ШАДРИН,
капитан 1-го ранга

НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ

«Голос Родины», № 38, 1992 год

На Бородинском поле 6 сентября были потомки Кутузова и других героев 1812 года, Великая княгиня Мария Владимировна и ее сын-наследник, зарубежные россияне-кадеты, гости из Западной Европы, Северной и Южной Америки.

Тысячи россиян и иностранцев съехались 6 сентября на Бородинское поле, чтобы отметить знаменательную дату. Здесь, в 124 километрах от Москвы, 180 лет назад защитники России во главе с М. И. Кутузовым вступили в решающую

битву с французской армией. «Из всех моих сражений, — написал Наполеон, — самое ужасное то, которое я дал под Москвою. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

На Бородинском поле сооружен мемориал славы и скорби. Русская армия потеряла здесь 44 тыс. человек (французская — 58 тяс.). И День Бородина начался почтившими память павших церемониями, богослужениями.

Утром 6 сентября во Владимирском соборе Спасо-Бородинского монастыря состоялась литургия, которую вел митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Были исполнены заупокойная лития и благодарственный молебен «о избавлении церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двунадесяти языков».

В полдень по полю в парадном строю прошли экипированные должным образом «бойцы 12-го года» — около 900 человек, в том числе сотни иностранцев (преимущественно из Франции). Затем они воспроизвели эпизоды той судьбоносной баталии. Сцены схваток под гром пушек разыграли пехотинцы, конники, артиллеристы в обмундировании и с вооружением 1812 года.

Среди зрителей были потомки фельдмаршала М. И. Кутузова, генерал-квартирмейстера К. Ф. Толя и других героев Отечественной войны. Присутствовали великая княгиня Мария Владимировна и ее сын — наследник Георгий Романов, выпускники русских кадетских корпусов, приглашенные в Россию и приехавшие на Бородинское поле вместе с воспитанниками наших суворовских и нахимовских училищ. Были гости из Франции, Италии, Швейцарии, Австрии, Австралии, Северной и Южной Америки.

В подготовке и проведении юбилейных мероприятий активно участвовали военно-исторические клубы не только России, но и Украины, Беларуси, Казахстана, Прибалтийских республик, дальнего зарубежья. Все хлопоты и затраты в связи с годовщиной взяли на себя прежде всего Российская военно-историческая ассоциация и Бородинский музей-заповедник. Немалую помощь органи-заторам оказала наша армия.

Торжества, приуроченные в Дню Бородина, начались еще накануне — в День Москвы. 5 сентября столица России открыла их литургией в соборе Василия Блаженного, шествием костюмированного воинства от Кремля к Триумфальной арке и панораме «Бородинская битва», что на Кутузовском

проспекте Москвы, различными празднествами. Патриотические акции, посвященные 180-летию Отечественной войны 1812 года, широко освещались прессой, радио, телевидением и вызвали большой интерес у нас и за границей.

ВЛАДИМИР БОДИСКО

ВСТРЕЧА НА РОДИНЕ

В течение «Встречи» идеологические вопросы, так волновавшие всех нас до поездки, вообще не разбирались и им не было посвящено ни одного собрания. Мы надеемся, что из дальнейшего изложения читателям станут ясны причины, побудившие наших дорогих хозяев уклониться от обсуждения этих вопросов.

Хотя наш интерес, в основном, сосредоточен на суворовцах и нахимовцах, гоовroutить об их идеологических устремлениях, не упомянув о том, что происходит в России, было бы беспредметно.

В России же в умах русских людей — хаос.

С тех пор как М. С. Горбачев начал расшатывать монолит Советского Союза и коммунистической системы, большинство населения осознало, что виновником всех несчастий, переживаемых страной, была коммунистическая доктрина, облекшаяся в одежды «диктатуры пролетариата». Коммунисты правили страной бесконтрольно, отмежевав ее от всего мира и заставив население поверить, что оно живет лучше всех, что все народы ему завидуют. Это длилось многие десятилетия, пока государство не пришло к экономическому краху, пока всем Думающим людям не стало ясно, что страна идет в тупик, из которого выхода нет.

Историю нашей родины, как и историю любого государства, можно разделить на несколько периодов. Не будем вспоминать императорский период, который сейчас стал достоянием историков. Поговорим только о годах советской власти. Пафос революции, гражданская война, выбросившая на поверхность таких малограмотных авантюристов, как Буденный, Щорс или Чапаев, позволившая Ленину и его интернациональному окружению натравить народ на его лучших представителей — интеллигенцию, и полностью распра-

виться с нею, — это история уже и для нас, вступивших в свое семидесятилетие. Что же говорить о младших поколениях, к которым принадлежат наши друзья суворовцы. Их воспитывали на презрении и ненависти к прошлому. Мученик император для них был «Николаем Кровавым», роль церкви сводилась к распространению «опиума для народа», классом-гегемоном был объявлен «его величество рабочий класс». Выжившие представители интеллигенции старались опроститься, всем своим видом и поведением доказывать, что они «кухаркины дети». В моральном и интеллектуальном отношении коммунистическая партия старалась кастрировать русский народ.

Ленин, в уме которому не откажешь, понял, что страна идет к экономической катастрофе; ввел было НЭП (новую экономическую политику), разрешив проявление частной инициативы. Страна, в которой еще были живы предприниматели и дельцы, ответила на эту меру огромным увеличением производства во всех отраслях хозяйства. Государство возрождалось, а коммунизм увядал.

Сталин, пришедший на смену Ленину, немедленно отменил декрет о НЭПе и круто вернул страну на коммунистический путь. Частных предпринимателей задушили налогами, началась коллективизация, борьба с «кулачеством», этим последним полноценным классом населения.

Капиталов у государства не было, ожидать их притока из-за границы не приходилось и решено было провести индустриализацию, оплатив ее потом и кровью народа. Отсюда подневольный труд, отсюда «Архипелаг Гулаг», отсюда гибель миллионов людей. Что знает об этом нынешнее поколение? Смутные рассказы прадедов и дедов, на которые они отважились лишь в последнее десятилетие, а в большинстве случаев — ничего. «Да, Сталин был тиран, да, он виновник гибели многих невинных, но нельзя забывать и того, что он выиграл Великую Отечественную войну, приобщил к благу коммунизма всю Восточную Европу, присоединил Калининградскую область и Курильские острова, поднял престиж Советского Союза на небывалую высоту; он говорил на равных правах с Америкой и всем миром».

Для нас послевоенные годы — это современность. Мы негодуем, мы готовы требовать отмщения, а для суворовцев и нахимовцев — это давно прошедшая история, относящаяся к тому прошлому, что «гибнет безвозвратно», как писал Пуш-

кин. Давайте не забудем: суворовские училища начали открываться в 1943 году, за год до исчезновения последнего из наших корпусов. Младшие из нас зрелыми людьми входили в жизнь, а старшие из наших друзей суворовцев поступали в училища мальчиками, как теперь «казачата».

Да, о страшных сталинских временах есть обширная литература: Солженицыцн, Шаламов, много раньше — Солоневич, но ведь она доступна лишь сейчас, а раньше это был запретный плод.

Суворовские и нахимовские училища родились в дни войны. Кто помнит ее тяготы? Для кого из современных русских людей она так же жива в воспоминаниях, как для нас, стариков, ее участников? Давно известно, что людская память охотно забывает плохое и бережно хранит хорошее, а ведь война кончилась победой над такими мощным врагом, как Германия. Старшие суворовцы о войне помнят: «Как мне забыть ее?! Мой отец погиб под Смоленском!» Но победа, радость, гордость, торжество полностью затмили тяготы военных лет и уж совсем изгладили воспоминания о преступлениях советской власти у юношей и молодых людей, вступивших в победоносную армию.

Сталин умер в 1953 году. Затем наступило тридцатилетие правления его последователей. Мы помним, что в эти годы коммунистическая тирания медленно, но верно, ослабевала. Тысячи безымянных арестов постепенно перешли в сотни, причем имена пострадавших стали проникать в зарубежную прессу, потом арестовывались десятки. Уже можно стало поверить в то, что «сажают» действительно преступников и «врагов народа». Бытовые условия улучшались. России все еще было очень далеко до Запада, но очереди сократились, в магазинахь все чаще что-то «выбрасывали», все легче становилось верить советской власти, что ее подданные живут лучше «капиталистов», которых коммунизм «угробит».

На чем же воспитывались суворовцы, чему призывались они служить? Вот несколько выдержек из брошюры «Московскому суворовскому училищу 45 лет», которую нам вручили при нашем посещении училища.

«Суворовские военные училища призваны решать задачи КОММУНИСТИЧЕСКОГО воспитания и обучения суворовцев».

«Особое внимание училище уделяет воспитанию суворовцев на примере жизни и деятельности В. И. ЛЕНИНА».

«Суворовцы всегда приветствовали съезд КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ Советского Союза».

«Командоваие училища, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ, преподаватели, ПАРТИЙНАЯ И КОМСОМОЛЬСКАЯ организации большую заботу проявляют о том, чтобы воспитывать у суворовцев чувство священной гордости подвигом советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне».

Могло ли все это раз и навсегда изгладиться из идейного багажа воспитанников?

Горбачев и его сотрудники принесли народу правду о деятельности советского строя, о горестном положении, до которого этот строй довел Россию. С этого времени начался «спуск на тормозах» в идейном отношении.

Свержение советского строя могло произойти лишь двумя путями: революцией, с ее неизбежными кровавыми последствиями, или же эволюцией, идущей всегда путем полумер, беззащитной против критики, безоружной против политических авантюристов или выскочек, старающихся отхватить себе самый большой кусок пирога, если не весь пирог.

Путем эволюции пошел Горбачев. Нам ли винить его за это? Нам ли сетовать на то, что советская система пала почти без жертв?

Нет, конечно, но две крупнейшие ошибки, отразившиеся на судьбе нашей родины, мы забыть и простить не можем.

Первая — это расторжение страны на пятнадцать государств. Если Прибалтика до второй войны была отъединена, если на Кавказе и в азиатских областях Туркестана живут люди монгольского или тюркского происхождения, говорящие на своих языках, принадлежащие, в большинстве, к магометанской религии, то с отделением этих народов нам сравнительно легко примириться. Но раскол между тремя ветвями русского народа для всех патриотов — это настоящая трагедия.

Вторая непростительная ошибка Горбачева в том, что он по-ставил нашу страну в положение обвиняемого и тем самым лишил русских людей возможности возвышать свой голос против разбазаривания родины, обязал молча наблюдать, как 25 миллионов соотечественников внезапно оказались «за границей», превратились в париев в своих родных местах.

Мы, проживающие вне России, можем об этом говорить в полный голос. Друзья же наши, суворовцы и нахимовцы, принуждены молчать, чтобы не быть обвиненными в империалистических настроениях, в антидемократизме, этом смертном грехе наших дней.

Горбачевская эволюция, уберегшая от больших войн, породила малые, как борьба Абхазии и Осетии против Грузии, Нагорный Карабах, защита от орумынивания в днестровском левобережьи. Уже Чечня нашла возможным объявить о своей самостоятельности. Уже татары, живущие на левом берегу Волги, провозгласили некую республику Татарстан, в которой они составляют всего 40% населения. Уже менее полумиллиона крымских татар, живущих среди двух миллионов славян, желают править своей автономной республикой.

Самое же горькое то, что на Украине, где русские составляют тоже сорок процентов, а присчитывая смешанные браки, переваливают за половину, они проголосовали за «незалежность», видимо, полагая, что так они будут жить сытнее.

Из всех разговоров с суворовцами у нас создалось впечатление, что, в основном, они с нами солидарны, но ни у кого из них мы не встретили желания активно выступить по этим вопросам, громко заявить, что Суворовско-Нахимовский союз против расчленения русского народа и готов бороться за русские интересы, где бы они ни были ущерблены. Вопрос, видимо, в том, что они всегда и всюду говорят о своей аполитичности и очень боятся того, что любое заявление, подобное упомянутому, может привести к расколу самого Союза, ибо общей идеологии у них нет.

Характерно и другое: правительство России не решается поднять свой голос в защиту русских интересов. Б. Н. Ельцин попытался было навести порядок в Чечне, введя в нее войска, но демократы в русском парламенте подняли такой крик, что ему пришлось отступиться.

Приказав поднять исторический андреевский флаг на судах Балтийского, Северного и Тихоокеанского флотов Ельцин и «главнокомандующий» маршал Шапошников не решились распространить этот приказ и на суда Черноморского флота, которые все еще ходят под советским военно-морским флагом.

Повсюду полумеры. Санкт-Петербург находится в Ленинградской области, Екатеринбург — в Свердловской, Тверь — в Калининской. Кёнигсберг продолжает называться Калининградом, а сама Восточная Пруссия, для поездки в которую,

по-видимому, нужно просить литовскую транзитную визу, остается Калининградской областью, и за нее многие суворовцы готовы сражаться: «Мы ее завоевали, за нее пролита русская кровь».

То же относится к Курильским островам, хотя один военачальник, служивший там многие годы, говорил нам, что острова эти никакой ценности, ни экономической, ни политической, ни стратегической, собой не представляют. Но отдавать их Японии и этот наш собеседник не советовал, опасаясь, что это вызовет цепную реакцию и немедленно посыплются требования отдавать и другие земли — Польше, Германии, Прибалтике, азиатским странам и др.

Суворовцы и нахимовцы — плоть от плоти и кровь от крови армии. Судьба армии и флота им не может быть безразлична. А ведь армия переживает тягчайший период своего существования. Со своего четырехмиллионного состава она должна уменьшиться до двух миллионов. Значит нужно демобилизовать ровно половину служащих. Где будут жить, где найдут себе применение эти военнослужащие, эти офицеры, среди которых так много суворовцев?

Кроме того, престиж армии в глазах населения упал катастрофически. Звание полковника и даже генерала уже не звучит так гордо, как раньше. Это невольно заставляет суворовцев обращать свой взор назад, ко временам, когда сами они считали свою армию сильнейшей в мире.

Суворовцы в душе, несомненно, вполне солидарны с нами по вопросу пагубности расчленения страны. Они убедились в порочности советского строя и в необходимости его замены. Тут между нами нет разногласий, но они появляются, когда речь заходит о прошлом.

Коммунизм в их представлении давно уже не тот, против которого боролись наши отцы. В последние годы он обеспечивал целостность России, он высоко держал престиж армии, не допускал преступности и спекуляции, расцветших при «демократии», он снабжал население всем необходимым, без страшного разрыва между «зарплатой» и каждодневными расходами населения, к которому страна пришла сейчас.

Что же можно иметь против коммунизма, против партии, к которой подавляющее большинство суворовцев и нахимовцев принадлежало уже потому, что без этого военная карьера была закрыта?

Начальник одного из военно-морских училищ, с которым мы сидели за одним столом на парадном ужине, показывал

нам свой партбилет и говорил, что хранит его в кармане кителя просто на память, а на наш вопрос, не пригодится ли билет в будущем, он только улыбнулся.

Сейчас в России бесконечное число партий. Все они «демократические», все они в какой-то степени поддерживают теперешний «статус-кво». А на близкой нам позиции стоят только крайние правые (монархисты, «Память») и, как это ни странно ... коммунисты.

Когда говорится о нашем единении с суворовцами, всегда упоминается как главный аргумент необходимость общего служения России. Но в чем должно заключаться это служение и, главное, какой России мы хотим совместно служить, — об этом разговоров нет.

Мы, кадеты, живем прошлым. Наш лозунг «За Веру, Царя и Отечество» обветшал, но мы остаемся верными его основной идее: мы хотели бы видеть Россию монархической, религиозной и обязательно — единой.

А суворовцы и нахимовцы? Монархия для них — это один из способов правления, но лучший ли? Религиозность других они принимают с уважением, но сами отнюдь не религиозны. Недаром же на одном банкете, когда было предложено спеть молитву, повернувшись лицом к иконе Богоматери, некоторые из них протестовали, правда, вполголоса, говоря, что они атеисты, что икону нужно бы убрать.

Какую же общую Россию мы намереваемся строить, когда очень и очень многие суворовцы и нахимовцы далеко не против возврата к старым советским порядкам, оставаясь при этом патриотами и националистами, действительно близкими нам, отличными людьми, в чем, мы уверены, убедились все участники поездки?

Перед нашим отъездом Венесуэльское объединение выработало и вручило нам «наказ», призывающий нас настаивать на четырех основных тезисах:

1. — Признание ошибочности политики советского правительства в отношении белой эмиграции.

2. — Отмежевание суворовцев и нахимовцев от коммунистической партии.

3. — Обсуждение и утверждение окончательной редакции устава Союза суворовцев, нахимовцев и кадет.

4. — Осторожное отношение к вопросу о возрождении кадетских корпусов.

Кроме того, «наказ» настаивал на воздержании кадет от участия в общем строе, пока не будут выработаны общие праавила для построений и процедур. «Наказ» мы не смогли выполнить ни в одном из упомянутых пунктов. Программа «Встречи» вообще не предвидела собраний для обсуждения такого рода вопросов. Пункт первый отпал сам по себе ввиду приема, нам оказанного.

Пункт «наказа», обязывавший нас настаивать на разрыве суворовцев с коммунистической партией, поднимать на собрании было бы нетактично. Было ясно, что наши хозяева этого вопроса избегают, что он для них очень белезненный, что они его не разбирают даже на своих закрытых собраниях. На узком частном собрании устроителей, на которое были приглашены и некоторые кадеты, один из нас почел нужным сказать, что необходимо считаться с мнением значительного числа кадет, полагающих, что наше единение встречает непреодолимое препятствие в наличии среди суворовцев и нахимовцев членов коммунистической партии, не отказавшихся от своей к ней принадлежности. Мы же, потомки тех, кто первым взялся за оружие, чтобы не допустить советской власти и спасти честь России. «Об этом действительно нужно подумать», — сказал кто-то из суворовцев.

Об уставе Союза разговоров тоже не было. Кто-то сказал, правда, что суворовцы его вновь рассмотрели, исправили и пересылают в Сан-Франциско. Позднее мы увидели текст устава в «Вестнике» № 3 Союза, но без комментариев. Остается неясным, кто из кадет уполномочен корректировать, принимать или отвергать редакцию устава: объединение в Сан-Франциско, Центр кадетской связи или все объединения?

О возрождении кадетских корпусов никто ничего конкретно не говорил.

Могли ли мы настаивать на обсуждении идеологических вопросов, убедившись в том, что хозяева их избегают, что у них нет единой для всех идейной платформы? Нет, конечно. Так и остались эти сомнения неразрешенными.

Какой же вывод из всего сказанного? Думается, что «встреча» ничего не изменила в наших отношениях с суворовцами. Как и раньше, мы все стремимся к сотрудничеству, как и раньше, мы стоим за единение. В личном порядке «встреча» показала, что на родине, среди воспитанников военно-учебных заведений — большинство тех, к кому мы можем и должны чувствовать настоящую дружбу, кому можем доверять, кто внушает надежду на возрождение

России, пусть не такой, как нам хотелось бы, но справедливой, благоденствующей, свободной от многолетних наслоений лжи.

Это будет нескоро, когда страной будет править поколение внуков или правнуков наших друзей суворовцев и нахимовцев, поколение, для которого все сейчас происходящее станет историей.

Говорить же теперь об идейном единении и полном слиянии в одну семью, на наш взгляд, еще преждевременно.

Расскажем о посещении нами военных училищ. Года два тому назад А. М. Ермаков заснял в Москве и Петербурге несколько видеолент своего посещения суворовских училищ. Многие из кадет, видевшие эти снимки, отзывались о них крайне неодобрительно. Правы ли они? Постараемся быть справедливыми.

Последний кадетский корпус окончил свое существование в 1944 году, почти полвека тому назад. Суворовские училища, начавшие основываться почти в то же время, прилагали усилия к тому, чтобы форма одежды, внутренний распорядок и обычаи в училищах максимально напоминали кадетские корпуса. Для этого старались найти в рядах советской армии офицеров, бывших кадет, и назначить их воспитателями в училища. Но идеология училищ должна была быть диаметрально отличной, коммунистической.

Кроме того, на быт училищ влияли и все события минувших лет, к которым отношение должно было быть более чем почтительным. Герои революции и гражданской войны продолжали заслуживать уважение. Ленин, этот первосвятитель коммунистической религии, должен был быть представлен на картинах или в скульптурах во всех училищах.

Армия, а за ней и училища от старой армии взяли многое, но от многого и открещивались, подозревая в последнем буржуазный, феодальный или антиреволюционный дух. «Здравия желаю», «Так точно», «Никак нет» вошли в лексикон армии, а «Покорно благодарим» или «Рады стараться» — нет. Видимо, в них подозревается что-то раболепное. Чем же их заменить? А очень просто: давайте три раза кричать «ура». Нам, кадетам, это чуждо, им, суворовцам или офицерам — привычно. Начало учебного года отпраздновано «митингом». Это слово для них свое, каждодневное.

Наши парады принимали старшие начальники. На «митинге» начальнику училища дают право голоса, а строй ему аплодирует. Для нас, воспитанных в совсем других традициях, это непонятно, для суворовцев и нахимовцев это так обычно, что они этого просто не замечают. А память о своих училищах, любовь к ним они берегут и ими гордятся. На наш взгляд, это прежде всего относится к Казанскому и Свердловскому (Екатеринбургскому) училищам.

Наш вывод из всего сказанного: читая дальнейшие строки, забудьте о том, что суворовские и нахимовские училища это потомки кадетских корпусов, не сравнивайте настоящее с прошлым, примите наш рассказ просто как описание того, что мы видели.

Когда мы прибыли в Московское суворовское училище, воспитанники уже были построены вдоль большого плаца перед высоким и вместительным помостом. У некоторых воспитанников в руках были цветы. Кто именно стоял на помосте, нам видно не было, но людей там было много как в военной форме, так и в штатском. Было там и несколько дам.

На стене за помостом были помещены барельефы полководцев, справа — исторических: Алексанадра Невского, Димитрия Донского, Анадрея Боголюбского, Суворова и Кутузова. Слева — маршалов последней войны: Жукова, Конева, Рокоссовского, Василевского и генерала Черняховского.

Была подана команда «смирно», и с помоста раздался чей-то голос, объявивший, что митинг считается открытым. Затем тот же голос, принадлежавший, как нам сказали, «начальнику учебно-вопитательной части», а в прошлом — заместителю начальника училища по политической части (политруку), сказал несколько слов о значении сегодняшнего дня и «предоставил слово» начальнику училища. Тот поздравил воспитанников с началом учебного года и услышал ответное «ура, ура, ура». Когда же он закончил свое нравоучение и добрые пожелания, то строй разразился аплодисментами. Затем слово было дано некой даме, вероятно матери одного из воспитанников. Ей тоже аплодировали, причем из строя выбежали юноши с цветами в руках и поднесли их дамам, стоявшим на помосте.

После митинга нам предложили разойтись по классам для беседы с воспитанниками. Затем в большом зале-амфитеатре состоялась беседа с возглавителями училища, единолично. За столом сидели еще три офицера и между ними

«начальник учебно-воспитательной части». Генерал рассказал об истории училища, указал, что, начиная с этого года, курс будет длиться три, а не два года, как было до сих пор, хотя и этот срок ему кажется недостаточным. В училище принимают по конкурсу юношей из всех стран «Содружества независимых государств», владеющих русским языком и окончивших соответствующие классы школ. Затем генерал предложил задавать ему вопросы.

Главный вопрос, как и следовало ожидать, относился к идеологии. Нам известно, что раньше во главе угла в воспитании юношества стояло служение коммунизму. Теперь этого нет. Чем же заменена эта идея, к чему будут призываться юноши-суворовцы. Ответ генерала был крайне невразумительный: мы-де теперь будем изучать историю. Стало ясно, что идеология будущей России и ее армии висит в воздухе, что о ней еще не вынесено решения.

На вопрос о религиозном воспитании начальник училища ответил, что верующим никто не запрещает молиться, но что преподавание Закона Божия может быть допущено лишь тогда, когда большинство родителей об этом попросит. Относительно того, чем заняты сейчас бывшие политические руководители, было сказано, что большинство из них работает в учебно-воспитательной части. К чести одного молодого капитана, присутствовавшего на докладе «Кадеты», прочитанном днем раньше, упомянем, что он более чем настойчиво просил копию доклада, говоря, что снимет нужное количество копий с той его части, где говорится о товариществе и о заветах, преподанных кадетам генералом Адамовичем, и развесит их во всех классных помещениях.

Откровенно говоря, беседа с начальником училища радужного впечатления на нас не произвела. Потом нам говорили, что он произведен в генералы и назначен на свой пост недавно, а что раньше он был заведующим учебно-воспитательной частью, а еще раньше — «замполитом».

После обеда, состоявшего из тех кушаний, которые подают воспитанникам, вполне достаточных и хорошего качества, нас отвезли в другое училище — Военно-музыкальное. Там тоже происходило торжество по случаю начала нового учебного года, но совсем в другом стиле.

Не было «митинга», а был парад. Училище было построено на плацу, имея на правом фланге оркестр из учеников. Под звуки музыки, начальник училища вышел перед строем «строевым» шагом, принял рапорт своего помощника, поздо-

ровался с учениками, поздравил их с началом нового учебного года и выслушал ответное «ура, ура, ура!».

Потом было вынесено знамя. Увы, это все то же коммунистическое знамя с красным полотнищем, серпом и молотом, пятиконечной звездой и какой-то надписью. При знамени маршировали ассистенты, вооруженные автоматами. Начались перестроения. Ходили взводы, ходил оркестр, ходило знамя.

Кончилось тем, что знамя остановилось рядом с начальником, лицом к строю. Оркестр стоял на правом фланге, а строй училища перед знаменем. По чьей-то команде часть строя, вероятно новички, опустились на колено. Им был прочитан текст присяги, они подняли вверх правую руку и хором прокричали: «Клянемся, клянемся, клянемся!».

Затем знамя и взводы были уведены в казармы, а оркестр показал целый спектакль с расхождениями, перестроениями, танцами и пением. В основном, исполнялись русские мелодии, но были и современные. Это было хорошо сработано, красиво, самобытно. Было большое удовольствие видеть и слышать игру молодежи.

По окончании спектакля начальник училища дружески беседовал с нами, а потом все присутствовавшие, включая учеников, пели под управлением Н. Шереметова старые военные песни. Из этого училища мы уехали с отрадным чувством, несмотря на красное знамя и «клянемся, клянемся!». Этот чудесный оркестр потом путешествовал с нами до Петербурга, ежедневно услаждая слух игрой, за что мы сердечно благодарим начальника училища и дорогих суворовцев.

В Петербурге мы побывали в четырех училищах: сухопутном суворовском, морском нахимовском и двух высших: Мореходном имени Фрунзе и Морском инженерном имени Дзержинского. «Имени Фрунзе» помещается в здании бывшего Морского корпуса, том самом, где потолок огромного бесколонного столового зала повешен на цепях. В нишах этого зала стоят статуи Фрунзе, Чапаева, матроса Железняка, разогнавшего Учредительное собрание в 1918 году, единственного из упомянутых, который имел хоть какое-то отношение к флоту. На вопрос о причинах такого именования училища и сохранения статуй начальник училища ответил, что это действительно несуразно, но что все к этому привыкли и никто этого не замечает.

Приблизительно так же ответил и начальник училища «имени Дзержинского», размещенного в здании Адмиралтейства. Когда ему сказали, что статуя Дзержинского в Москве на Лубянской площади уже убрана, а на ее месте стоит крест, он ответил, что это верно, но что крест, повидимому, поставлен тайно и в порядке самодеятельности, ибо стоит он криво и никто его не выправляет. Начальник хотел бы избавиться от имени Дзержинского, но училище принадлежит Министерству обороны, и без приказа свыше менять ничего нельзя.

Во всех четырех училищах принимали нас очень радушно, а в Суворовском и Нахимовском угощали обедом, причем за общими столами с воспитанниками. В Суворовском училище, расположенном в здании Пажеского корпуса, нас пригласили в зал, устроенный в бывшей церкви, где алтарь превращен в библиотеку. Там сыновья пажей А. Б. Иордан и Н. А. Хитрово разговаривали с заведующей музеем. Коле Хитрово была показана фотография одной из групп, на которой он нашел своих отца и дядю.

В обоих училищах мы присутствовали на концертах ученической самодеятельности. В Нахимовском училище, на берегу Малой Невки, против пресловутой «Авроры», в здании бывшего Мореходного училища торгового флота, И. Н. Андрушкевич прочел свой доклад о России.

Доклад, как всегда у Игоря, был содержательный и интересный.

В Высшем морском инженерном училище нам был предложен отличный ужин с семгой, балыком, икрой, винами и шампанским, после которого начались танцы, поименованные в программе встречи «кадетским балом». Все с увлечением танцевали вальсы, танго, фокстроты, даже мазурку, но и «казачка» когда дамы помахивали платочками, а кавалеры лихо пускались вприсядку. Было это очень непринужденно, живо, весело, хоть для меня необычно.

* * *

Из стен наших корпусов мы вынесли уважение и преданность традициям вообще, и традициям русской армии в особенности. С этим убеждением мы прошли через жизнь, сознавая, что измена традициям грозит отходом от основных наших ценностей: верности прошлому, идейному единению, товариществу, всему тому, что позволяет нам быть «рассеянными, но не расторгнутыми».

И. АНДРУШКЕВИЧ

КАДЕТСКАЯ ВСТРЕЧА В РОССИИ

(Дана в сокращении)

1. МОСКВА

Впервые вопрос о возможности встречи был поднят на 12 Кадетском съезде в Сан-Франциско в 1990 году. 13 Съезд, состоявшийся в январе и феврале сего года в Венесуэле, *«призвал всех кадет полностью использовать открывшуюся возможность перенесения на родину тех великих моральных ценностей, которые мы бережно сохранили в течение долгих десятилетий изгнания»*. («Постановления 13 Съезда». «Наша Страна» 2176 от 18.4.1992.)

Встреча не имела характера официального кадетского съезда, но все же она и не была простой туристской поездкой. В ней приняло участие 50 кадет, в то время как вся группа, вместе с женами и родственниками, превысила 80 человек. От Донского корпуса из Новочеркасска прибыла делегация, состоящая из 10 кадет во главе с директором корпуса есаулом Г. В. Писаревым. Число членов суворовских и нахимовских объединений, принявших участие во встрече, превышало цифру в сто человек. Прибыли представители со всех концов России: от Львова на западе до Владивостока на востоке и от Белого моря на севере до Крыма на Русском море на юге.

Еще до начала встречи в Москву прибыли представители от Аргентинского объединения А. Алферов и И. Анадрушкевич. Затем прибыла делегация Донского корпуса. Увидев среди встречающих их на вокзале аргентинского делегата А. Алферова со старым дореволюционным значком Донского корпуса в петлице, с точно таким же вензелем императора Александра III, как на своих собственных погонах и как на погонах своих кадет, директор корпуса немедленно построил кадет на перроне и, отдав честь, доложил старшему кадету о прибытии делегации. Затем, уже во время встречи, А. Алферов, окончивший в свое время Донской корпус и бывший два года традиционным выборным атаманом кадет корпуса, передал сегодняшним донским кадетам старые кадетские традиции царской России. Кроме того были переданы «Памятки» Донского корпуса и другие материалы,

имеющие первостепенную важность для восстановления подлинных воинских традиций императорской России в возрожденном корпусе.

29 августа зарубежные кадеты стали съезжаться со всего мира в подмосковный военный пансионат «Подмосковье» С этого дня началась весьма насыщенная программа встречи. В воскресенье, 30 августа, члены встречи поехали в Донской монастырь поклониться недавно обретенным мощам святого патриарха Тихона, а после обеда состоялась обзорная экскурсия по Москве. На следующий день вечером было проведено общее собрание, на котором председатель 13 Съезда В. Бодиско прочел обстоятельный доклад об истории российских кадетских корпусов.

1 сентября участники встречи посетили Московское суворовское училище, в котором состоялось построение по случаю начала учебного года. Зарубежных кадет пригласили посетить первый урок во всех классах училища и обратиться со словом к воспитанникам или — по желанию — самим преподавать этот первый урок, что и было сделано.

В тот же день после обеда состоялось посещение Московского суворовского училища. После концертной программы оркестр курсантов училища, построившись у выхода, спел хором на прощанье с зарубежными гостями старую русскую военную песню «Взвейтесь соколы орлами».

Однако зарубежные кадеты заметили, что в этой песне не хватает одного куплета. Тогда, мгновенно организовав свой собственный хор, зарубежные кадеты продолжили песню суворовцев, громогласно спев пропущенный куплет:

Слава матушке России,
Слава русскому царю,
Слава вере православной
И солдату молодцу.

При повторении этого куплета его уже пели вместе с зарубежными кадетами и сегодняшние кадеты-суворовцы, а дирижер оркестра управлял общим смешанным кадетским хором. Так было передано в живом прямом контакте коренное ядро русских военных традиций.

Этот оркестр суворовцев затем сопровождал участников встречи в поездке на теплоходе в Санкт-Петербург и во время их пребывания в этом городе. При посещении в Санкт-Петербурге Суворовского военного училища (в помещении

Пажеского корпуса) этот оркестр снова спел перед построенными петербургскими суворовцами и их начальниками и воспитателями «Взвейтесь соколы орлами», но уже полностью с пропущенным раньше куплетом.

В. Мантулин, вице-унтер офицер и старший музыкант 19-го выпуска I русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса, вручил начальнику Суворовского военно-музыкального училища два тома изданного им в США «Песенника российского воина».

Эти песенники являются сборниками церковных песнопений и гимнов, наиболее употреблявшихся в российских императорских Армии и Флоте, а также солдатских, казачьих, флотских, юнкерских и кадетских маршей и песен. Начальник и руководство училища были очень рады этому подарку, с помощью которого можно будет возродить многие утерянные (даже в специальных архивах) русские военные марши и песни. Было отмечено, что эта работа по возрождению уже ведется, но закончить ее без помощи из зарубежья невозможно.

В четверг 3 сентября участники встречи выехали на офицерские курсы «Выстрел» (для командиров батальонов и полков). После осмотра боевой техники и после присутствия на теоретических курсах по стрельбе с танков, в актовом зале состоялась встреча с офицерами курсов.

И. Андрушкевич прочел экспромтом доклад «Традиции русского офицерства». Отметив, что никакая армия не может существовать без собственных традиций, докладчик подчеркнул, что, например, в древней римской армии передача традиций и передача военной власти могли происходить только через непосредственный живой контакт. Это называлось «манус даре». дать (или положить) руки. Откуда и происходит «мандаре», то есть «командовать». В восточной римской (византийской) империи это называлось по-гречески «хиротонией», как это отметил на Шестом кадетском съезде в Канаде Митрополит Виталий (тогда архиепископ Канадский).

Русские военные традиции начали зарождаться еще во времена святого Владимира, когда русское воинство было привлечено (через так называемую «старшую дружину») принять участие совместно с руководством Русской Церкви в высшем государственном совете. Не для участия в политике низшего уровня, а для участия в высшей политике, касающейся исторических судеб страны. Уже в наши дни ге-

нерал де Голль, будучи президентом Франции, отметил наличие двух видов политики: низшей рутинной, административной политики и политики, касающейся судеб страны.

Затем докладчик сделал общий обзор развития русских военных традиций. Ядром этих традиций была всегда идея служения всей стране, а не какой-то ее территориальной партийной или идеологической части. Еще при святом Владимире и Ярославе Мудром, рассказывает летопись, русское воинство служило всей стране, на всей территории России. «Россия» было греческим именем территории юрисдикции Русской Церкви, являвшейся тогда 61 митрополичьим округом Константинопольского Патриархата.

В «Слове о полку Игореве» военный певец упорно повторяет эту идею необходимости служения единству страны наперекор попыткам удельных суверенитетов. Св. Александр Невский личным примером подчеркивает наивысший долг русского воинства: обеспечение духовной, культурной, политической и экономической самобытности Руси.

Все русские военные традиции конденсируются возвышенным образом в «Завещании» генералиссимуса Александра Васильевича Суворова.

После доклада И. Андрушкевич передает от имени зарубежных кадет сидящему на сцене начальнику курсов копию «Завещания» на большом листе с овальным портретом генералиссимуса Суворова в центре.

В пятницу, 4 сентября, участники встречи выехали на целый день в Троице-Сергиеву Лавру. Все приложились к раке святого преподобного Сергия Радонежского, игумена земли русской.

В субботу, 5 сентября, на площади в парке при подмосковном военном пансионате состоялось построение зарубежных кадет для зари с церемоний. На левом фланге выстроились кадеты Донского имени императора Александра III кадетского корпуса, а на правом фланге — специально прибывший оркестр военно-музыкального факультета, который предварительно разучил полагающиеся молитвы и марши при содействии В. Мантулина. Строем оркестра зарубежных кадет и донцов командовал руководитель поездки заграничных кадет вице-фельдфебель 23-го выпуска I русского Вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса И. Козлов Выносом знамени суворовского фанагорийского полка командовал вице-фельдфебель 21-го выпуска А. Иордан.

Знаменщиком был полковник Н. Сычев. Строй принимал старший кадет С. Синкевич, учившийся в кадетском корпусе еще в царские времена. Раздалась команда: «Смирно! Равнение на знамя Фанагорийского полка имени генералиссимуса Суворова!» Оркестр заиграл марш Преображенского полка.

Не только стоящие в строю зарубежные кадеты, но и стоящие кругом суворовцы и многие офицеры, живущие в пансионате, замерли. Когда знамя стало на правый фланг строя, по команде А. Иордана: «Знамя к ноге!», И. Козлов скомандовал оркестру и донским кадетам: «На молитву, шапки долой!» Весь строй спел «отче наш», «Спаси, Господи, люди Твоя» и «Коль славен». Затем был исполнен марш «Наш полк» на слова Вел. кн. Константина Константиновича. После поминовения (прочитанного из строя В. Бодиско) благоверных государей императоров российских, королей Югославии, основателей корпусов, Вел. кн. Константина Константиновича, боярина Петра и всех учивших и учившихся в кадетских корпусах, кадеты спели строем под оркестр «Песнь Дворянского полка»:

Братья! Все в одно моленье
Души русские сольем;
Ныне день поминовенья
Павших в поле боевом.

На следующий день, в воскресенье, 5 сентября, участники встречи выехали автобусами в Бородино, где в этот день отмечалось 180-летие Бородинского сражения. После торжеств участников встречи угостили офицерским обедом в поле. А вечером все погрузились на теплоход, на котором отплыли в Санкт-Петербург, где происходила вторая часть встречи. Путешествие длилось четыре дня, с посещением по пути Кирилло-Белозерского монастыря и монастыря на острове Валаам, на Ладожском озере.

2. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Переход по воде из Москвы в Санкт-Петербург на теплоходе был своего рода антрактом между двумя частями кадетской встречи. Еще в Москве, ввиду интенсивной программы, многие говорили: «Это мы сделаем на теплохо-

де». (А некоторые: «На теплоходе мы отдохнем».) Однако оказалось, что четырехдневного путешествия на теплоходе не только не хватило для отдыха, но и для дел. Более двухсот участников встречи были размещены по каютам на двоих. На теплоходе было несколько салонов, в которых ежедневно утром и вечером происходили встречи, заседания, концерты. Оркестр суворовского музыкального училища за ужином играл марши и легкую музыку. (Надо отметить, что все кадеты-музыканты вели себя блестяще. Среди них имеются несомненные музыкальные таланты. Многие играют на нескольких музыкальных инструментах и хорошо поют. Они тоже были довольны этой встречей и новыми друзьями.)

В самом начале плаванья состоялась общая встреча, представители объединений произносили краткие приветствия. Руководитель встречи И. Козлов преподнес подарки Донскому имени императора Александра III кадетскому корпусу от имени отдельных кадет и кадетских организаций в зарубежье. Получили подарки также и все десять кадет-казачат.

Помимо заседаний, собраний и общих встреч, особенно ценными оказались личные контакты во время путешествия на теплоходе. Заграничные и местные участники встречи были распределены вперемешку по столам в столовой. Иногда разговоры затягивались надолго по окончании обеда или ужина. Кроме того всюду в коридорах, в баре и в салонах постоянно сидели группами участники встречи и разговаривали. Мы с женой сидели за столом вместе с военным ученым и его супругой. Приходилось отвечать на множество вопросов, иногда трудных.

Вообще на теплоходе было много интересных личностей. Например, один из суворовцев оказался известным (и замечательным) тенором, а его супруга крупной специалисткой по японскому языку и японской культуре. Было трогательно наблюдать примеры завязавшейся дружбы, искреннего почтения младших по отношению к старшим. Например, молодой полковник Коля (как его все звали), блестящий организатор, которому было поручено координировать наши внутренние расписания, не только подружился, но и привязался к некоторым нашим «старым» (хотя они сами этого слова и не признают).

В пятницу, 11 сентября, рано утром теплоход причалил к речной пристани в Санкт-Петербурге. Нас встречала морская делегация с хлебом и солью. В первый же день нашего пре-

бывания в Санкт-Петербурге мы посетили Суворовское училище в здании Пажеского корпуса и Военно-морское в здании Морского корпуса.

При прибытии в Суворовское училище, его начальник приветствовал как старшего кадета — руководителя зарубежной группы кадет. В ответ И. Козлов обратился с кратким словом к начальнику училища, офицерам, оркестру и строю кадет, ссобенно подчеркивая общий долг настоящих русских военных служить исключительно России. Затем начальник училища пригласил всех пройти в актовый зал. Зарубежные кадеты А. Иордан и Н. Хитрово выступили, отметив, что их отцы и родственники учились в свое время в этом здании, в Пажеском корпусе (Н. А. Хитрово является потомком в седьмом поколении по женской линии генералиссимуса Суворова). К сожалению, антирусская власть систематически уничтожала следы нашего великого прошлого, и сегодня в музее училища очень мало материалов о Пажеском корпусе. Зарубежные кадеты обещали помочь в сборе сохранившихся в зарубежье исторических материалов.

В Военно-морском училище зарубежным кадетам был показан замечательный морской музей, заведующая которого работает в нем чуть ли не сорок лет и знает досконально все подробности истории нашего военно-морского флота. На стенах широких коридоров училища висят портреты знаменитых адмиралов и прославившихся морских офицеров, начиная с времен Петра Великого.

На следующий день, в субботу 12 сентября, в день св. благ. Вел. кн. Александра Невского, участники встречи проехали на автобусах в Александро-Невскую Лавру — поклониться раке великого святителя.

В воскресенье вечером состоялся кадетский бал в помещении бывшего Офицерского собрания, на котором играл военно-морской оркестр.

В понедельник состоялось посещение Нахимовского училища. После соответствующей официальной встречи все были приглашены на общий обед. За столами сидели зарубежные кадеты рядом с сегодняшними молодыми нахимовцами. Затем в зале училища состоялся торжественный акт с выступлениями кадет-нахимовцев. Присутствовали начальник училища, офицеры воспитатели, преподаватели, кадеты-нахимовцы и зарубежные и местные участники кадетской встречи.

В заключение И. Андрушкевич прочел доклад на тему «Россия».

Докладчик процитировал известные слова Ф. М. Достоевского, что «при начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествует зарождению национальной идеи, ибо она же и создает ее». Созданию нашей национальности предшествовали две идеи, которые были четко сформулированы киевским летописцем; в «Повести временных лет» он повествует о том, «откуда русская земля стала есть». Наши предки на вече в Новгороде, «реша сами в себе» установить верховную власть «да судит нам по праву». Таким образом, Россия как государство зародилась в 862 году на основе двух идей: самодержавной самобытности и права. Эти две идеи были утверждены демократически, и для их охранения была учреждена верховная монархическая власть, начиная с призвания Рюрика в первую нашу столицу — Новгород. Святой Владимир, правнук Рюрика, уже в Киеве, второй столице России, увенчал эти две первоначальные фундаментальные идеи принятием православия.

Именно с этого момента и появляется само имя «Россия» наряду с первоначальным «Русь». «Росия» (с одним «с») было греческим именем Русской Церкви, юрисдикционно являвшейся 61-м митрополичьим округом Константинополь-ского Патриархата. Это имя обозначало территорию, на которую распространялась юрисдикция главы Русской Церкви, с кафедрой до 1300 года в Киеве, что и было тогда с самого начала соборно одобрено всеми пятью патриархами Христианской Церкви, а также единодушно признано существовавшими тогда государствами.

С геополитической точки зрения Россия по самому своему замыслу была мостом между бассейнами четырех морей: Варяжского, Русского, Сурожского и Хвалынского. Затем к этим четырем бассейнам присоединяются еще два: Северного Ледовитого и Тихого океанов. Поэтому и сегодня говорится, что Москва является «портом пяти морей», а при переходе теплоходом из Москвы в Санкт-Петербург отмечается момент, когда теплоход выходит из бассейна Каспийского (Хвалынского) моря и вступает в бассейн Балтийского (Варяжского) моря.

Таким образом очевидно, что существование России неразрывно связано с ее флотом. Так было и встарь, когда Вещий Олег совершал морские походы на Византию по Рус-

скому морю, так оно есть и сегодня, когда наш флот вообще хотят изгнать с Русского моря. Давнишние попытки уничтожения России сведением ее к отрезанному от морей континентальному княжеству, сегодня принимают конкретные формы. Английский философ сэр Карл Поппэр еще в разгар перестройки предложил отдать наш флот за внешние долги, а затем пустить его на лом.

(На следующий день докладчика попросили дать несколько интервью для местного телевидения, радио и печати по содержанию этого доклада.)

Вторник, 15 сентября, был последним днем пребывания в Петербурге. После обеда на теплоходе состоялось построение зарубежных кадет. Руководитель встречи И. Козлов прочел прощальное слово. Затем было вынесено перед строй знамя Фанагорийского полка, и все зарубежные кадеты прощались с ним. Вечером все стали разъезжаться. Бóльшая часть вернулась поездом в Москву.

Помимо описанных актов и посещений военных училищ, участники кадетской встречи в России посетили много знаменательных исторических мест в Москве и в Петербурге. Описать все эти посещения невозможно. В Москве участники встречи посетили также Звездный городок, центр российской космонавтики, где были чрезвычайно любезно приняты начальником городка, известным космонавтом, суворовцем генералом В. Джанибековым.

«Наша страна»
Буэнос Айрес, 24 октября и 5 декабря 1992 г.

С. Н. ЗАБЕЛИН

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ВСТРЕЧИ С СУВОРОВЦАМИ И НАХИМОВЦАМИ

Одной из проблем, занимавших мысли руководителей «Встречи» с обеих сторон, явилась организация сближения между такими разнородными группами. С нашей стороны не было сомнения в патриотических настроениях суворовцев, в их любви к своему отечеству. Но родились они,

выросли и воспитались в советское время, и мы не могли себе представить, каков у них подход к этим чувствам. А суворовцы, без сомнения, со своей стоны смотрели на нас как на продолжателей Белой идеи, унаследовавших ее от отцов, и таким образом мы в какой-то степени представлялись им архаическими пережитками прежней России. Им было интересно с нами поговорить и на нас посмотреть, но можно ли с нами сблизиться?

Правда, из Москвы к нам приезжал на Двенадцатый съезд в Санта-Розу полк. Евгений Павлович Исаков, который произвел на нас самое хорошее впечатление. Теперь, в аэропорту Внуково, где мы приземлились, нас радушно встретила группа суворовцев, но это был актив суворовского клуба, из которого вышел и полк. Исаков. Рамки раздвинулись, но встал вопрос — какими окажутся остальные?

За первым ужином получилось так, что суворовцы сели за столы своей группой, а мы своей. Наши руководители произносили речи, звучали тосты, но общения не было. Началось оно, когда посадили всех вперемежку. Вот тут появилась возможность, чокаясь рюмками, смотреть друг другу в глаза... И начался разговор, который так и не закончился до последнего дня нашего пребывания в России. Говорили за завтраком, обедом, ужином, говорили в автобусах и на теплоходе...

Так пали преграды. Суворовцы опознали в нас русских людей, людей военного духа, любящих свое отечество и болеющих за него в его нынешнем состоянии. А мы узнали в них патриотов своей страны, гордящихся тем, что прошли учебу в суворовских училищах, созданных «по образцу бывших кадетских корпусов». Это определение оказалось ключевым. Первый русский Вел. кн. Константина Константиновича кадетский корпус закончил свое существование в апреле 1944 года, в Германии, а осенью предыдущего года в Советском Союзе открылись суворовские училища. Волею судьбы произошло как бы перемещение, и дух кадетский в какой-то мере нашел свое воплощение в суворовских училищах, перейдя из последнего зарубежного корпуса в первый на родине. Этого нельзя было не почувствовать, этот дух находил свое выражение в речах и стихах суворовцев, в гордости, с какой они называли себя кадетами.

Здесь уместно заметить, что суворовские клубы имеются во многих городах России и бывших территорий Советского

Союза. Особенно яркими представителями были председатель суворовцев из Белоруссии и председатель из Львова, ныне на Украине. Львовские суворовцы воссоздали утраченное знамя суворовского Фанагорийского полка, освятили его и привезли на эту встречу в Москву. Торжественный парад и другие моменты, позднее — прощание, проходили под сенью этого воскрешенного знамени, символизируя этим воскресение России и ее будущее величие.

Но если собравшиеся с обеих сторон рубежа оказались едины в своем порыве к России и стремлении вызволить ее из тяжелого положения, в котором она пребывает ныне, то следует признать, что были моменты и выявились некоторые факты, которые еще не нашли общего применения в умах. Относилось это в равной мере к «ним» и к «нам».

С нашей стороны грустно было убедиться, что повсюду еще висят красные звезды, что воинские части все еще маршируют под красными знаменами... Но нет других, новые знамена еще ждут своего создания.

Во множесте встречаются статуи, бюсты и портреты Ленина. В особенности нам было не по себе в нахимовском училище (Военно-морское) в Санкт-Петербурге. Там в вестибюле посетителей встречает темная статуя Ленина, выше человеческого роста, с жестким выражением лица, вытянутой рукой и скрюченным пальцем указывающая в пространство. Проходить приходилось под этой рукой... По всем залам, классам и в музее находим бюсты, портреты и «мудрые» изречения Ленина.

Из тех суворовцев, с кем мне довелось разговаривать, большинство легко восприняли тот факт, что многие из нас в последней войне поднялись с оружием в руках против коммунизма. (Чего же иного можно было ожидать от детей белогвардейцев?!) Сегодня, стараясь рассуждать логично, многие пришли к убеждению, что Белая борьба исторически оправдана и белые, действительно, старались уберечь, спасти Россию.

Гораздо сложнее представляется фигура генерала Власова и РОА — Русской освободительной армии. Однажды утром на теплоходе у меня произошел разговор с тремя суворовцами. Как я упомянул выше, они могли понять нашу борьбу против коммунизма, но Власова переварить им трудно. Произошел такой разговор:

— *Принять бело-сине-красный флаг мы не можем.*

— *Как же так, объясните, пожалуйста!*

— Генерал Власов залил этот флаг кровью.

— Ну, знаете, если так говорить, то флаги всех стран мира залиты кровью. Вся история народов есть постоянная борьба.

— Да, но генерал Власов был наш, и изменил, и этим обесчестил бело-сине-красный флаг!

— Странное рассуждение. Но не будем спорить на эту тему; я вижу, что вы к ней не готовы. Но вот что я хочу вам сказать: никто в мире, за всю его историю, не пролил столько крови своего же народа, как советская власть. На красном знамени этого не заметно, оно само цвета крови, и цвет этот был подобран не случайно. Власть советская с самого своего возникновения была антинародной и оставалась таковой до своего последнего дня. Много раз народ пытался сбросить это иго. Вы хоть понаслышке должны знать об этом. Все такие восстания подавлялись с неслыханной жестокостью. Одним примером является восстание на Кубани, когда не только артиллерией громили деревни, но и с самолетов душили газами.

Невольно сложилось убеждение, что спасения изнутри нечего ожидать, оно должно прийти извне. Этого ждали одинаково по обеим сторонам рубежа. И когда немцы в 1941 году ворвались в российские пределы, целые армии сдавались, а население встречало немцев хлебом-солью и бросало цветы перед танками!

Власовское движение основывалось на большом народном порыве, сам Власов лишь возглавил его. Но произошла новая российская драма: немцы не захотели воспользоваться этим порывом русских душ, нацистское правительство, опьяненное успехами на Западе и вопреки предупреждениям виднейших генералов, шло в Россию с целью захвата богатых земель; население ему не было нужно, и немцы обернули к нему свое истинное, звериное лицо.

Существует достаточно материалов и документов о Власове и его времени. Почитайте, вдумайтесь, и вы тогда осознаете трагедию Власова. А через нее и трагедию всего русского и даже немецкого народов. Вот тогда мы сможем поговорить с вами на эту тему...

Эти трое (более молодые по возрасту) не отражают мнение всех суворовцев, но их позиция указывает на то, что еще много остается места для освещения нашего прошлого. Надо посылать литературу, а также в разговорах подробно информировать всех о том, как было на самом деле, а не как преподносила им лживая советская пропаганда...

Теперь мы снова дома, в привычной обстановке, и думаем о том, что видели и пережили. Постепенно складывается в уме оценка нашего посещения и общения с военными людьми в России. Напрашивается вопрос: куда и как дальше?

Наш председатель Игорь Козлов после многих разговоров с кадетами готовит доклад на эту тему. Мы с нетерпением ожидаем его.

Как стало известно, у суворовцев происходит подобный процесс, в том же порядке. Это хорошее известие. Это значит, что наше посещение подтолкнуло общественную мысль и что вскоре полетят факсы и начнутся телефонные звонки и туда и оттуда. Ведь первый шаг сделан, остановиться уже нельзя!

К. СИНЬКЕВИЧ

МЕЧТЫ И ЯВЬ

(Выдержка)

Во время одной из поездок по городу мы проезжали в автобусе мимо печально знаменитого крейсера «Аврора». Наш гид, милая молодая женщина, обратила наше внимание на сей символ революции. Большинство отвернулось и даже не стало глядеть...

Вопрос советских коммунистических символов беспокоил многих. Однако мы — храбрецы, однажды решившись на поездку, выключили из себя возможную отрицательную реакцию, заняв позицию людей, не замечающих очевидного...

И действительно, только крайне наивный человек или человек, настолько застывший в своих убеждениях, что не в состо-янии услышать «поступи века», может воображать, будто 70-летнее наследие зла можно убрать прочь за 70 дней... Или за 700. Очень умный, безвременно ушедший от нас Николай Козякин, говорил именно так, считая, что «коммунизм следует выдавливать из людей по капле». Мы льстим себя надеждой, что нам удалось внести свою, пусть малую долю в это святое дело.

Пожалуй, не будет преувеличением, если мы сравним себя с миссионерами... или с проповедниками, пришедшими на родину сказать то, что мы знаем. Быть может, наша миссия поможет больному организму России изжить лишнюю каплю зла, заменив ее здоровыми флюидами.

ВСТРЕЧА В РОССИИ

Парад Московского СВУ по поводу начала учебного года
31 августа 1992 г.

Кадеты, приехавшие на «Встречу» из зарубежья, на уроке
в Московском СВУ.

Посещение кадетами высших офицерских курсов «Выстрел».

Звездный городок. Кадеты Донского Императора Александра III кадетского корпуса с директором есаулом Писаревым у статуи первого космонавта Юрия Гагарина.

Рапорт командующего парадом Игорем Козловым старшему кадету Сергею Синькевичу.

Заря с церемонией: построение кадет в Подмосковье. Молитва.

Вынос знамени (копии) Фанагорийского генералиссимуса Суворова полка. Знаменщик-суворовец – полк. Н. Сычев, разводящий – вице-фельдфебель XXI вып. I Русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса А. Иордан, хранитель знамени, председатель Львовского суворовского клуба – О. Ястремский.

Парад Военного музыкального училища (ВМУ).

Группа учеников ВМУ.

Группа кадет Донского имп. Александра III кадетского корпуса из Новочеркасска.

Посещение Кремля. Георгиевский зал.

Группа кадет и суворовцев с их женами на Бородинском поле.

Группа кадет и суворовцев с женами на ступеньках Архангельского собора (в Кремле).

Обед на Бородинском поле.

Посещение Кирилло-Белозерского монастыря.

Кадеты Воронежского корпуса на Бородинском поле.

Поездка на теплоходе из Москвы в Санкт-Петербург.

Санкт-Петербург. Встреча на пристани. Нахимовцы

В гостях у нахимовцев.

Посещение Санкт-Петербургского СВУ.

Сыновья пажей: Н. А. Хитрово и А. Б. Иордан у здания бывшего Пажеского корпуса.

Б. СУЗДАЛЬЦЕВ

ЗЕМЛЯ РОССИИ

Высотка. Окоп. Помолись, помолчи —
святая земля пред тобою,
и в трепетном пламени тонкой свечи
увидишь ты отблески боя!

Истерзана дважды огнем и свинцом
земля Бородинского поля,
в ней кости врагов и могилы бойцов,
прикрывших Россию собою;
в ней кости убитых в затылок отцов,
в ней прах подлецов и героев,
в ней слезы невест, матерей или вдов...
Возьми эту землю с собою!

ПОКАЯНИЕ

Рассеянным, но нерасторгнутым

Вспоминайте меня, я вам всем по строке подарю,
отпустите грехи, я долги заплачу к январю,
я не буду скулить и вопить, о прощеньи моля, —
это зрелость пришла, и пора оплатить векселя!

Я в отчизне родной, захлебнувшейся ложью людской,
самому себе лгал (сколько лет прозревал!)
с нарастающей в сердце тоской.
Я словами не мог ни влюбить, ни убить наповал,
и, теряя себя, я себя убивал!

Но благая судьба сочинила счастливый конец,
я достоин теперь ваших мыслей и ваших сердец,
и меня к вам влечет, как бумагу влечет к янтарю.
Вспоминайте меня! Я вам всем по строке подарю,
по неловкой и горькой, тоскою пропахшей строке,
чтоб меня вспоминали в своем далеке!

Май 1992 — январь 1993

НОВОГОДНЕЕ

В тот час, когда зажигаются свечи,
и хлеб новогодний с вином на столе,
расправьте, кадеты, усталые плечи,
чтоб выпить за тех, кто еще на земле.

За всех, кто рассеян по белому свету,
за всех, кто судьбою навек обречен
прожить без России, но зваться российским кадетом,
и быть не расторгнутым ветром времен!

Декабрь 1992

ЛАРА ДНЕПРОВА

* * *

Не делите, не рвите Россию на части,
Не рубите у матери пальцы натруженных рук!
Не содействуйте тем, кто жонглирует силой и властью,
Кто прядет паутину, как злой ядовитый паук!

Громовые слова — не ответы на наши вопросы.
Прекратите ненужный, нелепый и мелочный спор!
Ведь верба (или ива) роняет соленые слезы
В обмелевшие реки и в мутные воды озер.

А на полки пустые глядят одинаково дети
На Кавказе, в Крыму, на Дону или в центре Москвы.
Перед ними страна за голодное детство в ответе!
О каких же разделах так глупо тревожитесь вы?

Закипает страна. В близком будущем,
близком и скором,
Вам уже не зажать ее криком искривленный рот!
И не ропотом робким, а мощным и грозным укором
Отзовется ее многоликий, ЕДИНЫЙ НАРОД!

Б. ВЕСЕЛЬЧАКОВ

* * *

Любимый Дон,
Каким горячим словом
Прославить мне
Бессмертный образ твой?
Ты весь огнем войны исполосован,
Ты весь покрыт завесой дымовой.
Здесь из друзей
Уже не встретишь многих.
Здесь кости их коробятся в пыли,
Здесь вам пшеница кланяется в ноги,
Как будто просит, чтоб ее спасли.
Здесь поезда стоят с разбитым грузом,
Пусты станицы, брошен каждый дом...
И лишь подсолнух с голой кукурузой
В глухой степи чернеют под дождем.
Любимый Дон! Клянемся перед строем
В любых боях, пока в нас силы есть:
Своих знамен позором не покроем,
Не посрамим твою былую честь.
Здесь у твоих покрытых славой круч,
Мы будем биться, как отцы и деды.
Сквозь черный мрак
Густых осенних туч
Нам снова светит зарево победы.

И. М. ДАРАГАН

ПАЖЕСКИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРПУС

1802 — 1952

Звание пажей было учреждено в России Петром I, который в 1711 году, при возвещении Екатерины I своей супругой, образовал по образцу германских дворов придворные чины.

В записках современника Петра Великого, камер-юнкера Бергхольца, упоминается неоднократно о пажах и камер-пажах. Некоторые из них сделались впоследствии видными государственными деятелями, как например, фельдмаршалы графы Петр и Павел Ивановичи Шуваловы, бывшие пажами гос. имп. Петра I.

При Екатерине I и Петре II пажи лишь изредка привлекались к придворной службе. В то время они жили в домах своих родителей, часто без всякого надзора, проводя время вне службы, а иногда и на службе, далеко не соответственно своему званию и близкому ко двору положению.

Имеются сведения, что они нередко напивались, и случалось, как значится в записях, что: «За непорядочные поступки и неоднократно чинимые продерзости арестовывали и, сняв камер-пажескую ливрею, учиняли довольное наказание розгами, держа потом неодпускно».

Некоторое упорядочение в организации пажей было произведено в царствование Елисаветы Петровны, а именно указом от 5 апреля 1742 года утверждается комплект в числе 8 камер-пажей и 24 пажей.

Учитывая близость пажей к высочайшим особам, а также их, до сего времени значительное невежество и невоспитанность, императрица учреждает для них нечто вроде придворной школы, назначив для надзора гофмейстера Зейсмана. Назначение оказалось неудачным, т. к. последний был вскоре удален за воровство.

В 1745 году новый гофмейстер Фрейслебен делает попытку поднять дело обучения пажей вводом обучения истории, географии, арифметике, французскому и немецкому языкам, а также танцам и фехтованию. Но, к сожалению, придворная служба, поглощающая много времени, мешала правильному обучению, тормозя эти благие начинания, а внешний лоск мало прививался, так как пажам приходилось жить вне дворца, в обществе, далеко не отличавшемся мягкостью нравов.

В таком положении пажи оставались до 1759 г., когда по повелению императрицы гофмаршал и действительный камергер Карл Ефимович Сиверс дал вновь назначенному гофмейстеру пажей, барону Шуда, инструкцию, на основании которой камер-пажи для большего удобства и надзора за ними были собраны для проживания в доме адмирала Крюсса.

В этой же инструкции было определено время для дежурств во дворце и для занятий научными предметами. По словам этой инструкции было повелено обучать пажей чужестранным языкам, геометрии, географии, фортификации, истории, рисованию, битве на рапирах и эспадронах, танцам, русской грамматике и словесности и прочему тому, что необходимо для честного дворянина.

Гофмейстеру поручалось одновременно наблюдение за учителями, а сам он должен был показывать и обучать: «Дабы те пажи через то к постоянному и пристойному разуму и благородным поступкам наивяще преуспевали и от того учтивыми, приятными и во всем совершенными себя показывать могли, как христианский закон и честная их природа повелевает».

Это была первая попытка образовать придворный пансион, который с 1759 г. получил официальное название «Пажеский Ея Императорского Величества Корпус».

Вскоре, однако, скончалась императрица Елисавета Петровна, и после краткого царствования Петра II, во время которого не было обращено особого внимания на Корпус, вступила на престол Екатерина II.

Екатерина Великая, желая поднять уровень воспитания и образования пажей, указом 1762 г. повелела определять в Пажеский корпус исключительно детей дворян, известных своими заслугами перед родиной, а штат пажей определить в числе 6 камер-пажей и 40 пажей. В развитие вышесказанного царица поручает академику Миллеру составить план обучения пажей, а с 1766 г. Пажеский корпус помещается в специально для него приобретенном доме на углу Мойки и Зимней Канавки.

В том же 1766 году отправляются за границу для обучения и совершенствования 6 пажей, в числе которых были: А, Радищев (автор «Путешествия из Петербурга в Москву»), П. М. Кутузов и П. И. Челищев.

В 1795 г. было повелено пересмотреть образ учения в Пажеском корпусе и ввести в нем общий для всех русских училищ порядок. С тех пор Корпус, оставаясь в ведении императорского двора, был признан равным в учебном отношении со всеми учебными заведениями империи.

Что же дала государству эта придворная школа в первый период своего существования? Лучшим ответом будет ряд имен государственных деятелей, выдающихся своими заслугами на разных поприщах: граф С. Р. Воронцов; О. П. Козодав-

лев; И. И. Марков; А. П. Тормасов; А. Р. Козен; Д. С. Дохтуров; гр. Ф. В. Ростопчин; гр. Н. Н. Новосильцев; А. Н. Оленин; А. Д. Балашев и много других.

В числе первых Георгиевских кавалеров имеется ряд имен бывших пажей, как-то: кн. С. А. Меньшиков; И. И. Марков; Р. А. Анреп; А. С. Кологривов; И. А. Вельяминов; И. Ф. Буксгевден и другие.

В таком виде Пажеский корпус просуществовал 12 лет.

По вступлении на престол император Павел I поручает гр. И. И. Шувалову надзор за Пажеским корпусом, назначив одновременно директором Корпуса генерал-майора Шапошникова и повелев включить в состав Корпуса состоящих при его дворе рейт- и лейб-пажей.

В 1800 г. пажей, назначенных на дежурство при дворе, называли лейб-пажами и выпускали таковых на службу в гвардию поручиками, а иногда с назначением их флигель-адъютантами. Этим отличием был, между иными, удостоен гр. И. Ф. Паскевич, впоследствии фельдмаршал гр. Паскевич-Эриванский (выпуска I).

Таким образом подготовлялась реформа Пажеского корпуса, превращенного уже в следующем царствовании в военно-учебное заведение.

Новое положение о Корпусе, составленное по плану генерал-майора Клингера, было высочайше утверждено 10 октября 1802 года.

В этот день оно было прочтено в присутствии всех чинов Корпуса.

Первым директором преобразованного Пажеского его имп. вел. корпуса был назначен генерал-майор А. Г. Гогель.

Ближайшим его помощником являлся штаб-офицер в качестве командира роты или гофмейстера, на обязанности которого лежало наблюдение за нравственностью и поведением пажей. Он же водил пажей к высочайшему двору, присутствовал при одиночных учениях и ежемесячно представлял главноуправляющему гр. Шувалову отчет о каждом из воспитавшихся пажей.

Пажи были разделены на 4 отделения. Первым заведовал гофмейстер, остальными — офицеры. Учебной частью должен был ведать инспектор классов, каковым был назначен тогда полковник Оде де Сион, швейцарец родом, вывезенный в Россию генералиссимусом А. В. Суворовым для воспитания его сына.

После смерти Андрея Григорьевича Гогеля директором корпуса был назначен его брат Иван Григорьевич, известный трудами по артиллерии. При нем в 1810 году Пажескому корпусу было дано помещение, в котором он и размещался до революции 1917 года, а именно, бывший дворец гр. М. И. Воронцова на Садовой улице, против Гостиного Двора.

В старину на этом месте тянулся вдоль Фонтанки тенистый сад, в глубине которого был построен гр. Растрели дворец, обращенный фасадом к Садовой. В 1768 г. он был куплен Екатериной II в казну и служил помещением для высокопоставленных лиц.

Когда Павел I принял на себя звание Гросмейстера Мальтийского ордена, он пожаловал этот дворец со всемиприлегавшими к нему надворными постройками Капитулу Мальтийского ордена и приказал архитектору Кваренги построить мальтийскую католическую церковь, которая и была освящена в 1800 г.

В ней, справа от алтаря, под балдахином стояло кресло его величества Гросмейстера. Под церковью шел подземный ход, соединявший непосредственно церковь со спальней императора Павла I в Михайловском дворце.

И. Г. Гогель был директором Корпуса почти четверть века (1808— 1830), имел своим ближайшим сотрудником гофмейстера К. Ф. Клинберга.

Через их школу прошло немало пажей, которые по выходе из Корпуса своею службою России заслужили добрую память, как например, А. А. Кавелин, воспитатель государя императора Александра II; гр. В. Ф. Адлерберг — друг и сподвижник Николая I; поэт Е. А. Баратынский; Я. И. Ростовцев — имя которого тесно связано с реформой 1861 года по освобождению крестьян; гр. Н. Н. Муравьев и многие другие.

В ряду деятелей Отечественной войны, со славою погибших на полях битвы или отличившихся своею выдающейся храбростью, было немало питомцев Пажеского корпуса, о чем свидетельствовали черные мраморные доски в церкви Корпуса, испещренные именами убитых во время войн, а также ряд портретов Георгиевских кавалеров-пажей, в Георгиевском зале Корпуса.

Переделка здания Корпуса, с удобными для учебного заведения приспособлениями, была произведена в царствование имп. Николая I, под наблюдением инженер-генерал-лейтенанта Оппермана. На время этой переделки пажи и служа-

щие были переведены в Петергоф, где были размещены в здании Английского дворца.

В том же году были утверждены: новое положение, штат и табель Корпуса, по которой полагалось 16 камер-пажей, 134 пажа — интернов и 15 экстернов.

В 1830 году директором Корпуса был назначен генерал-майор А. А. Кавелин (1830—1834), окончивший Корпус в бытность И. Г. Гогеля его директором. Через четыре года его сменил П. Н. Игнатьев.

В то время во главе управления военно-учебными заведениями находился вел кн. Михаил Павлович, имея своим ближайшим помощником в качестве начальника штаба — Я. И. Ростовцева, бывшего воспитанника корпуса.

В течение 10 лет образование и воспитание пажей было поставлено так высоко, что директор корпуса П. Н. Игнатьев имел право напутствовать произведенных в 1846 г. пажей в офицеры словами: «Не забывайте, что имена ваши принадлежат Пажескому корпусу и что каждый паж будет и краснеть за вас, и гордиться вами. Пусть все воспитанники корпуса, коему вы обязаны вашим образованием, по прошествии многих лет с чувством благодарной гордости могли бы повторять, вспоминая вас, — и он был пажем».

Как и раньше, за этот период корпус дал образование немалому числу выдающихся лиц, как-то: гр. А. В. Адлербергу — министру двора; В. И. Васильчикову, имя которого так памятно и тесно связано с обороной Севастополя; А. В. Дружинину — известному писателю и основателю литературного фонда; кн. Н. А. Орлову — первому открыто говорившему об уничтожении телесного наказания в войсках, и, наконец, герою Турецкой войны — генерал-фельдмаршалу Иосифу Васильевичу Гурко, ставшему затем варшавским генерал-губернатором.

При вступлении на престол императора Александра II, в бытность военным министром Д. А. Милютина, а главным начальником военно-учебных заведений Н. В. Исакова, начались преобразования в кадетских корпусах, коснувшиеся и Пажеского корпуса.

В 1865 г. общие классы были отделены от специальных, которые составили строевую роту с военно-училищным курсом.

Генерал-майор Д. Х. Бушен, один из образованнейших педагогов своего времени, был назначен в 1867 г. директором Пажеского корпуса, оставаясь на этой должности до своей смерти в 1871 г. Память о нем сохранилась с любовью среди

его сослуживцев и пажей, так как за время его директорства каждый из его подчиненных знал, что он может смело к нему обратиться, с уверенностью найти привет и добрый совет.

В бытность директором Федора Карловича Дитрихса, сменившего в 1878 г. П. И. Мезенцева (1871—1878), были открыты «приготовительные» классы как самостоятельное учебное заведение для подготовки к поступлению в Пажеский корпус, в составе 3 классов. Им было предоставлено помещение в деревянном доме на углу Литейной и Кирочной (где впоследствии находилось Гвардейское экономическое общество). Когда-то в этом доме жил Аракчеев.

В 1884 г. это заведение было подчинено директору Пажеского корпуса, но уже в 1885 г. приготовительные классы были закрыты.

В 1885 г. была закончена пристройка к главному зданию Корпуса, предназначавшаяся для специальных классов, и уже со 2 сентября 1885 г. Пажеский корпус начал курс в полном составе 7 классов, общие III, IV,V, VI и VII в главном здании и два специальных в новом флигеле, сообщавшемся непосредственно с квартирой директора корпуса, бывшей до того времени на отлете.

В том же 1885 г. по мысли ротного команадира 2-й роты полковника Н. Н. Скалона, был основан при корпусе его «Исторический музей» — с целью сбора и хранения всего, что касается прошлого корпуса и его питомцев.

К сожалению, смерть полк. Скалона в 1895 г. временно прервала его полезную деятельность на этом поприще, и лишь благодаря энергии директора корпуса гр. Федора Эдуардовича Келлера (пажа выпуска 1879 г.) музей с 1898 г. получил прочную организацию.

Под музей были отведены в партере 5 комнат. В них благодаря жертвенному труду бывшего в то время курсовым офицером 2-й роты ротмистра Л. Г. Уланского и его величества полка Александра Федоровича Шидловского было не только собрано и приведено в образцовый порядок все, что касалось истории корпуса за продолжительное время его существования, но также сосредоточен громадный материал для оценки жизни и деятельности его питомцев-пажей по выходе их из корпуса.А. Ф. Шидловский написал, на основании собранного им материала, очень интересную и ценную брошюру, посвященную корпусу, ко дню его 100-летнего юбилея в 1902 г. как военно-учебного заведения.

Нельзя не остановиться на личности гр. Ф. Эд. Келлера, оставившего среди пажей неизгладимую память. Как было сказано выше, граф окончил корпус, и этим обстоятельством он широко пользовался, чтобы во всех случаях корпусной жизни подходить к своим воспитанникам не только как директор, но и просто как старший товарищ.

Келлер был скорее строгим, чем мягким директором, но так как его требования и налагаемые взыскания были разумны, он пользовался среди пажей большим авторитетом, что усугублялось еще его службой при Скобелеве и заслуженными им в боях золотым оружием и Георгиевским крестом.

12 декабря 1902 г. Пажеский корпус в составе трех своих рот и исторического взвода выстроился развернутым фронтом против царской ложи в Михайловском манеже. Левее пажей стали офицеры и штатские чины корпуса — генералы, штаб- и обер-офицеры, носившие форму и числившиеся в списках корпуса, а за ними бывшие пажи — по старшинству выпусков с 1837-го по 1902- год включительно.

Ровно в 12 часов в манеж прибыли государь император с обоими царицами и наследник вел. кн. Михаил Александрович. Войдя в манеж, государь принял рапорт директора корпуса и в сопровождении блестящей свиты прошел перед строем пажей, милостиво здороваясь и поздравляя с праздником и юбилеем. Несмолкаемое и все растущее «ура» сопровождало отход царя, вырываясь от души, как привет ряда поколений пажей своему государю.

По окончании обхода вел. кн. Константин Константинович громким голосом прочел пожалованную корпусу высочайшую грамоту с изъявлением царского благоволения.

Громовое «ура» было ответом на милостивые слова грамоты.

Затем директор корпуса прочел грамоту о пожаловании корпусу знамени, после чего последовала команда: «На молитву! Каски, шапки, фуражки долой!» — и знаменщик, старший камер-паж Петровский, при двух офицерах-ассистентах вынес знамя к аналою.

После богослужения знамя было пронесено вдоль фронта и стало перед 1-й ротой его величества.

Начался церемониальный марш, а затем исторический взвод в формах и при оружии, соответствующим годам царствований, продемонстрировал маршировку и приемы соответственно своему времени, то есть временам царствований от Елисаветы Петровны до настоящего времени.

После парада государь, подойдя к фронту бывших пажей, сказал: «Благодарю вас, господа, за службу мне и моим предшественникам, за вашу бескорыстную преданность, которую многие из вас запечатлели своею кровью, за ваше честное служение престолу и родине! Я твердо уверен, что эти заветы, переданные из поколения в поколение, всегда будут живы среди пажей. Желаю вам здравия на многие годы!»

Затем обратился к пажам со словами:

«В сегодняшний день я доказал Пажескому имени моего корпусу, насколько велико мое к нему благоволение, пожаловав ему знамя, наградив строевую его роту и всех, находящихся ныне в списках корпуса пажей, моим вензелевым изображением на погонах и зачислив брата и моих дядей в списки корпуса. Я уверен, что по примеру прежних поколений пажей, многие представители коих присутствуют тут, вы все с тою же доблестью, столь же честно и верно будете служить вашему государю и дорогой нам родине — России! До свидания, господа!»

«Счастливо оставаться, ваше императорское величество!» — и громовое «ура!» было ответом на слова монарха.

Остановясь у выхода из манежа, государь обернулся и повторил: «Еще раз благодарю за отличный парад».

В тот же день в 6 часов вечера состоялся парадный обед в Зимнем дворце, к которому были приглашены все состоявшие в корпусе пажи, а также все бывшие его воспитанники и делегация немецких пажей, приехавших в числе четырех человек при двух офицерах поздравить корпус.

За обедом государь, подняв свой бокал, произнес:

«От имени государынь императриц и своего пью за здоровье дорогих моих гостей — всех бывших и нынешних пажей, прежде и теперь служащих в корпусе. За ваше здоровье, господа, ура!» В ответ зачисленный в список корпуса старейший член царской семьи великий князь Михаил Николаевич провозгласил тост от имени всех пажей за драгоценное здравие царя.

14 декабря в 3 часа в здании Корпуса состоялся торжественный акт в высочайшем присутствии, во время которого следовал прием и поздравление депутациями ряда ведомств, учреждений, корпусов и училищ, а вечером в Мариинском театре — юбилейное представление, также в высочайшем присутствии, в коем участвовали корифеи русской императорской сцены — драмы, оперы и балета.

Необычайный вид имел знаменитый зал театра, так как места были распределены исключительно среди пажей, учитывая их старшинство по выпускам, так что офицеры последних двух выпусков и находящиеся в корпусе пажи разместились на галерее. Немецкой же делегации государь император предоставил свою боковую ложу, благодаря чему она могла прекрасно видеть весь этот исключительный по своей красоте и артистическому подбору спектакль.

Одновременно подвезло и четырем пажам специальных классов, в их числе был и я, которые были назначены состоять при этих гостях во время пребывания последних в Петербурге.

Наверное не думалось тогда никому, что через 15 лет Пажеский корпус как таковой перестанет существовать и что исполняющийся в этом 1952 году его 150-летний юбилей нам, пажам, придется праздновать вдали от России, вне стен родного корпуса!

Группа пажей и камер-пажей Двора Его Величества (1907 г.).

Камер-паж Двора Его Величества выпуска 1907 года Борис Михайлович Иордан.

И все же, несмотря на это, внутренняя спайка и дорогие нам традиции корпуса, связывающие всех почти без исключения пажей, та искренняя любовь к родному корпусу и заветам мальтийского креста, украшающего нашу грудь, сделали то, что будучи разбросанными по белу свету пажи крепко стоят друг за друга как в одиночном порядке, так и в странах, где они сгруппировались в один из отделов Пажеского союза!

Хочется еще прибавить, как ошибочно и голословно считалось, что Пажеский корпус был заведением узко привилегированным, где воспитывались «маменькины сынки», фатишки, кичащиеся своим аристократическим происхождением, связями и т. п., и оканчивали корпус с более чем легким багажом. Это можно еще допустить, если считать первые годы его существования. Постепенное же улучшение постановки дела обучения и предъявляемые требования к воспитанникам Пажеского корпуса радикально изменили это.

За последние же десятилетия уровень преподавательского состава и вытекавшие из этого соответственные требования от воспитаников корпуса стояли на первоклассной высоте.

Что же касается особой привилегированности корпуса, то надо обратить внимание, что согласно высочайшему положению о Пажеском корпусе зачисление в него производилось не по происхождению. Пажами могли быть лишь сыновья и внуки генералов, засвидетельствовавших своею службою преданность родине, и лишь по высочайшему для каждого раза повелению могло быть нарушено это правило. Таких случаев за годы последних царствований можно сосчитать по пальцам.

Нельзя не отметить еще, что за последние десятилетия своего существования Пажеский корпус дал на различных, не только военных, поприщах значительное число лиц, выделившихся своею верностью, добросовестностью и научной пользою в служении России.

А сколько пажей отдали свою жизнь за Веру, Царя и Отечество не только на полях брани Русско-Японской, Первой великой войны и в рядах Добровольческих белых армий, но и павших и замученных в борьбе за свободу и величие России против большевиков...

К ПРАЗДНОВАНИЮ 190-ЛЕТИЯ ПАЖЕСКОГО КОРПУСА

Нахичеванский хан, хорошо знавший горячий характер своего подчиненного, молодого выпускника Пажеского корпуса корнета лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Михаила Чавчавадзе, в дни страшных потрясений 17-го года отправил его в Тифлис — для покупки лошадей. Только благодаря этому корнет Чавчавадзе, отпрыск славной фамилии, смог тогда уцелеть.

Революционный молох настиг его в мирные дни, проведя через все адовы круги ГУЛАГа... Спустя годы, изможденный лагерями пожилой человек пришел вместе с сыном Зурабом к зданию Пажеского корпуса, где уже находилось суворовское военное училище

и, упросив дежурного офицера пропустить его, со слезами на глазах обнимал стены своей альма-матер.

Суворовцам никто, конечно, не объяснил, кто этот плачущий старик, который по возрасту уж никак не мог быть выпускником суворовского училища. Им вообще не рассказывали о Пажеском корпусе, который был здесь до 1918 года... Между тем живых пажей становилось все меньше. 25 декабря 1992 года на празднование 190-летия корпуса пришли в основном их потомки...

После революции корпусные праздники отмечались за рубежом — на традиционных обедах «рассеянных, но не расторгнутых» в белой эмиграции пажей. Нынешний юбилей, впервые отмеченный в стенах корпуса на Садовой, 26, ознаменовался и открытием экспозиции воссозданного Пажеского корпуса.

Музей находится теперь в библиотеке Санкт-Петербургского СВУ (бывшая Православная церковь Пажеского корпуса). В стеклянном витраже выставлен пажеский вицмундир, рядом — витражи с уникальными фотографиями, гравюрами и семейными реликвиями, которые передали потомки пажей Сабанина, Верховского, Анненкова, Мандрыки, Шепелева, Безкоровайного, внучка корпусного офицера Наталья Леонидовна Януш и другие. Все это было по крупицам собрано заведующей библиотекой очаровательной молодой женщиной Ольгой Владимировной Поповой, которая при поддержке начальника СВУ генерал-майора В. Скоблова организовала этот прекрасный праздник.

На юбилей, помимо названных выше, пришли потомки пажей Лермонтова, Семчевского, Жербины, Сиверса, из Москвы приехали потомки пажей Чавчавадзе и Баумгартена, из Франции — пажа Стенбок-Фермора, из Швеции — пажа Ванновского. Пришел и последний живущий в России паж Михаил Иванович Вальберг.

В полдень состоялся молебен в Александро-Невской лавре при участии всех гостей, суворовцев и офицеров СВУ. Затем после торжественного построения училища, на котором перед суворовцами выступил Михаил Вальберг, гости перешли под своды бывшей Православной церкви корпуса. На открытии музея были зачитаны поздравления от различных организаций и учреждений (в том числе — от Публичной

библиотеки, музеев Санкт-Петербургского Дворянского союза, Конгресса соотечественников, Санкт-Петербургского союза суворовцев), телеграмма от барона фон Фальц-Фейна (один из его предков, генерал Епанчин, был директором Пажеского корпуса).

В рассказах потомков перед нами ожили судьбы питомцев этих стен: К. Семчевского, любимого камер-пажа Николая II, который вместе с адмиралом А. Колчаком пытался спасти последнего русского царя до его гибели в Екатеринбурге! В. Семчевского, потопленного вместе с другими офицерами на барже в Белом море по распоряжению революционных властей; корнета М. Чавчавадзе, узника сталинских лагерей.

И еще об одном. В свое время значительная часть богатейшей библиотеки Пажеского корпуса была по распоряжению партийных властей вывезена в Таврический дворец, где и находится поныне без всякой пользы. Все усилия Ольги Владимировны Поповой по возвращению книг в стены корпуса пока не увенчались успехом. Пользуясь случаем, присоединяю свой журналистский голос в поддержку ее справедливых требований.

Журн. «Гардемарин»
13 января 1993 г., С.-Петербург

К юбилею Пажеского корпуса

15.01.93

Дорогой Николай Александрович!*

Спасибо вам за теплое поздравление и присланные материалы в музей. Все это очень интересно и, конечно, необходимо для дальнейшей работы. Получила также бюллетень. С большим вниманием прочитала отзывы кадет о поездке в Россию. Очень понравилась фотография — потомки пажей на фоне Пажеского корпуса.

Жаль, что Вы не смогли присутствовать на юбилее. Это был настоящий праздник. В 12.00 был отслужен молебен в Александро-Невской лавре. Были потомки пажей (около 40), паж М. И. Вамберг (он учился 2 года в Пажеском корпусе до его закрытия), суворовцы, офицеры, много гостей.

Молебен прошел великолепно. Затем все приехали в корпус, где состоялся торжественный марш в честь 190-летия. И, наконец, открытие музея. Были зачитаны поздравления в адрес музея Пажеского корпуса. Но было обидно, что кадеты нас не поздравили.

Николай Александрович, если бы Вы знали, как я была рада видеть счастливые лица потомков пажей. Ведь они впервые за долгие годы смогли познакомиться друг с другом и, конечно, увидеть стены Пажеского корпуса, тесно связанные с их именами. Кроме того, благодаря помощи Конгресса соотечественников вышел к юбилею проспект. Звучала с хоров духовная музыка (бывшая Православная церковь). И дай Бог, чтобы она звучала в этих стенах как можно чаще. Закончился праздник небольшим застольем.

Надеюсь при встрече подарить Вам проспект (а, может, будет оказия?). Если будет возможность, передайте, пожалуйста, привет А. Иордану.

Желаю Вам всего самого доброго.

Искренне Ваша О. Попова**

191011 С.-Петербург,
Садовая, 26, СВУ,
Библиотека

---

* Н. А. Хитрово — сын пажа.

** О. Попова — заведующая библиотекой.

Ю. МЕЙЕР

РОКОВЫЕ ОШИБКИ

Как очевидцу трагических событий в феврале и октябре 1917 года в Петрограде, мне часто задают вопрос: каким образом царская власть не смогла справиться с первым мятежом, и тот превратился в ураганный, который заставил капитулировать все силы порядка? Будучи тогда очень молодым, я не понимал политической обстановки, и только теперь могу довольно правдоподобно объяснить настроения масс, приведшие к революции.

История Российского государства, особенно XVIII век, богата заговорами и переворотами. Все эти перевороты имели одну общую черту: народ в них не участвовал. Политических партий не было. Зачинщиками и исполнителями были представители аристократии и военных.

Так подошел роковой декабрь 1916 года. В высших кругах общества и особенно среди молодых гвардейцев шли упорные и возмущенные разговоры о необходимости заточить императрицу в монастырь. Ей ставили в вину то, что она — немка, что она — за сепаратный мир. Все это было клеветой. Особенно ей ставили в вину то, что она послушно следовала советам мужика — сибирского крестьянина Распутина. У этих людей не было человеческой жалости к глубоко несчастной женщине, спасавшей жизнь любимого сына, страдавшего гемофилией.

Заговорщиками, как и прежде, были члены династии и аристократии: великий князь Димитрий Павлович, племянник государя и князь Феликс Юсупов, женатый на племяннице государя, дочери его сестры — вел. кн. Ксении Александровны. Была, однако, и существенная перемена в составе заговорщиков. Среди них был лидер крупной правой политической партии в Государственной Думе Пуришкевич, а также частный доктор Сухотин.

Об убийстве Распутина знал на следующий день весь город. Вместо того чтобы сурово покарать виновных, государь проявил слабость. Великий князь Димитрий Павлович был сослан в Персию в действующую там русскую дивизию под команадой генерала Баратова. Это спасло жизнь князю, так как останься он в Петрограде, он был бы убит, как многие другие члены династии. Князя Феликса Юсупова сослали в его поместье в Курской губернии. Убийство Распутина и реакция на него государя широко открыли врата грядущей революции.

А между тем русское государство доблестно выдержало в 1915 году кризис снарядного и патронного голода, хоть и пришлось уступить врагу громадные территории. Благодаря общественным организациям — Земству и городским управлениям — буквально каждый точильный станок в любом захолустье стал крутить снарядные стаканы. Казенные заводы поспевали изготовлять боевые головки, снарядный голод был изжит, и уже летом 1916 года генерал Брусилов разбил австрийцев, развив широкое наступление. То же сделал генерал Юденич, гоня турок в Малой Азии.

Главное командование и ставка рассчитывали весной 1917 года перейти в решительное наступление по всему фронту и разгромить немцев. Однако уже осенью 1916 года обнаружился новый кризис — острый недостаток людей на всех уровнях командной лестницы. В боевых частях на фронте были серьезные потери среди младших офицеров. Достаточно привести как пример знаменитый бой под Каушанами, где эскадроны конного полка и кавалергардов атаковали немецкую ландверную бригаду; взяли, под командой ротмистра барона П. Н. Врангеля, батарею, но потеряли при этом 16 офицеров из состава двух полков.

В пехотных частях осенью 1916 г. был большой недостаток младших офицеров, и Ставка дала приказ всем кавалерийским полкам, не стоявшим в окопах, командировать туда младших офицеров в пехотные части.

Ранней весной 1916 года были призваны миллионы рядовых уже среднего возраста. Петроград был военным городом. В нем и в окрестностях в мирное время стояли три пехотные гвардейские дивизии, три кавалерийские и множество других частей. Казармы для пехотного полка были рассчитаны на 4200 солдат.

Теперь все эти казармы были заполнены новобранцами по 6000—7000 человек в каждой. Бытовые условия стали ужасными. Но самым страшным было отсутствие унтер-офицерского состава.

Прибывших ничему не учили. Для примера, младший унтер-офицер Левкович, в обучение которому отдали трех вольноопределяющихся лицеистов — Гильшера, меня и правоведа Никольского, уделял нам раз в неделю по 2 часа. И так около 300,000 призванных ничего не делали и уже без разрешения уходили в город и висели на трамваях. В большинстве это были крестьяне, беспокоившиеся — кто будет работать в деревне, когда начнется пахота и сев? Ведь дома остались одни бабы и старики.

Революционные элементы прекрасно понимали, что если Россия весной и летом одержит решительную победу, о революции придется на долгие годы забыть. Русской победы нельзя было допустить.

И вот они бросили своих пропагандистов и агитаторов в казармы. Вход туда был свободен. Командиры запасных батальонов беспомощно взирали, как там гремели митинги. За лозунг «Война до победного конца» можно было поплатиться жизнью.

Командующим войсками Петроградского округа был генерал Хабалов, доблестный кавказец, герой на полях сражений, но совершенно не знакомый с условиями гарнизонной жизни в столице, притом при наличии 300,000 недовольных мужиков и рабочих. Председателем Совета Министров был Керенский — неистовый пустобрех. Когда Корнилов предложил ему военную помощь, Керенский заявил, что «опасность — справа». Градоначальник князь Оболенский, его помощник по гражданским делам Лысогорский, директор департамента тайной полиции Белецкий, все были обычные чинуши, неспособные к решительным шагам. А в Таврическом дворце — в Государственной думе бушевало левое крыло из большевиков, меньшевиков, левых и правых социал-революционеров, при запуганных конституционных демократах, октябристах и националистах и малодушном председателе Михаиле Родзянко.

Что же касается молодежи, то она просто не понимала, что грозит России. Дело в том, что весной 1916 года все студенты, кроме оканчивавших в том году высшие учебные заведения, были призваны на военную службу. Им давалось 4 месяца, чтобы поступить в военное училище или добровольно определиться в действующую армию. От воинского порыва 1914 года не осталось и следа. Вот показательный пример: очередной курс в Пажеском корпусе начинался 1 июня 1916 г, все вакансии были заполнены, а следующий ускоренный в том же Пажеском корпусе начинался 1 февраля 1917 года, так что мы, лицеисты, правоведы и другие, имевшие право на поступление в это учреждение, ловчили разными способами и льготные четыре месяца растянули на восемь.

Но хуже всего было следующее: младших офицеров готовили школы прапорщиков на четырехмесячных курсах. Даже известные военные училища значительно сократили свои курсы, большей частью с двух лет до 9 месяцев. Такого рода прапорщики никуда не годились. При этом следует иметь в виду, что масса студентов университетов и высших институтов, оторванных таким образом от занятий и к тому же революционно настроенных, ненавидели войну и правительство и соответственно агитировали солдат.

Попытка Корнилова прийти на помощь Керенскому в Петрограде полностью провалилась, а генерал Крымов застрелился, убедившись, что верных частей вообще нет.

Иллюстрирую полную пассивность и растерянность тех лиц в столице, которые должны бы были всеми средствами

защищать монархию. Вице-директор Пажеского корпуса, генерал-лейтенант Риттих, заменявший директора генерал-лейтенанта Усова, отбывшего на фронт, старался вообще ничем себя не проявлять. Полковники Карпинский, Фену и Чернояров и отделенные офицеры братья Лимонты Ивановы, Поздеев, Щербацкой, старались вообще скрыть существование корпуса. Он был переименован в Петроградскую военную школу. В день общих похорон жертв революции на Марсовом поле нас не только не послали разогнать революционную толпу, а обезопасили нас, выхлопотав для нас неожиданную функцию. Французский посол Морис Палеолог и английский Джордж Бьюкенен согласились принять нас, пажей, для охраны посольств. Вот так я и стоял на часах у ворот красного дома английского посольства выходившего фасадом на Марсово поле и смотрел, как рабочие, мужчины и женщины, взявшись за руки по 8 человек в ряду, вяло шагали, заунывно выкрикивая: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Все выглядело тогда хаотично и нелепо: Пажеский корпус, как и другие учреждения, получил право послать постоянных делегатов в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Этой «чести» удостоился паж Желтухин — знатный москвич, который потом вышел в кавалергарды в пару с другим делегатом — конюхом.

В конце марта все военные части города были собраны к Таврическому дворцу для принесения присяги Временному правительству. Вот именно тут отличился своим красным бантом вел. кн. Кирилл Владимирович, командовавший Гвардейским экипажем. Но и с нашей колонной произошел инцидент, указывающий, как все было подло и унизительно. Нас встретил предствительный крупный человек в штатском пальто и громко отрекомендовался: «Ваш старший фельдфебель вас приветствует!» Это был председатель Государственной Думы Михаил Родзянко, камер-паж государя, заслуживший самый почетный титул для пажей его величества.

Наш лагерь под Красным Селом был захвачен бандой бунтовавших солдат, и главного летнего строевого обучения мы не получили. Нас на несколько дней посылали то в Сестрорецк, то в Александровскую слободу, то в Павловск. Таким образом нас ничему не научили. В промежутки начальство давало нам отпуска и радовалось, когда корпус пустел. Я за это лето раза четыре ездил к нам в имение в Орловской губернии, где было спокойно.

При таком общем развале представление на выход в определенную часть стало абсурдом. Поэтому в нашем выпуске оказалось несколько десятков человек, которые выходили по общей кавалерии, не называя части, чтобы сохранить свободу выбора. Юнкера же Николаевского кавалерийского училища продолжали играть в прежние традиции, представлялись в полки, чуть ли не шили себе формы мирного времени и волочили особо выгнутые сабли.

Вот, в нескольких примерах, картина полного развала и растерянности.

Был, однако, благоприятный момент после неудачной попытки большевиков в июле совершить переворот. Они перепугались, и даже Ленин счел нужным скрыться. Он отправился в Финляндию и поселился там в частном доме. Этот момент был упущен офицерами и юнкерами в Петрограде. Несколько решительных людей могли бы арестовать Ленина в его убежище. В этом отношении мы позорно спасовали перед евреями. Среди них оказались люди идейные — члены Боевой организации социал-революционеров. Каннегиссер убил главного чекиста Петрограда Урицкого, а еврейка Дора Каплан покушалась на Ленина, еще один еврей убил важного большевика Володарского. Вот печальный отчет, как наше высшее командование и молодежь правящего слоя оказались беспомощными и неспособными к сопротивлению.

АЛЕКСЕЙ АРСЕНЬЕВ

МОЛЕБЕН О СПАСЕНИИ РУССКОГО И СЕРБСКОГО НАРОДОВ В РУССКОМ ХРАМЕ В БЕЛГРАДЕ

Воскресная литургия в Неделю Всех Святых, в земле Российской просиявших, 20 июня 1993 г. в русском храме Св. Троицы в Белграде способствовала особым молитвенным настроениям и в наши дни испытаний, бед и нужд Сербии, прихожан озаряла непоколебимым божественным светом люб-

ви, братства и памятью о прошлых подвижниках православных.

Чинодействовал настоятель храма, митроносный протоиерей о. Василий Тарасьев и несколько священников Сербской православной церкви. За обоими клиросами поочередно пели русский хор этого храма и хор им. Святого Стефана Дечанского Успенского храма из Нового Сада, исполнивший сербские и русские песнопения.

Глубоко символичным оказалось это сочетание в молитве сербов и русских — духовенства, хористов и прихожан, вступивших под своды храма, построенного русской эмиграцией в 1924 г. После литургии были отслужены молебен о спасении православных сербского и русского народов, и поминовение по сербским королям, российским императорам и убиенным: императоре Николае II, царской семье и югославском короле Александре I, верном друге России. (Королевство Югославии последним в Европе признало СССР и лишь в 1940 г. вступило с ним в дипломатические отношения).

В присутствии консула и военного атташе при посольстве Российской Федерации в Белграде была отслужена панихида по всем русским и сербским воинам, погибшим в войнах 1912—1920, 1941—1945 и 1991—1993 гг. По почину Белградского объединения выпускников русских кадетских корпусов в Королевстве Югославии состоялось торжественное освящение Андреевского флага Российского флота и возложение его у могилы генерала П. Н. Врангеля, рядом с российским трехцветным знаменем (освященным в этом храме в 1992 г.). Хор Святого Стефана Дечанского исполнил российский гимн «Боже царя храни» и старый югославский «Боже правде», а русский хор — песню «Спите, орлы боевые».

Вблизи от могилы генерала Врангеля, последнего верховного главнокомандующего вооруженными силами России, в присутствии казаков-добровольцев, прибывших с фронта в Боснии, была открыта и освящена гранитная мемориальная плита с именами донских казаков, павших за сербское дело: «Богословский Константин, Ганиевский Василий, Котов Геннадий, Чекалин Дмитрий, Нименко Андрей, Шашинов Владимир, Попов Дмитрий, Мелешко Сергей, Александров Александр, Гешатов Виктор — павшие за сербов в 1992—1993 гг.». Плита установлена на стене по правую сторону от западных врат храма.

На ней высечено лишь десять имен, хотя погибших больше. Перед отправлением на фронт большинство воинов исповедалось и причащалось в этом храме. Среди погибших есть казаки, оставшиеся верными воинскому завету — живым не сдаваться врагу. Повторяется то, что происходило в 1870-е годы, когда русские под командованием генерала Черняева пошли на помощь братьям-сербам, обороняя святое православие. Русские гибли на Балканах и в мировые войны нашего века. Сербы не забыли их — памятники и мемориалы русским воинам любовно охраняются в Белграде.

После богослужений в трапезной русского прихода состоялась очередная дружеская встреча бывших кадет и институток русских учебных заведений в Югославии, на которой неожиданно впервые присутствовали представители посольства Российской Федерации в Белграде. Были произнесены приветственные тосты, упомянуто имя Николая Гартвига, российского посланника в Королевстве Сербии (верного друга сербского народа, смелого дипломата, умевшего действовать и говорить правду о настоящем положении дел в Сербии до июля 1914 г.). В беседе не остались забытыми и судьбы русских людей в Югославии после 1944 г., несправедливое отношение к ним органов Красной армии и правительства СССР. С радостью отмечено, что налаживаются контакты бывших выпускников кадетских корпусов на чужбине с выпускниками суворовских и нахимовских военных академий в нынешней России, о возрождении Донского императора Александра III кадетского корпуса в Новочеркасске. Встреча прошла в стремлении забыть прежние обиды и жестокости русских к русским, в укреплении братских отношений и взаимопомощи сербского и русского народов.

Как и «Дни русской культуры», проведенные в апреле сего года в Белграде, когда отмечалось 60-летие Русского дома, так, несомненно, и воскресение 20 июня 1993 г. стало знаменательной датой в культурной истории наших народов и стран.

Новый Сад, Сербия

ЕЛЕНА БОНДАРЕВА

ДНИ ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II В БЕЛГРАДЕ

В майские дни этого года отмечались две даты из жизни последнего российского императора Николая II — 125-летие со дня рождения и 75 лет со дня страшного злодеяния в Екатеринбурге. Сербская православная церковь откликнулась на это событие и в храме Святого Александра Невского, при котором весной этого года было основано православное Братство им. Св. Александра Невского, состоялась панихида по Царю-мученику и «Дни памяти императора Николая II», отмеченные братством на совместных собраниях с 19 по 21 мая, когда были заслушаны сообщения и состоялись содержательные беседы. Настоящее Братство такие коллоквиумы проводит регулярно и уже слывет негласным Православным университетом в Белграде. Сюда приходит много молодых людей, получающих под кровом гостеприимного настоятеля храма протоиерея Любодрага (Петровича) ответы на важнейшие вопросы современного бытия. Важно помнить, что храм Александра Невского был в свое время русским воинским храмом.

Сразу после богослужения к собравшимся обратился со словом о значении личности последнего русского царя для Сербии протоиерей Лазарь Милин. Он отметил особое значение именно для православной Сербии судьбоносных решений императора: в 1912 г. поддержавшего борьбу сербского народа против турок, в 1914 г. выступившего в защиту православной Сербии от притязаний Австро-Венгрии и Германии, в 1916 г. спасшего изнеможенную сербскую армию после Албанского похода, принудив союзников помочь ее эвакуации. Отречение императора Николая II в Сербии было воспринято с тревогой и горечью. Сербия лишилась своего великого заступника. После гибели царской семьи в сербском народе возникло естественное отношение к ним как к святым, новым жертвам во имя православия.

Со словом о сущности цареубийства как богоборческого и человеконенавистнического акта выступил митрополит Черногорско-Приморский Амфилохий (Радович). Он уподобил жертву императора Николая II жертве святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

Цареубийство — это не просто политическое убийство, как нас пытаются убедить. Против помазанника Божьего восстали все темные силы.

Владыка Амфилохий высказал убеждение, что с убийством царской семьи завершилась целая эпоха в истории Церкви, эпоха, начавшаяся в 313 г., когда святой царь Константин даровал верующим свободу исповедания, после чего Римская империя стала христианской державой, основанной на гармонии Церкви и царства. Для православных народов этот идеал остался непоколебимым и сегодня.

Однако с 1918 г. началась новая эпоха, когда Церковь оказалась «в пустыне» (по определению В. Соловьева), в мире не только чуждом, но и враждебном ей. На смену вульгарно-атеистическим методам коммунистической идеологии пришли методы лукавого «нового мирового порядка», избравшего пленом своего разрушительного воздействия саму человеческую душу. Сербский народ оказался «жертвенной пробой» новой методики.

Мысли митрополита Амфилохия получили подтверждение и развитие в ряде других сообщений. О метафизических корнях коммунистической философии говорил сербский христианский философ Жарко Видович.

Елена Бондарева — корреспондент «Литературной России» в Сербии, познакомила слушателей с современным положением Русской православной церкви в России, с различными видами антиправославной деятельности в современном обществе — от разрушения морально-этических основ до пропаганды ересей и прямого насилия. Ужас вызвал рассказ о гибели трех православных монахов в Оптиной Пустыни на рассвете Светлого Воскресения Христова.

Важный аспект был освещен сербским церковным архитектором Предрагом Ристичем в сообщении «Смысл разрушения православного храма» на примере взрыва храма Христа Спасителя в Москве.

Епископ Будимский Данило (Крстич) подчеркнул, что православная монархия — это единственная система власти, признающая Бога над собой, в отличие от «гражданского общества» (от Бога отрешившегося) или от социализма (Богу враждебного).

В совместном выступлении доктор философии Синиша Елушич и известный художник Драган Мойович раскрыли «богоборческий» характер искусства авангарда и модернизма.

Андрей Витальевич Тарасьев и на этот раз удивил своей обширностью познаний и теплотой чувства. Он, потомок русских беженцев от революционного кошмара, продолжающий раскрывать своим ученикам на филологическом факультете дорогу к познанию святой Руси, рассказал о порядке и истории возникновения и канонизации православных святых.

Горячо и воистину проповеднически говорил о связях Русской и Сербской церквей профессор богословского факультета, дирижер хора «Мадригал» Предраг Миодраг, воспитанник Петербургской духовной семинарии.

Под кровом храма Св. Александра Невского звучала «Вечная память» святому мученику Николаю II и его семье, добровольно и сознательно принявшим на себя крест страдания во имя спасения души России, души православия.

Белград

РУССКИЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ В РОССИИ 1980-х—1990-х ГОДОВ

Приведенный ниже список далеко не покрывает всех изданий, увидевших свет в России за последние годы. Часто авторы узнают о выходе своих творений лишь годы спустя. Поэтому в списке возможны существенные пробелы, за которые заранее приносим извинения.

По поступившим сведениям, ряд книг уже в полном наборе лежит в типографиях в ожидании притока бумаги.

Все это, естественно, не относится к изданиям старых зарубежных классиков — Бунина, Зайцева, Набокова и др, которые с меньшими затруднениями продолжают издаваться и сегодня.

*

И. Андрушкевич — «Микроистория», изд-во «Благовест», Новосибирск, 1991.

Н. Белавина — Стихи, «Тюмень литературная», 1992.

Г. Благовидов — «Последний поезд из Берлина», роман, изд-во «Орбита», Москва, 1992.

В. Вейдле — «Три России», ж. «Русский рубеж», изд-во «Литературная Россия», Москва.

С. Голлербах — Рассказы и эссе, ж. «Собеседник», № 47, Москва 1990; ж. «Волга», № 9-10, Саратов, 1992; ж. «Человек и природа», № 12, Москва, 1992; газ. «Независимый курьер», 18, 19, 20 июля 1993, Воронеж.

Р. Гуль — «Дзержинский», биография, ж. «Москва», № 5, 1991.

И. Елагин — Стихи, «Новый мир», № 12, 1988; «День поэзии», 1989; «Литературная газета», № 48, 1988; «Дальний Восток», № 9, 1990; «Нева», № 8, 1988; «Книжное обозрение», № 24, 1989; «Огонек», № 21, 1988; «Вечерняя Москва», № 23, 1989; «Поэзия», № 54, 1989; «Драматургия», № 3, 1990; «Радуга», № 2, 1990; «Рубеж», № 1, 1992; «Подъем», № 4, 1990.

Д. Кленовский — Стихи, «Огонек», № 21, 1988 и др.

И. Лукаш — «Голое поле», ж. «Русский рубеж», № 5, изд-во «Литературная Россия», Москва.

П. Муравьев — «Полюс лорда», роман, «Роман-газета», №№ 19-20, 1992; рассказы и эссе ж. «Москва», № 5, 1991, и «Литературная Россия», 1992-1993; пьеса, альм. «Бежин луг», Москва, 1993.

П. Пагануцци — «Правда об убийстве царской семьи», Москва, 1991.

Л. Ржевский — «Две строчки времени», роман, изд-во «Север», С.-Петербург, 1992; статьи — ж. «Литературное обозрение», №№ 1и 2, 1992 и др. 1992, 1993.

В. Сенкевич — «Избранное», стихи, «Остерская типография», 1992; перевод поэмы «О кипарисах» М. Баррингер, ж. «Октябрь», № 3, 1990; «Последние дни И. Елагина», ж. «Новый мир», № 3, 19990. Подборки стихов: ж. «Семья», №№ 15, 21, 1990; ж. «Октябрь», № 3, 1990; ж. «Лазурь», № 2, 1990; ж. «Московский комсомолец», №№ 1, 4, 1990; ж. «Союз», №№ 5, 22, 1990; ж. «Слово», 1990; газе. «Трезвость и культура», № 3, 1991.

Ю. Сречинский — «Как мы покорялись», ж. «Благовест», Новосибирск, 1991.

Н. Ульянов — 16 эссе в ж. «Родина», №№ 6-7, 1990; № 2, 1991; № 6, 1992; ж. «Русская литература», № 2, 1992; ж. «Вопросы философии», № 8, 1990; ж. «Москва», № 10, 1990; ж. «Человек», № 1, 1990; газ. «Вместе», «Северовосток»,

«День», «Литературная Россия»; ж. «С.-Петербургская панорама», 1992; «Происхождение украинского сепаратизма» (отрывки), ж. «Москва», 1992; «Россия XXI»; «Сириус» (в наборе); «Происхождение украинского сепаратизма», изд-во Института славяноведения и балканистики, Москва, 1993 (в наборе); роман «Атосса», “Роман-газета“, Москва, 1993; О Н. И. Ульянове: «газ. Саратовского ун-та», 1992; газ. «Воронежский курьер», 1992.

Н. Федорова — «Семья», роман, «Роман-газета», № 10, 1992.

Б. Филиппов — Рассказы и статьи, ж. «Москва», 1992 и др.

ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогие друзья!

Прошло уже 20 дней с момента нашего прощания, и за все это время не было ни одного дня, чтобы я не вспомнил наши встречи, беседы, застолья. Первое время было грустно, сиротливо. Горечь расставания наложила отпечаток на мое тогдашнее настроение. Но жизнь берет свое, грусть уходит, и сейчас мои воспоминания — это огромная радость и счастье от того, что судьба подарила мне эту встречу. Вы не представляете себе, как много она для меня значит, ведь благодаря вам я впервые по-настоящему ощутил себя русским человеком, теперь предстоит огромная работа, чтобы стать им. Стать не по записи в паспорте, а очистив душу от ложных, навязанных ей ценностей и восстановив смысл жизни, осознав, что только мы и никто другой можем и должны воссоздать державу Святорусскую.

По прибытии на службу я, конечно, поделился впечатлениями от наших встреч со своими товарищами, сослуживцами. После краткого экскурса в историю кадетских корпусов за рубежом, рассказал им о жизни ваших объединений, о жизни русских кадет, рассеянных по всему миру, но не расторгнутых. Слушали открыв рты. А после окончания моего краткого рассказа я попал под перекрестный огонь вопросов по всем краеугольным моментам жизни нашего многострадального отечества. Офицеры хотели услышать ваше мнение как нравственный ориентир.

Поначалу я растерялся — много было вопросов, которых мы в наших беседах или не касались вовсе, или затронули вскользь. И мне кажется, я нашел выход из положения, обратившись к тому главному, что осталось после встреч, — чувству удивительного духовного родства.

Вы, в большинстве своем рожденные вне России, прожившие эти долгие трудные годы, не соприкасаясь с родной землей, сумели сохранить духовные ценности, завещанные предками, сумели сохранить душу народа, и эта душа, голосом многих поколений, говорит о родине, о защите государства, о чести и достоинстве страны, о красоте подвига и о позоре предательства.

Но это голос и моей души, души, карабкающейся из-под обломков марксистско-ленинской идеологии и атеизма. Значит десятилетия забвения прошлого не смогли уничтожить во мне память предыдущих поколений, и это еще одно подтверждение тому, что Россия — страна не одна из многих, а особое духовное явление в мире.

Теперь, когда меня спрашивают о вашей точке зрения на тот или иной вопрос, я всегда, мысленно посоветовавшись с вами, излагаю НАШУ точку зрения, оговариваясь, что ее разделяют, по крайней мере, те, с кем я близко общался. Я думаю, ты мне простишь этот небольшой грех.

Дорогой друг, осталась в моей душе одна заноза, которая нет-нет да напомнит о себе.

Как-то в беседе о нашей экономике мы с нашими ребятами проезжались на злобу дня и ты сказал: «Господа, мне кажется, вы становитесь циниками». Мгновенно моя реакция — обида, но по зрелому размышлению я понял, что для человека, воспитанного на идеальном образе России и живущего в стране с разумными законами, такое издевательское отношение к государственным установлениям — цинизм.

Для нас же это защитная реакция на «идиотизм» власть имущих. Не будь этого цинизма, надо было бы или застрелиться самому, или перестрелять марионеток. Как ты понимаешь, ни то, ни другое не выход из положения.

Но положение в стране, положение страны и место нашего гипотетического объединения в этой системе — большой отдельный вопрос. По этому вопросу я готовлю записку, которая после обсуждения в кругу нахимовцев будет переправлена тебе для распространения среди кадетских объединений.

Светская хроника: по Т.В. был репортаж о нашем посещении Свято-Сергиевской лавры, и вы выглядели как звезды телеэкрана; жизнерадостность, добросердечие, теплота и добрый юмор еще долго будут служить примером для нашей молодежи. Должен вам сказать, что вы совершенно очаровали моих детей.

О многом еще хотелось написать, но, как говорится, надо кончать, доброго вам здоровья и всем вашим родным, привет всем кадетам Нью-Йоркского объединения.

Ваш друг
Петербург, 8 октября 1992 г.

23.IV-93 г. Екатеринодар

Многоуважаемый Юрий Иллиодорович!

Благодарю Вас за 52-й номер «Кадетской переклички». У меня все номера, кроме 51-го. Е. Е. Гирс присылал их мне. На днях прибыл на Кубань П. И. Величко (Ромон) и сообщил, что Е. Гирс умер. Как жаль. У меня осталось несколько его записок. «Кадетскую перекличку» можете посылать в новые кадетские училища, которые открываются при вашей поддержке в России, а также казакам. В сентябре месяце (числа 25-го, кажется) на Кубани собираются провести Всемирный конгресс Кубанских казаков. Еще раньше приедут в Новочеркасск ваши кадеты.

Я хочу написать книгу «Доска печали» (помните такую доску в Музее ветеранов в Сан-Франциско?). О чем? О последних наследниках белых воинов. Да и о нас самих. Если будет что-нибудь ценное (письма, записки и прочее) — присылайте! Я писал об этом М. М. Скворцову в Лос-Анджелес. В деле возрождения нельзя распыляться, надо воспитать и поддержать тех, кто в душе уже давно был готов к тому. Эти и потянут первый воз. Внимание к воспитанию детей — тоже правильно. Будьте разборчивы: к вам отсюда приезжают порою проходимцы.

Пишу ночью; завтра отдам конверт П. И. Величко. Он бросит его в почтовый ящик в Америке. Письма стали пропадать.

До свидания!

Ваш ***Виктор Лихоносов***

Дорогой Юрий Иллиодорович!

В светлые, радостные дни Святой Пасхи пришел пакет с «Кадетской перекличкой» (№ 52). Большое, от всего сердца, спасибо! Дай Бог сил и здоровья редколлегии и в дальнейшем достойно продолжать Белое Дело. Спасибо за ваш труд! Спасибо за замечательный русский журнал!

Очень опечалила кончина Евгения Евгеньевича Гирса. Теперь я понимаю, каких трудов стоило ему, несмотря на болезнь, выслать в прошлом году комплект «Кадетской перклички» (9 бандеролей!). Примите наше глубокое соболезнование. Вечная память!

С интересом прочитал доклад полк. Е. Исакова. Очень радует все более активное сотрудничество кадет и суворовцев. Между прочим, полк. Исаков где-то 2-3 года назад по Центральному телевидению впервые познакомил российских телезрителей с вашим подлинно Белым журналом. Сейчас, к сожалению, о подобных телепередачах приходится только мечтать. С приходом «демократов» к власти телепередача «Слово» (еженедельно по 2 часа), посвященная православной культуре, русской истории и грядущей России, была закрыта. Ныне все каналы и волны заполнены всевозможными нерусскими передачами. Ну, ничего, выстоим...

На всякий случай сообщаю Вам два адреса, где с большим удовольствием получали бы «Кадетскую перекличку».

1. *Россия, 692880, Приморский край*
г. Партизанск, ул. Герцена, 17
Георгию Сергеевичу Туровнику
2. *Россия, 692880, Приморский край*
г. Партизанск-14, А/Я 3
Алексанадру Владимировичу Качаеву.

Георгий Сергеевич Туровник работает вместе с супругой в сельской школе. Мне думается, «Кадетская перекличка» будет им хорошим подспорьем в национально-православном воспитании своих учеников.

А. В. Качаев работает корреспондентом в газете. Надеюсь, что материалы «Кадетской переклички» будут использованы для газетной работы.

Сейчас в журнале «Наш современник» (№№1—3) за этот год публикуется докум. повесть о ген. Кутепове. Со страниц этой повести вырисовывается довольно яркая личность ген. Кутепова, есть места, посвященные российским кадетам.

В прошлом году в газетах «Русский вестник» и «Литературная Россия» были материалы о поездке группы кадет в Россию. Некоторые кадеты даже совершили дальние поездки в глубь России — в Сибирь! Будем надеяться, что в недалеком будущем и Хабаровск, и Владивосток также будут поссещены российскими кадетами.

Заканчивая свое письмо, хочу выразить Вам наилучшие пожелания и еще раз поблагодарить за Ваш труд.

Всего доброго!

С уважением

О. Батурин

Многоуважаемый Юрий Иллиодорович!

Извините, что не мог сразу ответить на Ваше письмо, так как был очень занят.

Большое Вам спасибо за очередной номер «Кадетской переклички» (№ 52). Я нашел его для себя очень интересным и содержательным. Крайне признателен Вам, а также покойному г-ну Гирсу за то, что вы меня сделали подписчиком этого уникального журнала. К сожалению, частных лиц, которые бы хотели получать этот журнал, мне найти не удалось, однако могу Вам порекомендовать сделать подписчиком Центральный государственный военно-исторический архив России (Москва, 107005, ул. 2-я Бауманская, 3).

Не желая оставаться перед Вами в долгу, я, в свою очередь, мог бы посылать Вам интересующую Вас литературу; сейчас, слава Богу, в России проблем с книгами нет. Единственное что может представить проблему — это пересылка, так как отправка посылок из России за границу стоит очень дорого и нет никакой гарантии, что они дойдут до адресата. Самый надежный способ — это посылать бандероли с оказией, через проверенных людей. Если я могу что-то для Вас сделать, пожалуйста, пишите, не стесняйтесь.

Еще раз большое спасибо, с приветом

Дмитрий Белановский

Мой адрес: *Россия, 103006, Москва, Долгоруковская ул., д. 5, кв. 98.*

ВЛАДИМИРСКИЙ КОНКУРС В АМЕРИКЕ

В мае месяце сего года состоялся ежегодный Владимирский конкурс на историко-литературные темы, устраиваемый Объединением кадет российских кадетских корпусов в Нью-Йорке для учеников русских приходских школ и гимназии.

Были предложены две темы:

1. Русская Америка в XVIII и XIX вв.: ее историческое, экономическое, культурное и религиозное наследие.

2. История и значение Белого движения в России.

Участвовали две приходские школы и одна гимназия, от каждой по одному ученику, что свидетельствует о значительном снижении интереса к конкурсу из-за недостаточного знания учениками русского языка, о чем уже упоминалось в предыдущих сообщениях.

Мы считаем, что история русской Америки, как и история Белого движения, являются важными периодами в русской истории, к которым ученики русских школ должны быть хорошо подготовлены, считаясь с огромным количеством пособий, учебников и книг, дающих полную картину этих событий.

Видно, что ученики старались, по мере возможностей, правильно осветить эти события, но недостаточное знание языка мешало им точно выразить свои мысли.

Конкурсная комиссия после всестороннего обсуждения работ пришла к следующуему решению.

Лучшей работой признано сочинение Димитрия Молчаненко, ученика Свято-Кирилло-Мефодиевской русской церковной гимназии в Сан-Франциско, и ему присуждена награда в размере 100 долларов.

Вторую премию в размере 75 долларов получил ученик Свято-Покровской приходской школы в Наяке — Александр Маличек.

И третью премию в размере 50 долларов получила ученица Св. Александро-Невской приходской школы в Лейквуде — Наталия Ермолаева.

Переходный Владимирский стяг в этом году присужден не будет и вернется в Нью-Йорк к председателю Комиссии.

Комиссия благодарит директоров и учителей школ, участвовавших в конкурсе, и высоко ценит их самоотвержен-

ную работу на пользу молодежи и присуждает каждой школе единовременное пособие в размере 75 долларов.

Всем награжденным будет выслана «Россия в XX веке» Ю. В. Изместьева.

А. Б. Иордан,
Председатель комиссии

ВЛАДИМИРСКИЙ КОНКУРС ДЛЯ КАДЕТ СУВОРОВСКИХ УЧИЛИЩ В РОССИИ

В мае месяце состоялся первый конкурс для кадет суворовских училищ в России, устроенный Объединением кадет российских кадетских корпусов. Участвовало 3 суворовских училища: Екатеринбургское, Ульяновское (Симбирское) и Уссурийское.

Суворовцам была предложена тема: «Наука побеждать» А. В. Суворова — его роль в воспитании русского солдата.

Конкурсная комиссия проверила полученные сочинения и вынесла следующие решения:

1. Комиссия, вместе с Нью-Йоркским объединением кадет российских кадетских корпусов за рубежом, выражает большое удовлетворение тем, что нам удалось войти в контакт с помощью полковника Евгения Павловича Исакова, с начальниками суворовских училищ, давших разрешение на участие суворовцев в этом литературно-историческом конкурсе и тем продолжить многолетнюю традицию проведения конкурса среди кадет.

2. Нас удивило, что суворовские училища, в которых мы побывали во время нашей встречи с председателями суворовских клубов, не участвовали в этом конкурсе. Насколько мне известно от старших суворовцев, эта встреча произвела очень хорошее впечатление на молодежь и их начальство.

3. Мы с большим интересом и радостью прочли сочинения; все были написаны с большой любовью к нашему великому полководцу и с большим интересом ко всему, что было им написано о воинском искусстве, его советам по воспитанию русских солдат.

4. Нас огорчило, что в большинстве сочинений почти что ничего не сказано о А. В. Суворове как верующем христианине, который каждое дело начинал и заканчивал молитвой.

Приведем несколько фраз из «Завещания» А. В. Суворова:

«Чудо-богатыри, покой, слава Отечества — с нами Бог. Молись Богу, от Него победа. Пресвятая Богородица, спаси нас. Святителю отче Николае, моли Бога о нас. Без сей молитвы, оружья не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай. Всякое дело начинать с благославлением Божиим».

Мы верим, что во время Великой Отечественной войны ваши отцы и деды в тяжелую минуту в боях произносили про себя молитву: «Господи, помилуй меня грешного и сохрани». Этим словам, этим заветам учили нас в кадетских корпусах, и мы их разнесли по всему миру, ибо на всех континентах находятся кадетские объединения с одинаково воспитанными кадетами. Нам бы хотелось, чтобы эти заветы полководца не были забыты.

В конце своего «Завещания» А. В. Суворов опять возвратился к тому же вопросу и написал:

«Помилуй Бог, мы русские. Восстановим по-прежнему веру в Бога Милостивого. Очистим беззаконие».

5. Комиссии пришлось вынести решение с большим трудом, ибо все сочинения были написаны на высоком уровне. Заключительное решение следующее.

Первую награду поделили — суворовцы Екатеринбургского СВУ Тимощук Александр и Пепеляев Димитрий, написавшие сочинение вместе, и Рогозин Павел, суворовец Екатеринбургского СВУ.

Вторую награду получил вице-сержант 3-го взвода 5-й роты Суворин Андрей.

Третью награду получили суворовец Екатеринбургского СВУ Семененко Александр и суворовец 8-й роты Ульяновского СВУ Кропачев Владимир.

Комиссия благодарит всех суворовцев, участвовавших в конкурсе, всех начальников суворовских училищ, преподавателей и воспитателей, вкладывающих всю свою душу в воспитание будущих русских офицеров.

Мы также еще раз благодарим полковника Е. П. Исакова за его старание по устройству этого конкурса, несмотря на физическое недомогание. Он — издатель журнала «Кадеты — юнкера», с которым следует познакомиться каждому суворовцу. Лучшие сочинения будут опубликованы в журнале «Кадетская перекличка».

Мы русские — с нами Бог!

А. Б. Иордан,
Председатель Конкурсной комиссии

ВЕЛИКОЕ БУДУЩЕЕ НЕВОЗМОЖНО БЕЗ ПОИСТИНЕ ГЕНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО

«Наука побеждать» А. В. Суворова

...Карабинеры не выдержали ужасного натиска и сломя голову помчались назад, к оврагу. Турки, ободренные успехом, кинулись с диким воем на пехоту. Апшеронцы встретили их дружным залпом пушек и ружей. Но турок было слишком много. Еще миг — и огромная волна проскочила эту огненную преграду и обрушилась на каре.

Черные африканские янычары уже спрыгнули на землю. Не боясь быть раздавленными лошадьми спагов, они лезли между всадниками, с остервенелым криком бросаясь вместе со спагами на русскую пехоту. Около получаса турки ожесточенно лезли на каре.

В это время Бурнашев успел перестроить свои эскадроны и смело кинулся во фланг турок. Кроме того, турки попали под перекрестный огонь смоленцев, перешедших овраг. Турки дрогнули и побежали. Теперь спаги удирали одни, бросив африканцев-янычар на произвол судьбы...

Да, тяжко приходилось русскому солдату в те времена, но российская армия с древних времен славилась своей неустрашимостью, решительностью и высоким патриотическим духом.

Эти качества прививались офицерам и солдатам с древности, о чем свидетельствуют многие документы, дошедшие до наших дней. Основа российской армии — солдат: от его мужества, стойкости, крепости духа зависел зачастую исход сражения.

«Солдат» — слово чужеземное, по-русски — «воин, ратник, оруженосец». Он должен почитать и беспрекословно повиноваться приказам своих начальников от генерала до унтер-офицера. Во времена Екатерины II проводились рекрутские наборы, заложенные еще Петром I, — солдат служил почти всю жизнь. Он должен был уметь не только владеть оружием и передвигаться строем, но и владеть такими навыками, которые понадобятся ему в любое, а особенно в военное время. Нового рекрута обучали не только офицеры, но и старые солдаты. В солдате крепили чувство патриотизма, презрения к опасностям и самой смерти. Старались из них сделать не просто людей, а военных людей, которые никогда бы не осквернили не только своей чести, но и чести отечества. На Руси слово «солдат» было применительно не только к рядовым, но и к офицерским чинам, потому что солдатами называли людей, носивших военные мундиры.

Если основу армии составляли рядовые солдаты, то эту основу организовывали, крепили офицеры. Слово «офицер» созвучно со словом «благородный». Трудностей на плечи офицера ложилось не меньше, чем на солдат, а может быть, даже больше. Он должен был обучать солдат, быть личным примером как в бою, так и в повседневной жизни. Офицер нес ответственность не только за себя, но и за свое подразделение. Офицер обязан был объединять в себе качества, основой которых являлся ум, долг чести, благородство, храбрость и неустрашимость. Без них все другие качества ничтожны.

Все эти качества как солдата, так и офицера, крепили дисциплину и сплоченность армии. Армия представляла собой небольшое государство. И как в каждом государстве есть свой закон, так и в армии есть свой устав, который заключал в себе всю военную жизнь.

Но жизнь не стоит на месте, все меняется. Меняется и устав, происходило его усовершенствование, вводилось что-то новое. А все нужное и мешающее несению службы либо отмирало, либо исправлялось путем военных реформ.

Продолжателем реформ, начатых еще Петром I, в армии были Петр Алексанадрович Румянцев и Григорий Александрович Потемкин, их деятельность и проводимые ими реформы отразились в положениях устава русской армии и ее организации. В частности, Румянцевым были предложены в «докладе Екатерине II об организации армии» следующие статьи:

— «О заведении школ под титулом военных наук, художеств и ремесел»;

— «О непрестанном занятии войск потребным учением».

Большой заслугой Потемкина являлось упрощение военной формы одежды. Потемкин считал, что военная форма предназначена не для щегольства, а для успешного ведения боевых действий. Форма должна служить человеку, а не человек форме: «Красота одежды военной состоит в равенстве и соответственности вещей с их употреблением». Но все же преобразований, проводимых Румянцевым и Потемкиным, было недостаточно. Армия была уязвимой, неповоротливой, медлительной, не хватало умных, решительных офицеров. Была слаба тактическая основа армии, недостаточна обученность армии — все это плохо сказывалось на ведении боевых действий. С появлением Суворова происходят коренные изменения в армии, благодаря его стараниям и знаниям военного искусства, российская армия стала одной из сильнейших армий того времени.

А. В. Суворов была продолжателем семейной традиции. Отец его, В. И. Суворов, начал военную службу ординарцем Петра I и закончил ее главным интендантом русских вооруженных сил. Естественно, это повлияло на взгляды мальчика. Но в детстве Суворов был ребенком слабым, хилым, дурного сложения и некрасивым, зато рос резвым мальчиком, подвижным. Рассказы отца о недавнем прошлом Петра I и проведенных им войнах, чтение книг военного и исторического содержания возбудили особый интерес у мальчика к героям древних времен и военным событиям. Все это волновало воображение мальчика. Уже в эти отроческие годы от природы болезненный подросток принялся закалять свое здоровье, изнуряя себя физическими упражнениями, скачкой на лошадях, стал воспитывать себя как личность. Все это говорило о том, что его сила воли была несоизмерима с его возрастом. Имея такую большую силу воли, он становится крепким, здоровым и готовым к любым испытаниям нелегкой военной службы.

Уже в двенадцатилетнем возрасте Суворов был записан на службу в Семеновский гвардейский полк, но службу начал с 1748 года. За шесть лет прошел ступени от солдата до поручика. Вскоре молодой офицер получил назначение в Ингерманландский пехотный полк. С зачислением его в Семеновский полк началась военная служба А. В. Суворова. Семьдесят лет прожил Суворов, пятьдесят два года из них он провел в армии. Окончил службу генералиссимусом. Его заслуга заключается не только в том, что он дослужился до генералиссимуса и одержал множество побед, но и в том, что Суворов оставил после себя большое теоретическое наследие военного искусства в виде приказов, инструкций, обширной переписки. Среди его трудов «Наука побеждать» занимает одно из самых высоких мест.

Ни единого сражения А. В. Суворов не проиграл, слово «победа» созвучно с именем Суворова, и это не случайно. Все сражения были выиграны не числом, а уменьем. Под победой была заложена наука, основой той науки являлось наступление. Здесь Суворов был не одинок, его предшественник П. А. Румянцев показал преимущество наступления над обороной.

В своем труде «Наука побеждать», котороую можно подразделить на две части: «Ученье разводное, или пред разводом» и «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом» — Суворов ни разу не говорит об обороне и тем более об отступлении. Его наука была правильно и логически построена. Обучение начиналось со строевой подготовки и умения владеть оружием. Хотя на это уделялось мало времени, но это было тоже учение, довольно-таки немаловажное. Затем после «Учения на месте» шла тренировка в стрельбе как одиночная, так и подразделениями.

По завершении этих двух частей его науки приступали к отработке атаки. Они включали в себя следующие вопросы: примерная атака неприятельских линий, атака на конницу, атака колонной.

В этой части он рассматривает многообразие вариантов атаки. Каждый вариант расписан до мелочей, все действия солдат и офицеров точно определены и отрабатывались до автоматизма. Атака для Суворова была не просто маневром, а своеобразной психологической обработкой солдат.Все обучение солдата было направлено на атакующие его действия. Тем самым Суворов настраивал солдат на победу.

Если в первой части Суворов ставил акцент на совместное действие подразделения, то во второй Суворов подходит индивидуально к каждому солдату, начиная свое обучение для солдата опять же со слова «атака». Суворов видел русского солдата и его превосходство над другими не в бесполезной стрельбе, которая большого вреда противнику не причинит, а в рукопашном бою, ударе в штыки, отсюда и его изречения: «Береги пулю в дуле! Трое наскочат — первого заколи, второго застрели, а штык не обмишулится». А. В. Суворов пытался довести до солдата всю тонкость и важность атаки, учил их воевать так, чтобы действия в бою были осознаны, чтобы солдат понимал свой маневр, видел сильные и слабые места в тактике противника, знал, как действовать при взятии крепостей.

В своих поучениях для солдата он видел три воинских искусства: глазомер, быстрота, натиск.

Глазомер — умение предвидеть, выбирать.

Быстрота — искусство передвижения войск. Недаром суворовская армия считалась самой маневренной, быстрой.

Натиск — в это учение вкладывалась вся сила, мощь и умение русского солдата владеть оружием. Натиск — когда все вместе, одновременно, и тогда победа.

В трех этих искусствах он заложил основу «Науки побеждать». Суворов пытался внушить солдатам то, что они — армия, что армия — лицо страны, и как поведет себя солдат на чужой территории, такое впечатление сложится о России.

Он пытался искоренить в армии мародерство, грабежи, насилие. О своих подчиненных Суворов заботился как о своих детях. Как родитель учит своего ребенка бороться с трудностями жизни, так и Суворов учит своих солдат военному делу, заботиться о своем здоровье, дабы легче переносить лишения военной жизни.

Образ Суворова для нас интересен еще и тем, что ни один из военачальников как прошлого, так и нашего времени, не подходил к обучению солдата так близко и со всей душой, как Суворов. Используя простые слова, обороты, доступные малограмотному солдату, Суворов добивался понимания у солдат. В наше время это одна из сложных проблем, когда офицер не понимает солдата, а солдат офицера, когда в войсках редко видишь суворовскую заботу офицера о солдате, начальника о подчиненном.

Поэтому столь важна для изучения «Наука побеждать» в наше время.

Кроме этого, у Суворова есть еще чему поучиться: какова бы ни была техника, каков бы ни был прогресс в военном искусстве, все те же три искусства, выделенные Суворовым, приемлемы и для современного боя: глазомер, быстрота, натиск. В частности мы, как будущие офицеры, должны взять за основу своей деятельности суворовскую «Науку побеждать». Ведь за нами будущее, а великое будущее невозможно без поистине гениального прошлого.

Суворов был и всегда будет представителем нашего воинства.

Александр Тимощук, Дмитрий Пепеляев
суворовцы Екатеринбургского суворовского училища

2-й ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС В РОССИИ

23 апреля 1993 года в средних школах гор. Ногинска, пос. Черноголовка и гор. Волхов состоялся второй конкурс в России на историко-литературеые темы, устраиваемый Нью-Йоркским объединением кадет российских кадетских корпусов за рубежом при содействии Михаила Сергеевича Дроздова, кандидата физико математических наук, проживающего в пос. Черноголовка, Ногинского района.

Ученикам были предложены следующие темы:

1. Присоединение Сибири Ермаком, последствия и значение для России.

2. Как вы представляете себе Россию в 2000 году: ее культурное, политическое, экономическое и духовное положение.

Комиссия конкурса решила оценить участников конкурса отдельно, согласно выбранной ими теме.

Ученики, выбравшие первую тему правильно, оценили значение Сибири для России, подвиг Ермака и его сподвижников — казаков. Ермак учил свою дружину дружелюбно относиться к народам, населявшим Сибирь, к пленным, жен-

щинам и детям, что в дальнейшем послужило культурному, экономическому и политическому объединению этой разноязыкой и разноплеменной страны. Сибирь была и по сей день является прекрасной жемчужиной Российского государства с ее баснословным богатством в недрах земли, и с ее исключительной и редкой фауной и флорой. Ее речные и морские пути послужили развитию торговли, промышленности и использованию ее громадных запасов гидроэнергии. Нужно и хочется верить, что, по словам одной из участниц конкурса, «Умелое и умное использование всех богатств Сибири сделает Россию одной из самых развитых стран мира». Дай Бог!

Комиссия присудила первую награду ученице школы № 1 из г. Волхова, Ирине Ивановой, вторую — ученице школы № 9 из г. Ногинска, Елене Кулевой, и третью — ученице школы № 17 из г. Ногинска, Марии Тихоновой.

На вторую тему Комиссией было рассмотрено 8 сочинений из пяти школ. В данном случае ученики не могли основываться только на том, что им преподают в школе, а должны были сочетать знание того, что происходит сейчас в России, с тем, как они представляют себе Россию в 2000 году, проанализировать происходящее, предвидеть и предположить, что будет в будущем.

Нас порадовало то, что все ученики показали настоящую любовь к своей страждущей родине: большинство твердо верит в воскресение России как свободного, миролюбивого, культурного, экономически развитого государства. Они переживают упадок духовности и веры; они надеются, что Россия опять соберет многоязычные и многоплеменные дружественные народы, стремящиеся к всеобщему благополучию и взаимопониманию. За все это надо бороться, ничто само собой не дается. Только вера в Россию, в ее великое прошлое и счастливое будущее спасет Россию.

Комиссия присудила первую награду ученице школы № 5 из г. Ногинска Татьяне Изотовой за художественный, религиозный и самобытный подход к этой теме.

Вторую награду получила ученица школы № 5 из г. Ногинска Мария Геращенко. А третью — ученик школы № 82 из пос. Черноголовка Андрей Михальченко и ученица школы № 75 Виктория Негрий.

Сочинения Ирины Ивановой и Татьяны Изотовой будут напечатаны в «Кадетской перекличке», журнале Нью-Йоркского объединения российских кадетских корпусов.

Комиссия благодарит Михаила Сергеевича Дроздова и его неизвестных нам помощников за старание привлечь молодежь к участию в Конкурсе и в его организации. Молодежь — это будущее России, им надо давать возможность высказать свои мысли и показать любовь и веру в свою родину как в России, так и за границей, и помочь обмену мыслями, идеями и своим опытом.

Награды будут выданы М. С. Дроздовым согласно с условиями конкурса и решением устроителей.

Будем надеяться, что и в последующие годы русская молодежь продолжит участвовать в этом конкурсе.

А. Б. Иордан,
Председатель Конкурсной комиссии

РОССИЯ В 2000 ГОДУ

Второй Владимирский литературно-исторический конкурс в России

Как вы представляете себе Россию в 2000 году: ее культурное, политическое, экономическое и духовное положение?

«...Да святится имя твое».

Невозможно предугадать, какой жребий судьба преподнесет России, столь много испытавшей на своем веку. Были и подъемы, и полный упадок духовности.

Я думаю, будущая жизнь земли моей, политика, экономика, культура зависят от духовного состояния России.

Какова же моя Россия?

Я родилась в Белоруссии, и в детстве с непонятным упорством всех уверяла, что я белоруска, хотя мама и папа у меня русские. И не помню, когда же я осознала отчетливо и навсегда, что русская я.

Может быть, тогда, когда слушала сказки о добрых молодцах-богатырях и русских красавицах-девицах или когда бродила босиком по пыльным деревенским дорогам, купалась со сверстниками в Оке, объедалась земляникой, засыпала под колыбельную мамы?

Или оно само пришло со временем — это глубокое осознание себя россиянкой, постепенно, с открытием для себя Льва Толстого, Пушкина, Есенина, с преклонением перед героическим прошлым России.

Всей душой полюбила и сроднилась я с богатой природой земли русской и не представляю себе ее без зимы, морозной и снежной, без весенней капели и набухших, готовых вот-вот лопнуть почек вербы и березы, без скромных и нежных ромашек и колокольчиков. А как красочна и щедра наша подмосковная осень!

Особенно остро все это ощущаешь, когда попадаешь к своим родным в деревню, к бабушке и тетушкам. Они у меня удивительные: добрые, большие труженики, пережившие в жизни много горя, но сохранившие жизнелюбие, юмор, необыкновенную щедрость души и какую-то особенную русскую речь.

И я твердо знаю, что все это — моя Россия, моя Родина.

Мне сейчас только шестнадцать лет. Мне уже шестнадцать лет. Но я не понимаю, хочу и не могу понять, как могла такая огромная, богатая, сильная страна, как Россия, сегодня оказаться у черты «беспредела»? Почему опустошилась и огрубела душа русского человека? Ужасно видеть засилье и почитание во всем иноземного, такого чуждого мне.

Я живу в маленьком подмосковном русском городке и мне нравится, что я провинциалка. Здесь есть все, чтобы жить достойно, интересно людям любого возраста: храм для верующих, театр, музыкальная школа, клубы, стадионы, парки, библиотеки и даже прекрасный пруд.

Но что я вижу каждый день, выходя из дома? Усталые лица женщин, нередко пьяных, опустившихся мужчин, молодых людей, хорошо одетых, но таких одинаково грубых и безликих, серость, неухоженность домов, и сквозь это прорывается липкая, мерзкая, бесстыдная брань. Мне становится очень страшно... Я боюсь этих людей, боюсь улицы, боюсь привыкнуть и стать равнодушной к ним. И хочется поскорее спрятаться от всего этого, убежать в лес, побродить по парку, забыться за хорошей книгой, спектаклем.

Как хорошо, что я пока учусь в школе и живу с родителями, что у меня есть хорошие друзья. Пытаюсь не думать о том времени, когда мне придется уйти от них в эту такую непривлекательную сегодня взрослую жизнь...

И это тоже моя Россия.

Как и когда ты, моя Родина, потеряла свое лицо? Может быть, тогда, когда рушились храмы, осквернялись святые места, были забыты могилы предков, когда вседозволенность правила людьми? Как могло случиться, что твои христиане истребляли сами себя во имя светлых идей братства, равенства и всеобщей любви?

Горько и больно думать об этом.

Много вопросов, но нет на них ответов.

Но будущее проистекает из нашего настоящего. Я думаю, России суждено подняться и достигнуть былого величия и силы через веру и церковь. Созвучны с моими мыслями строки из стихотворения Ф. И. Тютчева:

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

Сегодняшняя Россия у меня олицетворяется с тройкой коней, несущихся в безумии в неизвестность.

Воскресенье. Утро. Я иду по главной улице просыпающегося города и сквозь шум городского транспорта слышу звон колоколов, пока еще такой робкий и недоверчивый. И он рождает во мне надежду на пробуждение моего народа, на возрождение России.

Звон колоколов... Как долго ждали тебя русские люди!

Возвести нам громче о былой славе, о чистоте помыслов и дел рук человеческих, о щедрости души и величии ее!

Пробуди нас ото сна долгого, горького, неправедного, устыди в содеянном и неприглядном, направь на путь созидания, единения, разума.

Колокола России, я верую в вас.

Татьяна Изотова,
Ногинск, Россия

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИИ

Зауралье и Сибирь не были для русских людей «землей незнаемой». Новгородцы начали торговать с уральскими югорскими племенами еще во времена Ярослава Мудрого. При князе Владимире Мономахе они ходили ратью «за Югру и Самоядь». Жители Двины и прочих северных новгородских владений знали, что путь за Урал «непроходим пропастьми, снегом и лесом». Но их неудержимо влекли на Урал и в Сибирь пушные богатства и всякого рода промыслы.

Первый большой поход в Зауралье возглавил князь Федор Курбский. Он прошел за Камень и разгромил отряды пелымского князя Юмшана в сече у устья реки Пелым. С Пелыма русские ратники двинулись по Тавде, Тоболу и Иртышу на Обь. Великие сибирские реки поразили их воображение. По возвращении на Русь они рассказывали, что «видели великую реку, а ширина ее шестьдесят верст». Экспедиция Федора Курбского завершилась в Кодской земле, на восточных притоках Оби. Кодский князь Молдан и многие другие югорские старейшины попали в плен и были уведены в Москву.

Через пятнадцать лет был предпринят новый поход в Зауралье. Его возглавил князь Семен Федорович Курбский. Слава об этом походе разнеслась по всему Северу. О нем говорили на посадах и в волостях.

Участвовал ли дед Ермака или другая его родня в Сибирском походе, сказать невозможно. Но в дальних краях побывали сотни двинских ратников. Их рассказы о великих сибирских реках, о диковинах далекой земли пленяли воображение людей.

По территории Сибирское ханство превосходило любое западноевропейское государство. Его владения протянулись с севера на юг на полторы тысячи верст. Сибирские татары вели кочевой образ жизни, перегоняя с места на место табуны лошадей.

С образованием Сибирского ханства Россия утратила свои владения в Зауралье и Сибири. Пути, которые вели на Восток, оказались перекрытыми. Тогда-то русские и обратили взоры к северным морям. Со временем отважные мореходы открыли Новую Землю, потом основали свои зимовья в устье Оби.

Пермские солепромышеленники Строгановы, используя услуги поморов, не раз посылали своих приказчиков в устье Оби, и те вели прибыльный торг с «самядью». Волжский атаман Ермак не раз нес службу в строгановских городках и сталкивался с приказчиками, ездившими по морю и по суше в устье Оби. Он охотно слушал рассказы о далекой Сибири.

Жизнь Ермака шла своим чередом. Молодость была позади, приближалось пятидесятилетие. Атаман был попрежнему крепок и мог помериться силой с любым из молодых казаков. Он накопил большой жизненный опыт и мог в критической ситуации принять единственно правильное решение. В казачьих станицах Ермак пользовался большим уваже-нием и славой. Он командовал флотилией волжских казаков.

В конце зимы 1582 года, получив расчет у воеводы, Ермак и его казаки отправились в родные зимовья на Нижнюю Волгу. Родные края неудержимо манили уставших ратников, но восстание народов Поволжья поставило казаков в трудное положение. Поэтому, не задерживаясь в Поволжье, они ушли в ногайскую степь на Яик.

Избранный главным походным атаманом, Ермак сосредоточил в своих руках огромную власть. Воеводские отписки тех лет позволяют заключить, что накануне сибирской экспедиции среди «воровских» казаков произошел раскол. На Яике остались те, кто олицетворял дух бунтарства и закоснел в непокорности.

Походное войско возникло из объединения отрядов, вернувшихся с царской службы, и «воровских» казаков, действовавших против ногайцев в Нижнем Поволжье. Будучи в Москве, гонцы Ермака заявили, что в Сибирь с ним отправилось 540 казаков. Набрав войско, Ермак велел соратникам готовиться в дальний путь.

Сибирская экспедиция Ермака началась с обычной оборонительной войны. Царь Кучум первым поднял меч, отправив войска грабить Русь. Пермский край подвергся кровавому нападению со стороны Сибирского ханства. Имея в своем распоряжении несколько казачьих сотен, Ермак выиграл оборонительный бой на Чусовой.

Отряд Ермака начал поход в сентябре. Даже при самых благоприятных условиях он никак не мог бы добраться до столицы Сибирского ханства Кашлыка ранее первых чисел ноября. Именно в это время сибирские реки покрывались льдом и речная навигация заканчивалась.

На легких речных ладьях казаки могли бы захватить внезапным набегом Кашлык. Но затем этот город неизбежно стал бы для них ловушкой. Глубокие снега и льды отрезали бы всякие пути к отступлению. А выдержать длительную войну с многочисленным татарским войском они не могли.

Казаки привыкли рисковать своими головами. И на этот раз ставкой в этой опасной игре была их собственная жизнь. Никто не мог предвидеть, чем закончится война с «сибирским султаном».

Чтобы не пустить русских к Кашлыку, татары сделали засеку у подножья горы на Чувашевом мысу. Ермак одержал победу и Кашлык был занят, но торжествовать было рано. Лихой набег удался, однако осень была на исходе и казачья флотилия не могла пуститься в обратный путь. Сибирские реки, служившие единственными путями сообщения, покрылись льдом. Казакам пришлось вытащить струги на берег. Началось их первое трудное зимовье. Часть казачьего войска обосновалась на озере Абалак, в 15 верстах от Кашлыка. Пребывание казаков на Абалаке кончилось трагедией. Царевич Маметкул выследил казаков и напал на них. Узнав о беде, Ермак бросился вслед за Маметкулом и в упорном бою разгромил его войско.

Победа горстки казаков над военными силами обширного Сибирского ханства труднообъяснима. Однако надо иметь в виду, что в первых столкновениях с войсками Кучума Ермак нанес противнику столь мощный удар, что психологически тот долго не мог от него оправиться. Моральный фактор имел большое значение в войнах того времени.

Не занятие Кашлыка, а победа под Абалаком окончательно определила успех сибирской экспедиции.

Когда казаки овладели «царствующим градом» Сибирского ханства и окончательно разгромили армию Кучума, им пришлось подумать, как организовать управление завоеванным краем. Долго спорили казаки, наконец атаман велел писать войсковой приговор: подвести «живущих тут иноязычных людей под государеву царскую высокую руку» и всех их — татар и остяков, и вогулов привести «к шерсти по их верам на том, что им бысть под его царскою рукою до веку, покамест Русская земля будет стояти», «и зла никакого на всяких русских людей не думать и во всем стоять в прямом постоянстве». Так большое товарищество казаков утвердило историческое решение о присоединении Сибири к России.

Получив сообщение о «сибирском взятии», Иван Грозный отдал приказ, согласно которому Ермак должен покинуть Сибирь, едва туда прибудут московские ратные люди. Указ обнаруживал, сколь далек был двор от понимания всего того, что свершилось в Сибири. Никто из московских сановников не догадывался, что без Ермака плоды «сибирского взятия» будут утрачены мгновенно. Указ Грозного нанес сибирской экспедиции сильный удар. Ермак не получил помощи, на которую твердо рассчитывал.

С наступлением лета 1583 года из Кашлыка в Москву выехала делегация в составе 25 человек. Когда Ивану IV доложили о прибытии гонцов Ермака из Сибири, он оценил важность привезенных известий и отдал приказ о подготовке «зимнего похода» в Сибирь. После беседы с казаками царь убедился в том, что уральские перевалы непроходимы в зимнее время. И поход был отменен. Экспедицию отложили на весну.

На втором году пребывания в Сибири ермаковцы столкнулись с реальной угрозой голода. В разгар зимы смерть стала безжалостно косить стрелецкий отряд.

Вскоре Ермак предпринял свой последний поход. Поводом к выступлению послужило то, что в Кашлык приехали торговые люди. Они жаловались Ермаку, «что их Кучум не пропускает в Сибирь». Поход на выручку к бухарцам завершился катастрофой. В последней ночной стычке поредевший отряд понес небольшие потери, но лишился испытанного вождя. Прикрывая отступление отряда, Ермак отбивался от наседавших врагов, пока не был ранен и не свалился в воду. Смерть Ермака означала конец экспедиции.

Казаки Ермака сделали первый шаг. Следом за ними на Восток двинулись крестьяне, промышленники-звероловы, служилые люди. В борьбе с суровой природой они отвоевывали у тайги землю, основывали поселения и закладывали очаги земледельческой культуры.

Сближение русского народа с местным населением благоприятствовало развитию края, преодолению вековой разобщенности сибирских народов. В этом сближении заключалось все будущее Сибири.

Нынешняя Сибирь, чем шире раскрывается она миру, тем более привлекает и волнует человечество. И невольно вспоминаешь слова А. Радищева. Еще в XVIII веке он говорил: «Как богата Сибирь своими природными дарами. Какой это мощный край! Нужны еще века, но как только она

будет заселена, ей предстоит сыграть важную роль в летописях мира».

Сибирь поражает воображение не только своими размерами — ее площадь 100 миллионов квадратных километров, но и своим богатством. В ее недрах большая часть разведанных в стране запасов угля, нефти, золота, газа, алмазов, цветных и редких металлов, не говоря уже о традиционном богатстве края — пушнине.

На территории Сибири живут представители различных языковых групп, каждая из которых имеет свою историческую судьбу.

История Сибири есть история не только огромной страны, не только колоссальных ее пространств и их освоения, но и всего этого разноязычного и разнокультурного множества племен и народов. А вместе с тем история их сложных связей и отношений с народами не только соседних, но и нередко весьма отдаленных стран Востока и Запада.

Ирина Иванова,
Волхов, Россия

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

КНЯЗЬ ТЕЙМУРАЗ КОНСТАНТИНОВИЧ БАГРАТИОН-МУХРАНСКИЙ

10 апреля 1992 года в Нью-Йоре скоропостижно скончался князь Теймураз Константинович Багратион-Мухранский, кадет XII выпуска Первого русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса (Белая Церковь, Югославия).

Теймураз был сыном офицера кавалергардского полка (позже флигель-адъютанта Его Императорского величества), князя Константина Багратион-Мухранского и дочери вел. кн. Константина Константиновича княжны Татьяны Константиновны, позже принявшей иноческий сан и ставшей игуменьей Елеонского женского монастыря в Иерусалиме, приняв имя Тамары.

Покойный был праправнуком императора Николая I со стороны матери, а со стороны отца — потомком грузинского царского рода Багратионов.

Отец Теймураза погиб на фронте в 1915 году. После революции семья выехала в Швейцарию, откуда в 1927 году переселилась в Югославию.

Княгиня Тамара, старшая сестра ныне здравствующей княжны Веры Константиновны, привезла своих двух детей в г. Белая Церковь, где Теймураз поступил в 4-й класс 3-й роты Крымского кадетского корпуса, а дочь Наталия — в Мариинский Донской институт в том же городе.

По словам одноклассников, Теймураз рос в кадетской среде как равный среди равных. Начальство и кадеты его не выделяли и не оказывали ему специального внимания. Теймураз держал себя скромно, участвуя во всех играх и проделках кадет.

После расформирования Крымского кадетского корпуса он продолжал учиться в Первом Русском кадетском корпусе, которому было присвоено шефство вел. кн. Константина Константиновича, деда Теймураза.

Хотя начальство старалось иногда предоставить князю кое-какие привилегии, он всегда от них отказывался и остался до окончания корпуса в 1932 г. другом и товарищем, равным со своими однокашниками.

По окончании корпуса князь поступил в югославскую Военную академию, а затем в течение десяти лет прослужил в гвардейском конно-артиллерийском полку югославской армии, в рядах которой принял участие в войне против Германии.

Вскоре Теймураз переселился в Швейцарию, где занимал до 1949 года различные должности при югославском посольстве в Женеве, Париже и Лондоне. В 1949 году, по предложению графини Александры Львовны Толстой, Теймураз вошел в состав администрации Толстовского фонда; был сначала его представителем в Бейруте, затем председателем Фонда. Одновременно он в течение 20 лет состоял председателем американской благотворительной организации «КЭР» и членом правления Американского Совета Добровольных Агентов Помощи, а также одним из учредителей «Интеракшен» — организации, объединяющей 100 различных агентств помощи. Многие русские и беженцы из других стран, находившихся под игом коммунизма, обязаны своим благополучием покойному.

13 апреля князя Теймураза отпевали в Синодальном храме в Нью-Йорке епископ Илларион с сонмом духовенства. Церковь была заполнена молящимися. Владыка Григорий произнес надгробное слово, подчеркнув, что усопший применил свою веру к самому важному в христианской жизни — к служению ближним. Братья-кадеты несли почетный караул у гроба покойного, бывшего вице-унтер-офицера и знаменщика корпуса.

Теймураз на всех кадетских табельных днях продолжал выносить знамя Полоцкого кадетского корпуса и никогда не терял связи со своими товарищами-кадетами. На годовых собраниях Нью-Йоркского объединения кадет его всегда единогласно выбирали председателем собраний.

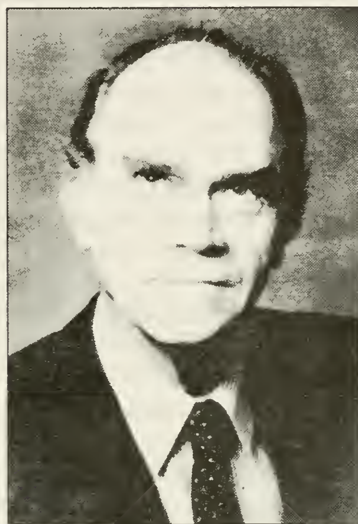
Будучи верующим православным христианином, покойный был старостой братства при храме Знамения Божией Матери, почти не пропуская служб и относясь внимательно к своим обязанностям. Теймураз также был председателем Попечительства при Синоде Русской Православной Церкви За границей, председателем Палестинского общества и членом Православной Церкви Грузии.

Не стало нашего дорогого Теймураза, и мы шлем наше искреннее выражение соучастия в незаменимой утрате его супруге княгине Ирине Сергеевне и тетушке, нашей старшей сестре, княжне Вере Константиновне.

Кадеты

СКОРБНАЯ ВЕСТЬ

ТИХОН НИКОЛАЕВИЧ КУЛИКОВСКИЙ-РОМАНОВ

Уходит старая Россия.

8 апреля сего года в Торонто скончался и 13 апреля предан земле капитан датской королевской гвардии Тихон Николаевич Куликовский-Романов, старший сын вел. княгини Ольги Александровны и лейб-гвардии полковника Николая Александровича Куликовского, внук императора Александра III и родной племянник царя-мученика Николая II.

Тихон Николаевич, будучи правнуком датского короля Христиана IX, состоял в родстве с датским, британским, норвежским, греческим и испанским королевскими домами. Его уважали за его знание русской истории и истории дома Романовых. Тихон Николаевич был для русского Торонто своего рода символом России, «которую мы потеряли».

Поразительно похожий на своего деда Александра III, высокий, стройный, несмотря на возраст, с военной выправкой, он отличался необыкновенной скромностью в обращении с людьми. В то же время, великолепно зная русскую и военную историю, в дружеском общении Тихон Николаевич был не только информированным, но и доброжелательным, веселым и на редкость остроумным собеседником.

Он родился в 1917 г. в Крыму, а в 1920 г. был увезен родителями в Данию, куда уже прибыла из охваченной революцией России бабушка Тихона Николевича, вдовствующая императрица Мария Феодоровна (до брака с императором Александром II — принцесса Дагмара, дочь датского короля Христиана IX).

Несмотря на то, что детство и отрочество Тихона Николаевича протекали в датских придворных кругах, он был воспитан в русском духе, прекрасно говорил по-русски и был тесно и непосредственно связан с беженцами из России, так как дом его родителей постепенно сделался центром русской колонии в Дании. Достигнув совершеннолетия, Тихон Николаевич вступил в датскую королевскую гвардию и дослужился до чина капитана.

В 1948 г. семье Куликовских пришлось покинуть гостеприимную Данию. Причиной послужило то, что вел. кн. Ольга Александровна с семьей после 2 Мировой войны помогала бежать в Южную Америку русским невозвращенцам и военнопленным, не желавшим возвращаться на родину-мачеху. Советский Союз предъявил претензию датскому правительству. Советские войска стояли в нескольких километрах от датской границы, политическое положение Дании было шатким. Чтобы не доставлять лишних неприятностей стране, семья Куликовских уехала в Канаду, где Тихон Николаевич в течение многих лет работал в Департаменте дорог провинции Онтарио.

Тихон Николаевич был человеком искренне религиозным. Сначала он был прихожанином храма Христа-Спасителя (юрисдикции Американской митрополии), но после принятия Американской церковью автокефалии перешел в Св.-Троицкий храм, принадлежащий Русской Зарубежной Церкви.

Последнее время Тихон Николаевич был почетным председателем Фонда помощи России им. Е. И. В. вел. кн. Ольги Александровны, который за полтора года существования переслал ощутимую помощь в обездоленнное наше отечество. Как будет недоставать его благожелательного присутствия на заседаниях правления Фонда и его деловых, разумных советов.

Как-то на одном из Кадетских съездов, делая доклад о своей покойной матери, многолетней покровительнице кадетского объединения в Торонто, Тихон Николаевич сказал следующее: «...она всей своей жизнью дала пример глубочайшей веры в Бога и безграничного доверия к Нему, способ-

ствующего все в жизни принимать безропотно. Она также дала пример безусловной и всепоглощающей любви к России и русскому человеку, волею суровой судьбы оказавшемуся поко-ренным носителями чужеродной идеи, но стремящемуся к общей цели — освобождению России от власти безбожников».

Эти слова его в полной мере характеризуют самого Тихона Николаевича. Любовь к Богу, к России и к русским людям была его главной отличительной чертой.

Правление Фонда Помощи России им. вел. кн. Ольги Александровны выражает глубокое соболезнование супруге Тихона Николаевича, его верной помощнице Ольге Николаевне (председательнице Фонда помощи России им. Е.И.В. вел. кн. Ольги Александровны), его дочери Ольге Тихоновне и падчерице Татьяне Алексеевне с семьей. А Тихону Николаевичу — вечная память и царствие небесное.

Правление Фонда помощи России
им. Е.И.В. вел. кн. Ольги Александровны

Последние дни

Тихон Николаевич Куликовский-Романов почувствовал себя плохо 6 апреля и был отвезен в Women's College Hospital. В госпитале установили, что он перенес сердечный припадок (инфаркт миокарда). Его оставили для наблюдения в коронарном отделении, но вскоре, уже в госпитале, произошел второй сердечный припадок — разрыв миокарда. Тихон Николаевич оставался в сознании, отвечал на вопросы медицинского персонала, говорил с супругой Ольгой Николаевной. Утешая ее, он сказал, что боль терпима. Тихона Николаевича перевели в Торонтский General Hospital, где его анестезировали, чтобы дать возможность безболезненно провести некоторые процедуры. Во время этих процедур сердце его остановилось, однако его вернули к жизни.

После полудня 7 апреля д-р Девид, известный хирург-кардиолог, решился на операцию, почти не надеясь на благополучный исход. Операция длилась три часа. После ее окончания хирург объявил семье, что, к его изумлению, операция была успешна. «А теперь все в руках Божьих», — добавил он, так как считал Тихона Николаевича тяжело больным. Воспрянувшую духом семью: Ольгу Николаевну, дочь Ольгу Тихоновну и падчерицу Татьяну Алексеевну пустили к Тихону Николаевичу, бывшему еще под наркозом.

8 апреля утром Ольге Николаевне позвонили из госпиталя, что произошел новый инфаркт. Несмотря на все усилия д-ра Девида и персонала, после второй операции в 8 часов утра Тихон Николаевич скончался.

В храме Св. Троицы на Генри-стрит служили ежедневные панихиды. Тело Тихона Николаевича 2 дня находилось в похоронном бюро, а затем было перевезено в храм Св. Троицы. Панихиды проходили при очень большом стечении народа. Гроб был покрыт русским трехцветным и романовским флагами, на них лежали русский геральдический знак (двуглавый орел) и подушка с военными наградами. Вокруг стояли цветы от семьи, большой белый православный крест из гвоздик.

Венки, корзины, букеты от частных лиц и многочисленных организаций, а именно: кадетских объединений, казачьих станиц, благотворительного Фонда им. Вел. кн. Ольги Александровны (Фонд помощи России), американских помощников Фонда — супругов Стюарт и Ирины Кер из г. Винсент (Индиана), «Сербской братской помощи», Российской организации «Морфлот», семьи гр. Игнатьева, кн. Давида Чавчавадзе с супругой, бывших сослуживцев Департамента дорог провинции Онтарио и многих других.

От молящихся была собрана крупная сумма для отсылки в монастыри на помин души раба Божьего, воина, боярина Тихона, а в Благотворительный фонд помощи России под попечительством Тихона Николаевича поступили многочисленные пожертвования.

Около гроба стояли 4 флага: русский трехцветный и романовский, датский королевский и канадский. Между флагами и гробом бесшумно сменялся почетный караул из русских кадет и чинов датской королевской гвардии, живущих теперь в Канаде.

В переполненном храме 13 апреля 1993 г. было совершено отпевание Владыкой Илларионом Манхеттенским, в сослужении прот. о. Владимира Мальченко, прот. о. Георгия Беляя, прот. о. Иоанна Григоряка и диакона о. Михаила Любощинского.

Присутствовали представители и друзья из-за границы и Канады: от кадет Нью-Йорка — И. И. Агатов, атаман Общеказачьей станицы в Кливленде — Е. М. Ткаченко; член парижского фонда, который помогает России, — А. Ф. Максимов; супруги Хазовы из Швейцарии; начальник «Русского имперского союза-ордена» — К. К. Веймарн и его председатель — Д. К. Веймарн (оба из Монреаля); принц Герман цу

Лейнинген, внук царя Бориса Болгарского; многие датчане, живущие в Торонто, во главе с датским консулом г-ном J. Holm Jensen и его супругой; несколько членов «Ассоциации датской королевской гвардии», один из которых служил в Дании под началом капитана Тихона Николаевича Куликовского. Также присутствовали члены "The Ontario Modern Soldier Society", членом которого был Тихон Николаевич как знаток и историк русской и иностранной военной формы.

Тихо и проникновенно пел хор, пополненный хористами св. Воскресенской церкви и храма Христа Спасителя. Траурный кортеж растянулся на несколько кварталов — Торонто провожал Тихона Николаевича в последний путь.

Он был погребен на кладбище Йорк (Торонто) рядом со своими родителями Е. И. В. вел. кн. Ольгой Александровной и лейб-гвардии полковником Н. А. Куликовским.

После похорон все собрались в зале Св.-Троицкого храма на поминальную трапезу, которую, оторвавшись от собственных предпраздничных хлопот, устроило сестричество храма. Церковный зал был переполнен. В конце трапезы о. Владимир сказал краткое слово об усопшем.

О. В. Гипп, Н. Г. Косачева и Джемс Литл прочитали письма и телеграммы от: Ее Вел. Маргариты, королевы датской; Объединения кадет Лос-Анджелеса; Благотворительного фонда им. вел. кн. Ольги Александровны; А. М. Хохлушина и И. В. Николаева — представителей отделения Благотворительного фонда им. вел. кн. Ольги Александровны в Санкт-Петербурге; д-ра В. А. Владимерцева с супругой и А. А. Зеленова — представителей отделения в Москве; князя и княгини Никиты Романова из Нью-Йорка; князя и княгини Николая Романова из Рима; В. В. Гранитова, председателя Союза членов русского корпуса (Сан-Франциско); Ассоциации датской королевской гвардии (Торонто); Марфо-Мариинской общины; Объединения кадет (Вашингтон); Православного братства во имя царя-мученика Николая II (Москва), попечителем которого являлся Тихон Николаевич; его Высокопреосвященства Архиепископа Антония Сан-Францисского; Екатеринбургского православного братства св. царских мучеников; Лангикоского музейного общества (Финляндия), в ведении которого находится усадьба с рыбачьим домом царя Александра III; Нового Валаама (Финляндия), а также многих частных лиц.

Телеграммы Ее Величества королевы Елизаветы и принца Филиппа пришли с опозданием на следующий день.

Из Вильмаусона (Франция) прот. Вениамин Жуков прислал икону св. мученика царевича Алексея.

В России, узнав о болезни Тихона Николаевича, молились сначала о его здравии.

Как пишут из Православного братства во имя царя-мученика Николая II, были оповещены духовные лица Санкт-Петербургской, Екатеринбургской, Костромской и Воронежской епархий. Совершались молебны во многих московских и подмосковных церквах и соборах. Узнав о кончине Тихона Николаевича, по всей России начали молиться за упокой. Братство сообщает, что «за это время свои глубокие соболезнования выразили: Московское дворянское собрание, община Марфо-Мариинской обители, руководящий и преподавательский состав императора Алексанадра III Донского кадетского корпуса, община храма Симеона Столпника на Яузе, община храма св. Ильи Пророка, представители других патриотических организаций и множество частных лиц».

Характерно, что из потока соболезнований, шедших со всех концов света, ясно вырисовывался образ Тихона Николаевича — истинно русского, исполненного душевного благородства, но на редкость скромного человека, посвятившего свою жизнь делу возрождения России.

Как сказал в своем слове О. В. Гипп: «Для многих Тихон Николаевич был символом веры, порядочности и любви к отчизне. Для многих он был лучом надежды на возрождение России».

«Православная Русь», № 10,
Джорданвиль, 1993

ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ГИРС

Женя родился в Евпатории в 1914 г. в семье военного судьи. Революция, гражданская война, эвакуация, беженство и, накнец, город Велики Бечкерек, Югославия (тогда еще Королевство СХС).

Женю отдают в Крымский кадетский корпус в г. Белая Церковь. Он был хороший ученик, хорошего поведения. Одно-классники и друзья любили его и уважали как хорошего товарища.

В 1929 г. Крымский корпус был закрыт, и последние три года (6, 7 и 8 классы) Женя учился в Донском кадетском корпусе, завершив его в 1933 г. в звании вице-урядника.

Осенью того же года он поступил на технический факультет Белградского университета. Но болезнь отца не дала ему возможности закончить высшее образование; пришлось служить и поддерживать семью. В Европе бушевала война и Женя был призван в армию — в школу запасных офицеров.

6 апреля 1941 года война перебросилась и на Югославию. Через три недели все было кончено, Югославия капитулировала. Женя оказался в германском плену и пробыл там до окончания войны. Вернувшись в Югославию, работал в «родном» городе и вскоре женился на Нине Николаевне Воронковой.

В 1952 году супруги перебрались в США, где вели до выхода на пенсию трудовую жизнь; принимали участие в общественной жизни русской колонии Нью-Йорка. Будучи членом кадетского объединения, Женя взял на себя трудную обязанность администратора журнала «Кадетская перекличка», который был внутренним органом кадетских объединений.

Вместе со своей верной помощницей Ниной Николаевной Женя поставил журнал на деловую ногу, увеличив число подписчиков. Подбором авторов и статей редактор журнала

Коля Козякин сделал его интересным для широкого круга читателей. Еще до периода гласности Женя нашел каналы, по которым «Кадетская перекличка» шла в СССР — бесплатно, за счет особого фонда. Наш кадетский журнал вышел на дорогу русской общественности.

Мы — оставшаяся кадетская семья, шлем тебе, дорогой Женя, нашу благодарность и низкий поклон. В наших сердцах ты остался отличным товарищем, другом, кадетом и Человеком с большой буквы. Вечная память!

До встречи!

Кадеты

В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ
Памяти друга

Я покинул Донской кадетский корпус из младших классов, так как мои родители переехали на жительство во Францию. Жили мы на юге в маленьком городе, где русских было мало. С бывшими питомцами кадетских корпусов мне не пришлось встретиться до Второй мировой войны.

В Германию я попал как французский военнопленный. Заболев в лагере, я был помещен в госпиталь в Берлине, откуда по выздоровлении вернулся в лагерь в пятидесяти километрах от Берлина. Там меня отвели на проверку в отдел кадров, где были заняты работой несколько французов и югославов.

В ожидании я стоял в приемной с моим часовым. Вскоре подошел ко мне молодой югослав и спросил на чистом русском языке: «Вы, Бабкин, случайно не Донской ли кадет и ваш папа не был ли генералом и директором корпуса?» После моего утвердительного ответа он представился: «Я Женя Гирс, бывший донской кадет; нас здесь в лагере несколько русских из югославской армии. Сейчас тебя поведут на дезинфекцию, а потом в барак для новоприбывших. В обеденное время в приду за тобой».

Так я познакомился с Женей. Наша дружба продолжалась и будет жить в моем сердце до конца моей жизни.

В этот период (август 1942 г.) немецкая армия подходила к Волге, и в лагерь стали прибывать транспорты советских военнопленных, которых необходимо было зарегистрировать. По рекомендации Жени я был принят на эту работу ему в помощь, что избавило меня от отправки на работу в деревню или на завод.

В лагере жизнь была довольно монотонной и нарушалась лишь очередными бомбардировками окрестностей лагеря. Мы с Женей жили в разных бараках, но ходили в гости друг к другу. В хорошую погоду встречались на спортивной площадке. Женя и наш общий друг Роман Образ (Пека), тожде Донской кадет, были хорошими игроками в волейбол.

В 1943 году, после больших потерь на фронте, немцы пополняли убыль солдатами охраны и служащими администрации лагеря, которых заменяли военнопленными. Как последствие этой меры у Жени образовался целый штаб. Кроме немецкого фельдфебеля, который по-русски не говорил, в русском отделении всем дирижировал Женя.

Транспорты с военнопленными стали приходить реже; главная работа состояла в проверке посылаемых на работы или возвращающихся оттуда. Списки доставлялись из отдела труда, а наше дело было приготовлять карточки. На столе, за которым мы работали, раскладывалась кипа этих карточек; надо было показать, что мы страшно заняты. Я сидел за столом напротив Жени, и мы иногда затевали «морской бой». Все, что Женя делал, было продумано и методично. В результате он разбивал мои «эскадры» в пух и прах.

Женя всегда держал себя с достоинством и пользовался всеобщим уважением со стороны как немцев, так и югославов, французов и итальянцев — сотрудников по конторе.

Близился крах Германии, и в марте 1945 года, по моей просьбе, меня отправили на работы на запад. Женя объяснил фельдфебелю, что работы стало меньше и что меня лучше всего будет отпустить. Он проводил меня до ворот лагеря, мы обнялись, он сунул мне пачку папирос...

Прошло много лет до нашей новой встречи уже в Америке. И вот теперь Женя ушел, но память о нем не угаснет в наших сердцах.

Владимир Бабкин

ПОЛКОВНИК А. С. БРАЗОЛЬ

3 февраля 1993 г. скончался в штате Нью-Хемпшир и 6 февраля похоронен на кладбище Новой Коренной Пустыни в г. Махопак старейший кадет и офицер русского зарубежья полковник Алексанадр Сергеевич Бразоль.

Покойный родился 7 января 1893 г. (по старому стилю) и происходил из потомственной дворянской семьи Полтавской губернии.

А. С. учился сначала в Петровско-Полтавском кадетском корпусе, а затем в Корпусе императора Александра II в Санкт-Петербурге. По окончании корпуса 1 сентября 1912 г. покойный поступил в Николаевское кавалерийское училище, которое закончил портупей-юнкером накануне I Мировой войны — 12 июля 1914 г. — по первому разряду. Высочайшим приказом по Военному ведомству произведен в корнеты лейб-гвардии Кирасирского его вел. полка, в котором он провел всю войну и закончил ее в чине ротмистра. Покойный был награжден шестью орденами за храбрость и тремя медалями.

24 октября 1918 г. А. С. вступил в ряды Добровольческой армии, в которой служил в сводном полку Гвардейской кавалерийской дивизии. 14 октября 1920 г. получил сквозное пулевое ранение в голову. Раненый был перевезен в Феодо-

сию, в Алексеевский госпиталь, а через месяц, когда красные прорвались в Крым, был эвакуирован в Константинополь. По выздоровлении покойный прошел все мытарства белого офицерства в изгнании: работал грумом на конюшне, затем на ферме под Парижем, сдал экзамен на шофера и проработал 6 лет таксистом в Париже, затем стал частным шофером. После этого проработал 15 лет на фабрике «Елизабет Арден» в Париже заведующим складом.

12 июня 1932 г. женился на Александре Владимировне Ревуцкой. В 1947 г. они переехали в США и проживали в Нью-Йорке, где покойный работал сначала в ювелирной фирме, а затем чертежником, параллельно преподавая верховую езду.

Александр Сергеевич был верным сыном России и являл собой образец офицера русской императорской армии. Честный, всегда вежливый, готовый всем услужить, прекрасный семьянин и верный сын Русской Православной Церкви За Границей.

В возрасте 96 лет А. С. ездил с супругой в Попечительство по делам Русской Православной Церкви За Границей в Нью-Йорке, где А. В. долгие годы работала добровольно. Все знавшие А. С., глубоко уважали и очень ценили его доброжелательность и скромность.

В последний раз он праздновал полковой праздник 4 июля 1992 г. в своей семье, так как больше однополчан в живых не осталось. Покойный был членом всех воинских организаций и состоял в Объединении кадет российских кадетских корпусов, посещая праздники и встречи в табельные дни, пока он был в силах. 20 января покойному исполнилось 100 лет.

Нью-Йоркское объединение кадет российских кадетских корпусов выражает свое искреннее соболезнование вдове Александре Владимировне, пасынку Владимиру Харрису, невестке Марии Константиновне, урожденной кн. Енгалычевой, и внукам покойного с их семьями. Вечная ему память!

Кадеты

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ В. И. ЗМУНЧИЛЛЫ
(1928—1992)

7 ноября после долгой болезни ушел от нас в лучший мир всеми кадетами, друзьями и сотрудниками любимый и уважаемый Владимир Игоревич, или проще — Вова, или Абубу.

Родился Вова 31 мая 1928 года в Земуне, Югославия. Он был родом их трех древних дворянских семей: Змунчилл, Ахматовых и Стоговых. В Первый русский вел. кн. кадетский корпус Вова поступил в 1938 году в XXVIII выпуск. Из-за войны корпуса Вова не закончил, но участвовал в эвакуации корпуса и вывез Владимирский стяг, обмотав его вокруг тела.

Этот стяг был пожертвован Вовой русскому делу в Соединенных Штатах, и сейчас он передается ежегодно как награда лучшему ученику русских школ.

В 1947 году Вова приехал в Канаду, поступил в колледж и, закончив его, поступил инженерным консультантом в электронную фирму Du Kane. Здесь Вова быстро продвинулся и занял положение международного директора. По делам фирмы он разъезжал по всему свету, и где бы ни побывал, всюду разыскивал то ли кадет однокашников, то ли ахтырцев, и таким образом поддерживал связь со многими.

Вова всегда принимал близко к сердцу кадетские дела и с энтузиазмом в них участвовал. Он был главным организатором и долгим председателем Объединения кадет города Торонто — под покровительством Е.И.В. вел. кн. Ольги Александровны. Также он был главным организатором и председателем 5-го и 10-го общекадетских съездов. Отец Вовы, Игорь Эразмович, был офицером 12 гусарского Ахтырского полка, чем Вова очень гордился, а ахтырцы считали

его своим. Вова был крестником последнего шефа Ахтырского полка вел. кн. Ольги Александровны, которая его любила и уважала, а он это очень ценил.

Осенью 1992 года, несмотря на свою тяжелую болезнь, Вова принял участие в поездке группы на родину. Там он встретился со своими родственниками Ахматовыми и, предчувствуя скорую кончину, захватил с собой горсть русской земли с поля Бородинского сражения. И чтобы Россия вечно была с Вовой, земля эта лежит в его изголовье.

Скорбя об уходе нашего однокашника и друга, я выражаю мое глубокое сочувствие вдове Ольге Герасимовне и детям — Игорю, Эразму и Татьяне.

О. В. Гипп

К КОНЧИНЕ ВОЛОДИ ЗМУНЧИЛЛЫ

Письмо из России

Мы, ваши друзья в далекой, но родной для всех нас России, потрясены безвременным уходом из жизни бесконечно дорогого и уважаемого Владимира Игоревича Змунчиллы.

Всего двадцать дней провели мы вместе с ним в сентябре, и за этот короткий срок он предстал перед нами как чуткий и отзывчивый друг, добрый и обаятельный человек, безмерно любивший землю своих предков — Россию.

У Володи мы видели гармоничное сочетание всех тех качеств, которые прививались кадетам в корпусах: верность России, уважение к религии, традициям и обычаям, безупречную честность и скромность, вежливость, мужество и доброжелательное отношение к людям. Таким он останется навечно в нашей памяти и в наших сердцах.

Мы выражаем глубокое соболезнование родным, близким и друзьям по поводу безвременной смерти Володи и постигшей их утраты. Скорбим вместе с вами.От имени и по поручению суворовцев России, с уважением

Друкарев Анатолий Александрович
113648, Москва, Северное Чертаново, д. 4, корп. 406, кв. 338

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРМИЛЕВ

Бывший кадет Донского корпуса в Югославии, Евгений Александрович Кормилев родился 28 февраля 1909 года (ст. стиль) в г. Житомире, в офицерской семье. В январе 1920 г. семья Кормилевых эвакуировалась из Одессы в Константинополь и дальше в Югосла-вию.Осенью 1921 г. Евгений Александрович поступил в Русскую гимназию в Словении. По окончании трех классов перешел в Крымский кадетский корпус в Белой Церкви, а потом в Донской корпус в Горажде, Босния, который окончил в 1929 г.

По окончании корпуса Евгений Александрович проработал несколько лет землемером в Югослави. В 1940 г. устроился в Загребе, где работал до 1950 года, когда переселился в Бельгию, а в 1956 г. — в Америку. В Америке Евгений Александрович проработал 6 лет в Нью-Йорке в фирме «Павлос» проектировщиком дорог, а затем 12 лет — в фирме «Андерсон и Кларк» старшим проектировщиком дорог, после чего вышел на пенсию и переехал в Санкт-Петербург, Флорида.

Евгений Александрович любил общественную деятельность и, находясь в Нью-Йорке, состоял много лет председателем ревизионной комиссии в Кадетском объединении. Во Флориде он принимал деятельное участие в работе русских организаций, в правлениях Русско-Американского клуба в Санкт-Петербурге и Западно-Флоридского отдела Конгресса русских американцев. В 1984 году ему была поручена организация годового съезда Конгресса, которую он провел с большим успехом. Последние годы он сильно болел и скончался 23 февраля 1992 г. Похоронен на кладбище Ройал-Палм в С.-Петербурге. Его пережил только старший брат Николай, проживающий там же. Русская колония в С.-Петербурге потеряла одного из своих активных деятелей.

Николай Кормилев

В июне 1992 г. в Брюсселе (Бельгия) скончался кадет 7-го выпуска Русского кадетского корпуса ***Игорь Ветров.***

22 июля 1992 г. в г. Плезантхилл, Калифорния, скончался кадет Хабаровского гр. Муравьева Амурского кадетского корпуса ***Александр Дмитриевич Артамонов.***

21 августа 1992 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался член Объединения, кадет Хабаровского графа Муравьева Амурского кадетского корпуса ***Василий Никитич Плешаков***. Похоронен на Сербском кладбище.

11 сентября 1992 г. в Сан-Бруно скончался кадет I Сибирского императора Алексанадра I кадетского корпуса, член Сан-Францисского объединения и бессменный его казначей ***Валентин Александрович Соколов.*** Похоронен на Сербском кладбище.

5 ноября 1992 г. в Олбани в Австралии скончался кадет XXII выпуска Первого русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса ***Степан Андреевич Демченко.*** Прах покойного был перевезен из Австралии в Джорданвиль и похоронен на старом кладбище Троицкого монастыря, о чем сообщает сестра Татьяна Андреевна Демченко-Пишенина.

25 декабря 1992 г. в Париже, Франция, скончался кадет Крымского и I Русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса Х выпуска ***Георгий Владимирович Стреха.*** Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

В январе 1993 г. в Аргентине скончался кадет Крымского и Донского кадетского корпуса ***Юрий Шевцов.***

10 февраля 1993 г. в Польше после продолжительной болезни скончался кадет Крымского и Донского императора Александра III кадетского корпуса выпуска 1928 г. ***Алексей Лашков,*** о чем сообщает сестра Ольга Е. Эллерт.

9 мая 1993 г. в Сан-Франциско скончался кадет Хабаровского гр. Муравьева Амурского кадетского корпуса ***Олег Александрович Калюжный.***

22 марта 1993 г. погиб на улице Каракаса, Венесуэла, кадет XVIII выпуска I Русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса ***Александр Германович Генералов,*** о чем сообщают кадеты из Каракаса.

13 апреля 1993 г. в г. Риека, Хорватия, скончался кадет IX выпуска Крымского кадетского корпуса, бывший офицер югославской армии, ***Георгий Махновский.***

16 апреля 1993 г. в Бразилии от туберкулеза и болезни сердца скончался кадет XXIV выпуска I Русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса ***Сергей Ковалевский.***

28 августа 1993 г. в г. Сан-Франциско скончался кадет Донского имп. Александра III кадетского корпуса, а затем I Русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса, XI выпуска — ***Александр Иванович Амочаев.*** Похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско.

5 сентября 1993 года в Санкт-Петербурге (Флорида) скончался старейший кадет Донского императора Алексанадра III кадетского корпуса, выпуска 1924 г., ***Борис Ильич Седов.*** Похоронен на кладбище Св. Троицкого монастыря в Джорданвиле.

Всем родным и друзьям усопших выражаем наше глубокое соучастие. Вечная им память!

5 октября 1993 г. в Сент Поле, шт Миннесота, скончался ***Борис Казимирович Ганусовский,*** кадет VII выпуска Крымского кадетского корпуса, офицер кавалерийского казачьего корпуса, журналист, редактор белградского журнала «Бух» и автор книги «10 лет за железным занавесом», сам узник Гулага.

Вдову Наталию Александровну просим принять наши искренние соболезнования в постигшнем ее горе.

28 ноября 1993 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина) скончался ***Николай Кузьмич Дубина,*** кадет XX выпуска I Русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса, общественный деятель и представитель Кулаевского фонда.

Вдову Наталию Александровну с дочерью просим принять наши искренние соболезнования в постигшем их горе.

КАДЕТСКИЙ ПАМЯТНИК НА КЛАДБИЩЕ В НОВОМ ДИВЕЕВЕ

В настоящее время в Нью-Йоркском объединении заканчивается в спешном порядке работа по сооружению памятника на кадетском участке кладбища.

По замыслу инициаторов, памятник будет посвящен как покойным кадетам, так и славному прошлому российских кадетских корпусов.

Памятник — черного гранита — вместе с золотыми куполом и крестом составит комплекс в 14 футов высоты.

О торжественном открытии будет извещено в близком будущем.

Правление Объединения

СПИСОК ПОЖЕРТВОВАНИЙ В ФОНД ЖУРНАЛА № 53

В. А. Лукашевич — 20.00 дол.
В. В. Сигов — 85.00 дол.
А. Б. Боголюбов — 15.00 дол.
Д. Порхаев — 10.00 дол.
В. Касперович — 50.00 дол.
Г. Б. Чариков — 15.00 дол.
В. А. Радостовец — 15.00
Н. В. Андреев — 5.00 дол.
Н. Н. Колубакина — 30.00 дол.
Н. М. Пагануцци — 30.00 дол.
М. А. Лермонтов — 25.00 дол.
Л. Феоктистова (в память брата
Бориса Феоктистова) — 100.00 дол.

400.00 дол.

LUX
LIBERTAS